

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

N.V. Sapoznikov

**HISTORICAL TOPOGRAPHY
OF MEDIEVAL SMOLENSK**

Smolensk
Svitok
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Н.В. Сапожников

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ
ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКА**

Смоленск
«Свиток»
2016

C19

кандидат исторических наук В.С. Курмановский, И.Н. Ершов

ISBN 978-5-9907407-7-0

ББК 63.4

[illegible]

Научное издание

Сапожников Николай Владимирович

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКА

Корректор А.С. Алексеева

Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

© Оформление, оригинал-макет. «Свиток»,
2016

ISBN 978-5-9907407-7-0

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.А. Кренке, Т.А. Пушкина. Предисловие</i>	7
Список публикаций Н.В. Сапожникова.....	10
Введение.....	11
Глава I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	14
Изобразительные источники.....	14
Письменные источники	17
Археологические источники	23
Историография	26
Глава II. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СМОЛЕНСКА	34
«Старый город»	37
Пятницкий острог.....	45
Укрепления XVI века.....	48
Заднепровский острог.....	57
Глава III. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА СМОЛЕНСКА	66
Городская уличная сеть	67
Административно-хозяйственные комплексы	69
Городские усадьбы.....	78
Глава IV. СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ СМОЛЕНСКА	82
Городские концы	84
Городские владения князя	91
Территория сотен	102
Церковное землевладение	104
Заключение	117
Библиография	123
Приложение I.....	139
Приложение II. Городская уличная сеть	168
Приложение III. Территория сотен	176
Приложение IV. Монастырское землевладение	178
Приложение V. Землевладение приходских церквей	181
<i>И.Н. Ершов, В.С. Курмановский. Комментарии к работе Н.В. Сапожникова</i>	182
Список архивных материалов и литературы к примечаниям	190
Список сокращений.....	192

Н.В. Сапожников (1951–1996)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смоленск — один из древнейших русских городов, столица Смоленского княжества, форпост, или «ключ-город» на западных окраинах Московского, а затем и Российского государства. Город с непростой и интересной историей, многие страницы которой до сих пор остаются не вполне ясными. Два вопроса остаются дискуссионными и по сей день, несмотря на обширную библиографию общих и специальных работ нескольких поколений отечественных исследователей. Эти вопросы — время возникновения города и его историческая топография.

Планомерное археологическое изучение Смоленска началось в 1951 г. и в течение длительного времени осуществлялось Смоленской археологической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством профессора Д.А. Авдусина. Работы велись в разных частях города в пределах левобережья. Эти исследования в 1980—1990-е гг. были продолжены «дочерними» смоленскими экспедициями Государственного исторического музея (руководитель Н.И. Асташова) и Централных научно-реставрационных и производственных мастерских (руководитель Н.В. Сапожников).

Обширные материалы, накопленные за десятилетия работ, легли в основу серии диссертаций, которые были подготовлены под руководством Д.А. Авдусина. Серию составили четыре успешно защищенные работы: Е.В. Каменецкой «Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья» (1977); Н.В. Сапожникова «Историческая топография древнего Смоленска» (1983); Н.И. Асташовой «Древний Смоленск до начала XV века по археологическим данным» (1986); Т.В. Сергиной «Керамика Смоленска второй половины XIII—XVII веков» (1994). К сожалению, лишь одна из этих очень важных для археологии Смоленска работ была опубликована монографически¹. Результаты работы и выводы остальных авторов были изложены в многочисленных статьях, вышедших в различных научных изданиях.

¹ Сергина Т.В. Керамика Смоленска середины XIII—XVII веков.//Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск, 2004. С. 5—190

Основные выводы диссертации Н.В. Сапожникова были представлены в автореферате диссертации и затем в статье, вышедшей через несколько лет после успешной защиты и опубликованной в сборнике, посвященном сорокалетию работ Смоленской экспедиции¹. Однако формат статьи оказался слишком «тесен» для данной работы.

Исследование Н.В. Сапожникова об исторической топографии Смоленска носило комплексный характер и было новаторским для своего времени. Автор попытался сопоставить данные письменных источников, нумизматики, фалеристики, топонимики и археологии. В течение ряда лет Н.В. Сапожников принимал участие в работах Смоленской археологической экспедиции МГУ, а затем проводил самостоятельные археологические исследования как в пределах крепостной стены, так и за ее чертой, в том числе и на территории Заднепровья². В рамках поставленной задачи по изучению развития городской территории и системы укреплений были проведены специальные полевые работы, в том числе выполнены трудоемкие разрезы сохранившегося земляного вала, позволившие отнести время его возведения к XVI в.

Исследование Н.В. Сапожникова было выполнено настолько добросовестно, что за более чем тридцать лет с момента завершения работы она не утратила своего значения (см. комментарии в конце книги). Необходимо подчеркнуть, что результаты проделанной Н.В. Сапожниковым работы по сбору и анализу материалов к диссертации, а также результаты непосредственно им проведенных раскопок некоторых архитектурных памятников домонгольского времени стали основой для подготовленной в начале 1990-х гг. чрезвычайно важной работы «Историко-археологический опорный план г. Смоленска». Содержащиеся в этом труде материалы оказались актуальными в наши дни при организации и проведении спасательных археологических работ в условиях живого растущего города.

Все это послужило стимулом к тому, чтобы восполнить очевидный пробел в археологической литературе, посвященной Смоленску, и, наконец, издать исследование Н.В. Сапожникова в виде монографии. Можно сказать, что эта идея «носилась в воздухе», но реализовать её взялись сотрудники Смоленской экспедиции ИА РАН «нового состава», образованной в 2014 г. (в работе принимали участие И.Н. Ершов, Н.А. Кренке, В.С. Курмановский, Т.Ю. Муренцева).

¹ Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска. Автореф. канд. дисс. М., 1983; Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 50–76.

² Сапожников Н.В. Вновь открытые памятники древнесмоленской архитектуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. Новгород, 26–31 августа 1996 г. М., 1998. С. 98–103.

Сапожников Н.В. Новые данные о церкви Иоанна Богослова XII в. в Смоленске // Историческая археология. Традиции и перспективы. (К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина). М., 1998. С. 217–229.

Книга снабжена комментариями (составители И.Н. Ершов, В.С. Курмановский), отсылающими к новым находкам, сделанным уже после завершения Н.В. Сапожниковым работы над диссертацией и дополняющими или корректирующими выводы исследователя.

Мы надеемся, что публикация книги Н.В. Сапожникова создаст своего рода стартовую площадку для нового цикла исследований не только исторической топографии, но и в целом истории и археологии Смоленска.

Н.А. Кренке, Т.А. Пушкина

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Н.В. САПОЖНИКОВА

1. К вопросу об исторической топографии г. Смоленска: Дипломная работа. Рукопись. Хранится на кафедре археологии МГУ, 1974.
2. Раскопки городского вала в Смоленске // АО, 1978 г. — М., 1979.
3. Памятники архитектуры и древняя топография Смоленска // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. — 1979. — № 5.
4. Литовский вал в Смоленске // КСИА. — Вып. 160. — М., 1980.
5. О раскопках в г. Смоленске // АО, 1981 г. — М., 1983.
6. Исследования в Смоленске // АО, 1983 г. — М., 1985.
7. Историческая топография древнего Смоленска: Автореф. канд. дисс. — М., 1983.
8. О результатах археологического обследования церкви Петра и Павла в Смоленске в 1979 году // Реставрация и исследования памятников культуры. — Вып. III. — М., 1990.
9. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596—1602 гг. // Смоленск и Гнёздово. — М., 1991. — С. 50—79.
10. Вновь открытые памятники древнесмоленской архитектуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. Новгород, 26—31 августа 1996 г. — М., 1998. — С. 98—103.
11. Новые данные о церкви Иоанна Богослова XII в. в Смоленске // Историческая археология. Традиции и перспективы. (К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина). — М., 1998. — С. 217—229.
12. Сапожников Н.В. О результатах археологического обследования церкви Петра и Павла в Смоленске в 1979 г. // Реставрация и исследования памятников культуры. — Вып. III. — М.: Стройиздат, 1990. — С. 200—202.
13. Сапожников Н.В. Пол XII века из церкви Иоанна Богослова в Смоленске // Реставрация и исследования памятников культуры. — Вып. IV. — М.: Стройиздат, 2001. — С. 42, 43.

ВВЕДЕНИЕ

Историческая топография древнерусских городов является частью исторической науки. Основное ее содержание сводится к исследованию планировки и застройки, местоположения жизненно важных центров, системы оборонительных сооружений, размещения основных групп населения и роста города применительно к определенному периоду времени. Все эти элементы определяются, с одной стороны, общими закономерностями исторического процесса, с другой — особенностями экономического, политического и культурного развития города. Данные топографии способствуют разрешению более сложных проблем происхождения и развития древнерусских городов, исследования их социально-экономической структуры, участия в общественно-политической жизни государства, и в связи с этим они являются важным источником для изучения истории общества.

В результате длительного исследования эпохи феодализма на Руси советские ученые пришли к выводу о том, что древнерусский город с момента своего возникновения являлся сложным и многозначным социально-политическим и экономическим организмом, осуществлявшим комплекс экономических, политических, административно-хозяйственных и культурных функций [182, с. 38, 39]. Немалую роль в подобного рода исследованиях играют работы, посвященные исторической топографии в целом или некоторым ее аспектам ряда древнейших городов, таких, как Новгород [127, 128, 146, 283, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 310], Киев [180, 184, 271, 272, 273, 274, 275], Псков [136, 200, 201, 204], Полоцк [293, 294], Минск [173] и других.

Взросший интерес к этой проблеме вызван расширением источниковедческой базы, в частности, накоплением археологического материала, усовершенствованием методики исторического исследования, необходимостью сведения воедино разрозненных источников, анализа и обобщения всех известных на настоящий момент данных по истории того или иного города. На примере Новгорода, Пскова и других городов были убедительно показаны роль и значение исторической топографии в решении как крупных, так и ряда более частных исторических проблем.

Надо отметить, что не все города средневековой Руси с этой точки зрения изучены равномерно. В частности, до сего времени не было специального

исследования, посвященного топографии Смоленска. Одна из основных причин этого — невосполнимая утрата в результате многочисленных войн собственно смоленских летописей. Поэтому почти единственным источником по древнему периоду существования города остаются общерусские летописи, в которых можно найти лишь слабое отражение некоторых моментов его истории. Здесь следует отметить, что при воссоздании топографии древнерусских городов самым объемным и содержательным материалом оказываются именно источники местного происхождения [204]. В то же время Смоленск является не только одним из древнейших русских городов, упоминаемых наряду с Киевом и Новгородом — «кривичи... седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же град есть Смоленскъ» [84, т. I, с. 13], — но и весьма своеобразным образованием с особой социально-политической и планировочной структурой.

История Смоленска уже давно вызывает интерес исследователей, однако ими рассматривались либо отдельные элементы топографии города, либо определенные и довольно узкие периоды его существования (С.П. Писарев, И.И. Орловский, Л.Я. Лавровский, С.Д. Ширяев, И.М. Хозеров). Тем не менее, можно считать, что их работами положено начало изучению смоленской топографии. С проведением в послевоенное время комплексных исследований города, связанных с археологическим изучением его культурного слоя и памятников древнего зодчества (Д.А. Авдусин, Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт), круг источников по топографии Смоленска значительно расширился. Однако наибольший интерес исследователей сосредотачивался на домонгольском периоде его истории. В то же время совершенствовалась методика исторического исследования, в частности, широко применяется комплексный подход к решению различных исторических вопросов.

В связи с подобным положением дел в изучении Смоленска, когда, с одной стороны, накоплен значительный археологический, архивный и изобразительный материал и предшествующими исследователями уже проделана определенная работа по восстановлению отдельных элементов топографии города, а, с другой стороны, целостной картины его развития во времени и пространстве еще нет, назрела необходимость в сведении воедино и анализе всех известных на настоящий момент данных по топографии Смоленска.

Хронологические рамки предлагаемой работы обусловлены необходимостью исследовать наименее освещенный источниками период сложения древней топографии города, закончившийся, в основном, ко времени возведения в 1596—1602 гг. знаменитым зодчим русского средневековья Федором Конем каменной крепости. Почти полное отсутствие данных по ранней топографии Смоленска обусловило использование ретроспективного и комплексного (с привлечением различных категорий источников — изобразительных, письменных, археологических) методов исследования. Поскольку основной круг источников относится ко времени позднего средневековья, то подобная методика представляется единственно возможной, хотя применять ее приходится весьма осторожно, памятуя

предостережение С.Б. Веселовского о последствиях неумеренного использования ретроспективного метода [148, с. 10].

Содержание настоящей работы составляет:

а) характеристика различного рода источников и рассмотрение проблем топографии города в дореволюционной и советской историографии (глава I);

б) исследование системы оборонительных сооружений Смоленска, которая с наибольшей наглядностью представляет этапы его пространственно-временного роста и характеризует одну из основных функций города (глава II);

в) изучение планировочной структуры и попытки воссоздать сеть улиц города как наиболее древних, так и возникших в более позднее время, а также уточнить местоположение некоторых административно-хозяйственных комплексов, таких как Торг, Государев двор, Владычен двор и прочих (глава III);

г) исследование некоторых аспектов социальной топографии. Смоленску была присуща та же сложная социальная структура, что и некоторым другим древнерусским городам — здесь жил князь со своей администрацией, местные феодалы, торгово-ремесленная прослойка, духовенство. Кроме того, население города было объединено в концы, вероятно, со своим самоуправлением. Подобная структура, естественно, нашла отражение в распределении городского земельного фонда, чему посвящена глава IV. Вопрос о собственности на землю в городе, где она не была основным средством производства, вызывает особый интерес.

Некоторые проблемы топографии Смоленска поднимаются в работе впервые. В частности, вопрос об оборонительных сооружениях Заднепровской части города, о распределении городского земельного фонда между различными группами населения. Следует отметить, что поскольку настоящее исследование в большой мере зависит от круга письменных и археологических источников, которыми Смоленск обеспечен очень слабо, то представляется невозможным решить на их основе узловые проблемы истории города: выявить местоположение первоначального городского поселения, рассмотреть зарождение и проследить этапы формирования кончанской структуры, исследовать систему взаимоотношений различных категорий населения, изучить экономическое развитие и т.д. Эти аспекты развития Смоленска выходят за рамки данной работы и затрагиваются лишь в тех случаях, когда для этого есть достаточные основания.

Кроме того, элементы исторической топографии города, сложившиеся к определенному моменту его развития, лишь весьма опосредованно и очень неполно отражают те сложные социально-экономические, политические и культурные процессы, которые и составляют существо его истории. В этом состоит трудность интерпретации данных исторической топографии, избежать которой можно будет в будущем при значительном расширении источниковедческой базы. Особую роль при этом должны сыграть археологические исследования.

Настоящая работа, в результате которой выявлены наиболее значимые в историко-культурном отношении участки территории Смоленска, может способствовать совершенствованию планирования археологических работ и задачам сохранения памятников древности.

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В работе при воссоздании древней топографии Смоленска использованы три категории источников: изобразительные, письменные и археологические.

Изобразительные источники

Представлены четырьмя группами иллюстративного материала: картографической, иконографической, графической и памятниками медальерного искусства.

Картографические источники

Эта группа изобразительных материалов объединяет изображения Смоленска на гравюрах XVII в., а также планы города XVIII — начала XX в. Рассмотрение их в одном разделе объясняется тем, что виды Смоленска XVII в. являются, по существу, перспективными планами города. Следует отметить, что самое раннее из известных изображений Смоленска относится к 1545 г. Оно помещено в труде базельского гуманиста и математика Себастьяна Мюнстера «Космография» [193, с. 85]. Другой вид Смоленска (1607 г.) был издан в серии Франса Хогенберга «Исторические листы» [193, с. 87]. К сожалению, эти издания недоступны, поскольку находятся за пределами СССР. В нашем распоряжении имеются изображения Смоленска, начиная только с 1610 г.

План Г. Келлера 1610 г. Гравированный вид Смоленска, изображающий осаду города поляками. Смоленск на нем показан с юга: на переднем плане видна крепость, построенная Ф. Конем в 1596—1602 гг., а на заднем — в Заднепровье — посадские дворы и укрепления Заднепровского острога. Известны три варианта этой гравюры; сходство их, за исключением некоторых деталей, настолько велико, что можно говорить о едином для всех трех гравюр авторстве. На одном из видов есть надпись «Келлер, 1610 г.» Видимо, и два других принадлежат его

руке, поэтому все три вида можно рассматривать как варианты одной и той же гравюры, выполненной Г. Келлером.

Вариант А (рис. 1) ¹. Впервые опубликован в 1637 г. Павлом Фюртом в Нюрнберге. В России издан в 1835 г. П. Мухановым [59, с. 332, прилож. VI], который отнес его изготовление к первым годам XVII в. Место хранения неизвестно.

Вариант Б (рис. 2). Входил в собрание графа А.А. Бобринского. Опубликовано в 1904 г. [202, табл. XV]. Вариант гравюры имеет подпись автора и дату. Место хранения неизвестно.

Вариант В (рис. 3). Хранится в фондах Государственного Исторического музея в Москве. В правом верхнем углу помещена экспликация на немецком языке [14].

Несмотря на то, что время изготовления гравюры определяется вариантом Б и датируется 1610 г., изображенные на ней события относятся к более раннему времени — самому началу осады Смоленска в 1609 г. На это указывает наличие на изображении моста через Днепр (сожжен 11 октября 1609 г.) и укреплений Заднепровского острога (см. подробнее об этом главу об оборонительных сооружениях). Таким образом, дата 1610 г. указывает не на время изготовления рисунка, а на готовность гравюры. Несмотря на то, что вид города на гравюре носит условный характер, он представляет значительный интерес для реконструкции оборонительных сооружений Заднепровья.

Анонимный план Смоленска 1627 г. (рис. 4). План перспективный, изображает смоленскую крепость с севера. Был опубликован в приложении к Памятной книжке Смоленской губернии за 1864–1865 гг., где датировался временем 1611 г. [172]. Литографский камень этого издания хранится в фондах Смоленского государственного музея-заповедника [21]. С.П. Писарев, подробно проанализировав его, пришел к выводу, что план датирован неверно. Во-первых, на нем уже обозначена Королевская крепость, между тем, в 1611 г. ее только начинали строить; во-вторых, застройка крепости распределена на кварталы, что было сделано после указа Сигизмунда III от 11 ноября 1611 г. [229, с. LXV]. План Смоленска относится ко времени до 1633 г., поскольку на нем не обозначено место Шеинова пролома, сделанного во время штурма крепости русскими войсками 18 апреля 1633 г. Обращает на себя внимание изображение моста через Днепр. На плане видно, что он носит уже не временный характер — это сложное инженерное сооружение. Указ о постройке моста был издан Сигизмундом III в 1625 г. [229, с. LXVI], следовательно, этот план можно датировать временем после 1625 г., но до 1633 г. По мнению С.П. Писарева, мост такой сложной конструкции можно было построить не быстрее, чем за два года [237, с. 170, 171]. На этом основании план датируется временем не ранее 1627 г. Под этой датой он и известен в историографии.

План В. Гондиуса 1636 г. (рис. 5). Изображает неудачную осаду и капитуляцию русских войск под Смоленском в 1634 г. Это большой план, состоящий из 16 листов, на котором показана не только сама крепость (со стороны Заднепровья), но и ближайшие её окрестности от Духова монастыря на востоке до Троицко-

¹ Здесь и далее см. рисунки в приложении 1.

го монастыря на западе [22, 55]. На листе 9 есть пояснительная надпись, которая гласит: «Его Королевского Величества военным архитектором, господином Иоанном Плейтнером на самом месте набросано, измерено и рисовано в 1634 г. и Его Королевского Величества гравером на меди, иконописцем и привилегированным перспективным рисовальщиком Вильгельмом Гондом сообща гравировано в Данциге в 1636 г.». В литературе он известен или как план 1634 г. (по времени событий, изображенных на нем), или как план 1636 г. (по времени завершения работы над ним). Является очень ценным источником, поскольку на нем отображены такие детали топографии Смоленска, которых в более позднее время уже нет. Этот план В. Гондиус снабдил подробным описанием, изданным в России в 1847 г., изображенных на нем объектов [55].

Планы Смоленска и окрестностей начала XVIII – начала XX вв. (рис. 6–10). При подготовке настоящего исследования автором проработано около 400 планов Смоленска начала XVIII – начала XX вв., опубликованных в различных изданиях [166, 208, 255] или выявленных в архивах и фондах музеев Москвы (ЦГВИА), Ленинграда (ЦГА ВМФ, ЦГИАЛ, ЛОИА) и Смоленска (СОМ). В работе использованы данные 21 плана в связи с тем, что большинство остальных либо дублируют друг друга, либо не содержат необходимой информации.

Иконографические источники

Эта группа источников представлена всего одним видом Смоленска на иконе Смоленских чудотворцев Авраамия и Меркурия. Икона происходит из церкви села Сверчково под Смоленском. Ранее входила в иконостас Богоявленского собора в Смоленске (рис. 11). Изображение города (его северная часть в пределах крепости) помещено между фигурами святых, у их ног. Г.К. Бугославский считает, что время написания иконы и сам вид города следует отнести к 1710–1721 гг. [141, с. 48–52].

Графические источники

Представлены рядом фотографических, а также живописных (акварельные рисунки) изображений отдельных частей города, в основном второй половины XIX в. (рис. 12, 13), носят вспомогательный, иллюстративный характер [15, 16, 17].

Памятники медальерного искусства

Эта группа источников включает три памятные медали, отчеканенные по приказу Сигизмунда III в память о взятии Смоленска в 1611 г. Две из них вводятся в научный оборот впервые.

Медаль за взятие Смоленска в 1611 г. (рис. 14). Место хранения и материал неизвестны. Ранее не публиковалась. Рисунок медали хранится в фондах Смоленского государственного музея-заповедника [18]. На аверсе отчеканено погрудное изображение Сигизмунда III в профиль; на реверсе — смоленская крепость в момент заключительного штурма ее поляками. Время чеканки медали не установлено, однако, скорее всего, это произошло вскоре после захвата города. Изображение крепости довольно условно, но некоторые детали обращают на себя внимание своей достоверностью, так как находят подтверждение в письменных источниках как отечественных, так и польских. В дальнейшем в работе для краткости медаль будет именоваться «Медалью А».

Медаль за взятие Смоленска в 1611 г. (рис. 15). Место хранения и материал неизвестны. Так же, как и «Медаль А», вводится в научный оборот впервые. Рисунок ее хранится в фондах Смоленского государственного музея-заповедника [19]. Изображение на аверсе аналогично аверсу «Медали А» во всех деталях. Скорее всего, обе медали чеканились одновременно. Реверс отличен. На нем показана крепость безо всяких следов осады и штурма. В дальнейшем эта медаль будет именоваться «Медалью Б».

Сигизмундова медаль 1611 г. (рис. 16). Сделана из золота. Исполнена Самюэлем Аммоном после 1613 г. в честь взятия Смоленска Сигизмундом III в 1611 г. [157, с. 79, прим. 29]. Многократно использовалась в работах, посвященных истории Смоленска. На аверсе помещено погрудное изображение Сигизмунда III в профиль; на реверсе — заключительный штурм смоленской крепости [20]. В работе будет именоваться «Сигизмундовой медалью».

Изображения Смоленска XVII в. представляют исключительный интерес и имеют большое значение для воссоздания древней топографии города, поскольку содержат такие детали, которые на планах более позднего времени уже отсутствуют. Отрицательная сторона этого источника состоит в том, что эти изображения довольно схематичны и подчас не отличаются большой точностью в передаче деталей. Видимо, здесь свою роль сыграл субъективный момент. Кроме того, их немногочисленность и сравнительно поздний промежуток времени, охватываемый ими (с 1610 г. по 1634 г.), указывает на то, что эти изображения можно и необходимо использовать только в совокупности с данными планов XVIII—XX вв., письменных источников и археологии, когда они становятся действительно ценным подспорьем в решении проблемы реконструкции древней топографии Смоленска.

Письменные источники

Отечественные источники

Писать о Смоленске, будь то вопросы, связанные с его политической и социальной историей или исторической топографией, достаточно сложно, поскольку смоленские летописи до нашего времени не дошли. Как считал В.А. Арнаутов

[130, с. 15, 30, 31], древняя смоленская летопись была утрачена уже в XV в., что, видимо, было связано с захватом Смоленска литовцами в 1404 г. и более чем вековым их господством (до 1514 г.). За это время летопись была разрознена, а отрывки ее растворились в чужих летописных сводах. Огромный урон был нанесен местным документам во время пожара и заключительного штурма города поляками в 1611 г., а, кроме того, наполеоновским нашествием на Россию. Такое положение, в основном, характерно для начального периода существования города. Правда, ряд ранних общерусских сводов, таких, как Повесть временных лет, Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская первая, Софийская первая и Воскресенская летописи содержат единичные сведения, по большей части политического характера, связанные с деятельностью того или иного князя. В некоторых из них есть сообщения, которые проливают свет на ряд вопросов, связанных с исторической топографией города: в основном это сообщения о строительной деятельности смоленских князей. Так, например, в упомянутых летописях говорится о постройке в Смоленске городского Успенского собора Владимиром Мономахом в 1101 г., закладке Ростиславом Мстиславичем на Смядыни в 1145 г. каменного Борисоглебского монастыря, сооружении Романом Ростиславичем церкви Иоанна Богослова и Давидом Ростиславичем церкви Михаила Архангела. Вот этими сведениями, по существу, и ограничивается наше знание о топографии Смоленска.

В связи с подобным состоянием источников исследователями предприняты попытки обнаружить в различных документах следы раннего смоленского летописания. В 1897 г. Н.И. Петров опубликовал запись из сборника XVII в. Киевского Михаило-Златоверхого монастыря [83, с. 153, 154], в которой есть подборка из четырех сообщений, касающихся смоленской истории: о строительной деятельности князя Ростислава Мстиславича; об освящении первым смоленским епископом Мануилом церкви Богородицы (Успенского собора); о строительной деятельности князя Давида Ростиславича и перенесении им мощей Бориса и Глеба; о взятии поляками Смоленска в 1611 г. и взрыве соборной церкви. В 1909 г. И.И. Орловский вместе с «Похвалой князю Ростиславу Мстиславичу» опубликовал документ, близкий по своему содержанию тексту сборника Михаило-Златоверхого монастыря, из Нифонтовского сборника (30-е гг. XVI в.). Правда, публикация была осуществлена не по первоисточнику, а по копии, сделанной в начале XIX в. для Н.П. Румянцева [232, с. 211, 212, прим. 2], что привело к искажению текста. Кроме того, И.И. Орловский, воспроизводя текст документа, допустил исправление даты, которая к тому же, как впоследствии оказалось, была неверна. Я.Н. Шапов, проанализировав эти три документа и подвергнув их критическому разбору, пришел к выводу, что все они восходят к раннему смоленскому летописанию [297]. Возвращались к этим документам Н.Н. Воронин [156] и ряд других исследователей [99].

В 1956 г. М.Н. Тихомиров опубликовал отрывок из Краткого летописца конца XV в., тесно связанный с текстом сборника Михаило-Златоверхого монастыря [268, с. 356, 357, прим. 3]. Проанализировав эти два документа, Н.Н. Воронин

пришел к выводу, что текст из Краткого летописца содержит массу фактических неточностей, «однако часть его показаний,..., имеет некоторое значение». В этом смысле запись Михаило-Златоверхого монастыря, несмотря на то, что была сделана позднее, имеет большое значение. Тем не менее оба этих документа представляют значительный интерес, поскольку являются отголосками не дошедшей до нашего времени смоленской летописи [154].

Некоторые фрагменты раннего смоленского летописания отмечены исследователями в Устюжском летописном своде (Архангелогородский летописец) начала XVI в. [155, 287, 227, с. 21; 262, с. 260–263].

Особое значение имеют смоленские грамоты XII–XIV вв. [95, 108], поскольку они являются источником местного происхождения, почти не подвергавшимся поздним переработкам. В нашем случае наибольший интерес представляют грамоты смоленской епископии и Торговый договор Смоленска с Ригию и Готским берегом 1229 г. Ранее считалось, что в комплекс грамот смоленской епископии входили три документа: Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, подтвердительная грамота епископа Мануила 1150 г. и дополнительная грамота. Первый документ обычно датировался 1150 г. по подтвердительной грамоте епископа Мануила [95, с. 80], составление же третьего документа относилось к более позднему времени [174, с. 54]. В настоящее время Я.Н. Щаповым и А.В. Поппэ определено, что Уставная грамота князя Ростислава датируется 1136 г. [242, 296]. Я.Н. Щапов установил, что комплекс грамот смоленской епископии состоит не из трех документов, а из четырех [298, с. 136–150; 108, с. 140–146]:

1. Уставной и жалованной грамоты Ростислава церкви Богородицы и епископу, связанной с утверждением епископии в Смоленске (1136 г.);

2. Подтвердительной грамоты епископа Мануила (1136 г.);

3. Жалованной записи Ростислава церкви Богородицы и епископу на земельный участок (1150 г.);

4. Уставной записи о размерах поступлений с городов Смоленской земли (конец XII – начало XIII вв.). Особенно интересны первые три документа, поскольку они содержат сведения о взаимоотношении городского, княжеского и епископского землевладения в Смоленске.

По поводу Торгового договора Смоленска с Ригию и Готским берегом существует обширная историографическая литература, подробное рассмотрение которой не входит в задачу данной работы. Договор известен в двух редакциях: готландской (списки А, В, С) и рижской (списки D, E, F). Наиболее ранний из них (А) датируется 1229 г. Все шесть списков содержат сведения о существовании в Смоленске немецкой церкви, которая функционировала по крайней мере до середины XIV в. (список F). Два списка D (1270–1277 гг.) и E (1-я половина XIII в.) упоминают немецкое подворье в Смоленске. Таким образом, Торговый договор содержит, хотя и немногочисленные, но очень важные сведения по топографии города первой половины XIII в.

Наши представления о Смоленске дополняют жития святых общерусских, Бориса и Глеба, и местных – Авраамия и Меркурия. По поводу жизни первых

общерусских святых князей Бориса и Глеба существует обширная церковная литература: «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», составление которого относится к 70 — началу 80-х гг. XI в., а авторство приписывается Нестору Летописцу. Фактическая основа была заимствована им из древнейшего летописного свода, легшего в основу Начального свода и Повести временных лет [41, с. 1—У]. Поэтому события, относящиеся к этому времени, нашли почти дословное отражение в Лаврентьевской [65, с. 132—141], Ипатьевской [62, с. 115—126], Новгородской первой [77, с. 169—174] и ряде других летописей. Кроме этого произведения, существует «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу», древнейший список которого сохранился в Успенском сборнике конца XII — начала XIII в. [104, с. 42—58]. Интересно житие тем, что здесь впервые упомянута Смядынь, имевшая большое значение в истории Смоленска.

Написание жития Авраамия относят к первой трети XIII в. Это важный источник по истории общественной и религиозной жизни Смоленска, который к тому же содержит ряд сведений топографического характера [91, 92]. Житие Меркурия [50], повествующее о монголо-татарском нашествии (события 1238 г.), представляет из-за своей фантастичности меньший интерес, хотя и дает перечисление некоторых смоленских церквей, а также упоминает о существовании в городе подола.

Монголо-татарское нашествие нанесло страшный удар по культурной жизни древнерусских городов, даже таких, как Смоленск, который не подвергнулся прямому разгрому. Никаких письменных памятников этого времени в Смоленске не сохранилось, за исключением нескольких грамот смоленских князей, в основном, торгового характера [95]. Кроме того, с 1404 г. и по 1514 г. Смоленск находился под властью Литвы, когда было практически уничтожено, как уже отмечалось выше, само местное летописание. Другие отечественные источники также не содержат никаких сведений о Смоленске по интересующему нас вопросу. С началом борьбы за Смоленск в начале XVI в. интерес к нему со стороны летописцев пробуждается вновь. Особо важное значение для этого времени имеют Иоасафовская летопись и отрывок из неизвестного документа, содержавшийся в ней, который датируется, как и сама летопись, началом 20-х годов XVI в. [61]. Данные этих источников носят исключительно военный характер, поскольку посвящены походам Василия III на Смоленск с целью присоединения его к Московскому государству. Однако наряду с ними здесь можно почерпнуть много ценных сведений, касающихся городских оборонительных сооружений.

Ряд фактов того же свойства содержится в Разрядных книгах третьей четверти XV — первой половины XVII вв. [88, 89, 90].

С конца XVI в. количество источников, а вместе с ними и интересующих нас сведений, резко возрастает. Это было связано с тем, что Смоленск, будучи крупным граничащим с Польшей городом, стал важным узлом обороны Русского государства. К 1598 г. относится «Роспись, выдаваемой от царицы Александры Федоровны руги смоленским церквям и монастырям из Рославльских

житниц» [93]. Этот документ представляет собой перечисление некоторых смоленских церквей с указанием выданного количества зерна. Однако, если до него по отечественным источникам были известны наименования только шести смоленских церквей и монастырей, то здесь приводится список названий уже девятнадцати, что само по себе представляет большой интерес. К тому же году относится отрывок из смоленской крестоприводной книги [94]. В нем перечислены названия более 70 ремесленных специальностей, что дает исключительный материал для исследователей, занимающихся историей ремесла в России. Кроме того, здесь содержится указание на существование в Смоленске трех стрелецких приказов, а не двух, как считалось ранее [269, с. 358, 359]. Это является косвенным свидетельством деления города на три крупные территориально-административные единицы. Упоминание некоторых сотен, бывших в Смоленске в конце XVI – начале XVII вв., впервые встречается именно в этом документе, что важно для анализа социальной топографии города.

В 1841 г. в России была опубликована часть документов смоленской Приказной избы, относящихся ко времени 1600–1611 гг. и хранившихся в Стокгольмском архиве [42, т. 2; 43]. В 1912 г. Ю.В. Готье была издана и другая часть этих актов, датируемых 1609–1611 гг., то есть временем обороны города от поляков [81]. Акты смоленской Приказной избы являются ценнейшим источником по воссозданию топографии не только позднесредневекового Смоленска, но и более раннего времени, поскольку содержат конкретные сведения о системе городских оборонительных сооружений, их конструкции; названиях ряда улиц и их местонахождении, сведения о торговых и административных учреждениях города, размерах дворов и состоянии городских посадов, о делении населения Смоленска на концы и сотни.

Иностранные источники

Кроме отечественных, большую помощь в воссоздании топографии древнего Смоленска оказывают иностранные источники, содержащие интересные сведения о размерах города в то или иное время, росте его территории, планировочной структуре, оборонительных сооружениях, городских концах, посадах, церквях и монастырях, то есть тот комплекс данных, которые и составляют топографию любого города. Наиболее раннее упоминание Смоленска иностранными авторами относится к середине X в. в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении государством» [48]. Сам автор никогда не был в Смоленске и на территории древней Руси, а писал о ней с чужих слов. Тем не менее, это свидетельство весьма важно, поскольку признает существование Смоленска как города, то есть укрепленного поселения, особо отмечая при этом мощь его оборонительных сооружений.

Есть некоторые упоминания о Смоленске и в памятниках древнескандинавской литературы, запись которых была осуществлена не ранее XIII в. [218,

с. 141–156]. Следует отметить, что они сводятся лишь к простой констатации существования города и не дают никакого представления о его топографии. По мнению исследователей, использовать скандинавские источники для изучения топографии древнерусских городов следует очень осторожно. К примеру, в норвежской «Саге о Тидрике Бернском» (середина XIII в.) отмечается наличие каменных укреплений в Полоцке, появившихся здесь только в XV в. Г.В. Глазырина пришла к выводу, что «говоря об оборонительных сооружениях Полоцка, создатели саги воспроизвели стереотипный, обобщенный образ, сложившийся на основе практического знакомства с западно- и восточноевропейскими городами того времени» [160, с. 158–160].

Длительный период после этого, вплоть до XV в., иностранными авторами Смоленск не описывается. С 1404 г. город вошел в состав Литовского государства, что и обусловило географию источников по его истории. На первом месте в это время стоят именно литовские источники: «Летопись великих князей литовских», литовские метрики и жалованные грамоты великих литовских князей.

«Летопись великих князей литовских» интересна тем, что впервые сообщает сведения о состоянии городского посада в Заднепровье, о котором до этого времени нет никаких данных [67, с. 29]. Документы Литовской метрики содержат не много нового по сравнению с «Летописью», хотя некоторые данные о топографии города можно почерпнуть и отсюда. Так, например, они приводят сведения о городских садах, а также о культовых постройках. Впервые здесь встречается упоминание поселения на р. Чуриловке — части городского посада, имевшей большое значение в жизни средневекового Смоленска [69, 70].

Бесценным источником для воссоздания топографии Смоленска, особенно в ее социальном аспекте, являются жалованные грамоты великих литовских князей смоленским епископам последнего десятилетия XV в. Впервые здесь упомянуты концы и приведены очень подробные сведения о распределении фонда городских земель между представителями литовской администрации и церкви [44].

Из сообщений других авторов известно единственное, принадлежавшее венецианскому путешественнику Амброджо Контарини, посетившему Смоленск в 1474 г. [49].

С начала XVI в. количество иностранных источников резко возрастает, но растет не только их количество, расширяется и их география. В это время появляются обстоятельные описания Смоленска, сделанные польскими, австрийскими, французскими, итальянскими, английскими авторами. Подобный интерес иностранцев к России был вызван процессом складывания централизованного Русского государства в XV–XVII вв. Дневники и письма послов и членов посольств европейских государств, путешественников и просто авантюристов, описывающих эту неведомую, таинственную и непонятную им Московию, не обошли вниманием и Смоленск, который был воссоединен с Русским государством в 1514 г.

На основании источников XVI в. можно судить о том, что Смоленск в это время был большим городом, оснащенным мощной, хорошо вооруженной кре-

постью, вокруг которой раскинулись обширные посады с множеством церквей как на левом, так и на правом берегу Днепра. Причем, иногда заднепровская часть Смоленска принималась иностранными авторами за сам город. Разделение Смоленска на крепость и город сохранялось и в последующее время.

Наибольшее количество сведений по топографии Смоленска относится к XVII в. В это время велик удельный вес польских источников, которые, подчас носят разведывательный характер. Объясняется это тем, что Смоленск, будучи граничащим с Польшей городом и являвшимся узлом обороны Русского государства, стал яблоком раздора между Польшей и Россией. Большой интерес представляют сообщения тех авторов, которые были непосредственными участниками осады Смоленска в 1609–1611 гг. Ежедневные наблюдения за крепостью, попытки найти выгодные места для штурма, данные шпионов и перебежчиков, великолепное знание местности делают эти сведения очень точными, что ценно при работе по воссозданию как топографии Смоленска конца XVI – начала XVII вв., так и более раннего времени.

Археологические источники

В последнее время все большее значение в изучении древней топографии Смоленска приобретают данные археологических раскопок. По своему составу археологические источники делятся на три группы. К первой относятся данные, полученные в результате исследования культурного слоя: его ареала, состава, мощности, постройках, входящих в него. Во вторую группу входят данные архитектурной археологии. Эта группа источников позволяет делать выводы о социальной значимости того или иного района и самого города в целом. И, наконец, к третьей группе относятся результаты археологических раскопок древних городских укреплений, которые с наибольшей наглядностью констатируют основные этапы развития городской территории.

Археологическое изучение Смоленска началось в 1867–1868 гг., когда в предместье Смоленска – Рачевке – М.П. Полесским-Щепилло были частично вскрыты остатки каменного храма домонгольского времени [241]. Следует отметить, что в XIX в. вопрос о состоянии культурного слоя города, его мощности и границах распространения не интересовал исследователей. Их внимание было привлечено к отдельным вещам, найденным при случайных земляных работах, остаткам многочисленных в Смоленске культовых построек, древним кладбищам. Но уже в конце XIX в. было установлено, что в центральной части города «почва состоит большей частью из перегнивших органических веществ, а местами попадаются кости» [131]. Впервые же археологический надзор за земляными работами был осуществлен в 1900–1901 гг. М.Н. Неклюдовым и С.П. Писаревым при устройстве электростанции для первого в Смоленске трамвая (в районе совр. ул. Соболева). В результате было сделано важнейшее наблюдение – органические вещества в условиях влажной почвы Смоленска хорошо консервируются.

Впервые в археологии Смоленска были зафиксированы многоярусные остатки деревянных мостовых и постройки горожан [228].

После смерти С.П. Писарева изучение древностей Смоленска опять сводится к выявлению и обследованию памятников культового зодчества.

В 20-х гг. XX в. изучением культурного слоя города занимался А.Н. Лявданский, который обследовал городища: Соборная гора, Рачевское и Лестровское — находящиеся на территории современного Смоленска [210, с.168—171; 211, с. 203—205, 292]. Раскопки показали, что культурный слой Рачевского городища с примыкающим к нему селищем и нижний слой Лестровского городища содержат материал, который теперь относят к днепро-двинской культуре. Поселение на них появляется во второй половине I тыс. до н.э. Позднее Лестровское городище было оставлено и вновь заселено лишь в VI—VIII вв. н.э., что устанавливается по керамике тушемлинского типа. К этому же времени относится нижний слой поселения на Соборной горе, которое вторично заселяется уже в древнерусское время. Несмотря на то, что А.Н. Лявданский не преследовал специальной цели выяснения топографии города, тем не менее, данные, полученные в результате его раскопок, имеют значение для настоящей работы. Позднее Рачевское и Лестровское городища обследовались В.Р. Тарасенко [267, с. 126, 127], Н.В. Андреевым [129, с. 84, 85], Е.А. Шмидтом и А.А. Ходченковым [290, с. 37; 292, с. 229, 230].

С 1951 г. экспедиция Исторического факультета МГУ под руководством Д.А. Авдусина с небольшими перерывами ведет изучение культурного слоя Смоленска. Исследовано более 2000 кв. м. Работы сосредоточены в основном в северной части крепости в районе улиц Студенческой (1 раскоп), Соболева (5 раскопов) и на Соборной горе (8 раскопов). Кроме того, была проведена шурфовка слоя на Смядыни. В результате выявлены мощные, более 8 м, культурные напластования; зафиксированы части усадеб, хозяйственные и производственные комплексы. Раскопки позволили проследить направление ряда городских улиц, функционировавших длительное время.

Важную роль в реконструкции топографии города, особенно в ее социальном аспекте, играют результаты исследований памятников древнего зодчества. Выше уже отмечалось, что первые раскопки были проведены М.П. Полесским-Щепило. В 1883 г. А.С. Уваров предпринял попытку изучения собора Борисоглебского монастыря на Смядыни, а также попытался раскопать малый Васильевский храм [276]. Большой вклад в изучение памятников древнесмоленского зодчества внес С.П. Писарев, выявивший ряд неизвестных дотоле построек [236, 237, 238]. В 1907—1908 гг. И.И. Орловский совместно с Д.Б. Милеевым полностью раскапывают собор Борисоглебского монастыря [232]. После его смерти в 1909 г. Е.Н. Клетнова и И.Ф. Барщевский целиком вскрывают руины Васильевского храма [186, 187].

В 20-х гг. XX в. исследованием памятников древнесмоленского зодчества занимался И.М. Хозеров, который, обследовав территорию города и перепроверив данные других исследователей, пришел к выводу, что в Смоленске в до-

монгольское время насчитывалось не менее 27 каменных построек [280, 282]. В послевоенное время главный архитектор города И.Д. Белогорцев на основании предшествующих исследований, а также используя свои собственные изыскания, довел численность каменных построек XII—XIII вв. до 46 [137]. Однако уже сам исследователь позднее уменьшил эту цифру, поскольку в результате проверок выяснилось, что за остатки древних сооружений им подчас принимались отдельно лежащие блоки кладки, россыпь плинф и цемяночного раствора, которые разносились из ближайших памятников [138]. Попытки И.Д. Белогорцева отождествить обнаруженные руины с наименованиями некоторых смоленских церквей, встречающихся в письменных источниках, не имеют, в большинстве случаев, под собой реальной основы. И.Д. Белогорцевым было предпринято и археологическое исследование церквей, в частности, остатков «Пятницкой» церкви на ул. Большой Краснофлотской (1951 г.), а ранее, в 1949 г., частично руин собора Спасского монастыря в бывшей деревне Чернушки и круглой постройки — ротонды (1950 г.). Несмотря на то, что методика исследования не соответствовала современным требованиям, вклад И.Д. Белогорцева в дело изучения, пропаганды и охраны памятников смоленской архитектуры очень важен.

Первые раскопки памятников древнего зодчества, проведенные на современном уровне, были предприняты Д.А. Авдусиным. В 1955 г. он исследовал остатки церкви в Перекопном переулке (1-я половина XII в.), а в 1958 г. — уникальную для русской архитектуры круглую в плане постройку 2-й половины XII в. — ротонду [113, 114].

В 1962 г. была организована Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция, которую возглавил Н.Н. Воронин, а после его смерти — П.А. Раппопорт. За время работы экспедиции в 1962—1967 гг. и в 1972—1975 гг. было раскопано и изучено 11 построек XII—XIII вв. и XVI в. Среди них — собор на Протоке, раскопки которого еще в 1867—1868 гг. были начаты М.П. Полесским-Щепилом, собор Спасского монастыря в д. Чернушки, церковь на Воскресенской горе, бесстолпный храм и руины гражданского сооружения на Соборной горе, церкви на р. Малая Рачевка, на Окопном кладбище, собор Троицкого монастыря на р. Кловке, церкви у устья р. Чуриловка и на Большой Краснофлотской улице, собор Духова монастыря в д. Шейновка. В 1963 и 1973 гг. были вскрыты два уникальных производственных комплекса конца XII — начала XIII вв. — кирпичеобжигательные печи на Рачевке, недалеко от собора на Протоке, и на улице Пушкина. Итогом работы по изучению памятников древнесмоленского зодчества стал вывод о существовании в домонгольском Смоленске своей архитектурной школы. Материалы раскопок были опубликованы в совместном труде Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.» [158].

Оборонительные сооружения в древнерусских городах, выполняя свою непосредственную функцию, являлись к тому же, как бы ориентирами, по которым исследователи могут проследить рост городской территории во времени и пространстве; поэтому их археологическое изучение является важной составной частью процесса восстановления древней топографии любого города. В Смо-

ленские городские укрепления, предшествовавшие постройке каменной крепости 1596–1602 гг., сохранились фрагментарно. Дата их возведения долгое время оставалась неизвестной. Тем не менее, в силу их важности многие исследователи Смоленска неоднократно рассматривали эти сооружения, относя их к самым различным периодам истории города. В связи с этим автором данной работы в 1976 г. (раскоп у Авраамиевского монастыря, площадь 40 кв. м.), в 1978 и 1981 гг. (раскопы в Парке КиО, общая площадь 68 кв. м.) были предприняты археологические исследования городского вала, которые привели к неожиданным результатам и, тем не менее, позволили более конкретно восстановить процесс развития городской территории Смоленска [118, 256, 258, 259].

Историография

Исторические исследования, посвященные собственно топографии Смоленска, очень немногочисленны. Первые работы уделяли большее внимание либо политической истории города, либо отдельным топографическим вопросам, ограниченным к тому же узким хронологически периодом.

Интерес к древностям Смоленска, вызванный рядом практических обстоятельств, возник еще в начале XVIII в. Так при подготовке Петра I к войне со Швецией было составлено «Описание краткое Смоленску, учиненное по повелению Петра I», где давалась характеристика оборонительных сооружений города. «Описание» находилось в сборнике, составленном около 1770 г. и не дошедшем до нашего времени, однако отрывки его были опубликованы Н.Н. Мурзакевичем в 1835 г. [223]. В конце XVIII в. смоленский епископ Парфений Санковский поручил иеромонаху Иоасафу Шупинскому составить историю Смоленска для поднесения ее в дар Екатерине II, посетившей город в 1780 г. Этот труд именовался следующим образом: «История города Смоленска к первому приезду в Смоленск императрицы Екатерины II с римским императором Иосифом II 1780 года июня 2-го дня, составленная по приказанию Преосвященного Парфения, епископа Смоленска, иеромонахом Иоасафом Шупинским по запискам от его преосвященства выданным» [295]. По существу, это был первый историко-статистический обзор города. Работа распадается на две части. В первой предприняты попытки выяснить происхождение названия Смоленска и приведены краткие сведения из истории города, изложенные в хронологическом порядке; во второй части, представляющей наибольший интерес, приводится статистико-географическое описание Смоленска на конец XVIII в., где сообщаются данные о времени возведения различных церквей и монастырей, количестве мостов, приводятся названия ряда улиц, их количество в той или иной части города, сообщается число каменных и деревянных строений. В 1787 г. был составлен второй вариант «Истории», получивший название «Историческое и географическое описание города Смоленска, составленное к приезду императрицы Екатерины II в Смоленск в 1780 г.», опубликованный С.П. Писаревым в 1898 г. От первого варианта

она практически ничем не отличается, однако в издании 1898 г. ее сопровождает интересное предисловие С.П. Писарева [178].

Первым историком Смоленска считается священник Н.А. Мурзакевич, основной труд которого «История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г.» вышел в том же году [222]. В отличие от «Истории» И. Шупинского автор в этой работе более подробно освящает вопросы истории Смоленска, сопровождая некоторые из них своими комментариями. Ставя перед собой весьма общие цели — описание хода исторических событий в Смоленске — Н.А. Мурзакевич не затрагивал более узкой проблемы, а именно, топографии города. Несмотря на то, что его книга полна различного рода неточностей типа сообщения об основании Смоленска еще до новой эры, эта работа представляет значительный интерес, так как в ней были, видимо, использованы документы, к настоящему времени утраченные. В приложении этого издания опубликован ряд грамот литовских и польских королей, переведенных на русский язык, в которых содержатся интересующие нас сведения по топографии средневекового Смоленска. В целом труд Н.А. Мурзакевича представляет собой уже своего рода источник.

В 1826 г. в журнале «Отечественные записки» П.П. Свиньиным была опубликована статья «Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и об урочищах, находящихся в Смоленской губернии», в которой автор описал древние смоленские постройки, наиболее значительные руины, а также некоторые земляные укрепления. Эта работа, по существу, явилась первой сводкой такого рода [260].

Большой вклад в изучение смоленских древностей внес сын Н.А. Мурзакевича Н.Н. Мурзакевич. Вышедшая в 1835 г. в журнале Министерства народного просвещения его статья «Достопамятности города Смоленска» [223], явилась продолжением работы, начатой П.П. Свиньиным, но на более высоком научном уровне и на более обширном материале. В статье дана сводка всех известных на то время руин древних храмов, оборонительных сооружений, существующих построек, представляющих исторический интерес. При этом автор при описании того или иного памятника привлекал материал письменных источников; работа не утратила своего значения и в настоящее время.

Последовавшее после «Достопамятностей» «Статистическое обозрение губернского города Смоленска» [220], написанное И. Михайловым, каких бы то ни было новых фактов не приводит.

Компилятивный характер носит вышедшая в 1848 г. монография П.Е. Никитина «История города Смоленска» [228], которая является, по существу, сводкой работ Н.А. и Н.Н. Мурзакевичей. Однако, в отличие от последних, в этой книге содержится масса фактических неточностей исторического, хронологического и топографического характера. Правда, в приложении к этому изданию опубликованы некоторые новые документы, которых не было в книге Н.А. Мурзакевича.

Очень краткие сведения по истории и топографии Смоленска, известные уже из предыдущих работ, содержатся в книге М. Цебрикова «Материалы для географии и статистики России», которая носит характер справочного издания [284].

Хорошим справочником является работа Н.В. Трофимовского, где собраны данные о существующих церквях и руинах [176].

В 1870 г. М.Н. Полесский-Щепилло опубликовал в «Памятной книжке Смоленской губернии на 1870 г.» свой отчет о раскопках на Рачевке в 1867–1868 гг., снабдив его подробным планом восточной окраины Смоленска. К плану приложены подробные пояснения, включавшие в себя сведения о местонахождении древних руин, существующих построек, исторические комментарии. Это издание является первым опытом топографической привязки различных смоленских древностей к местности [241].

Этапом в изучении истории и топографии Смоленска была деятельность основателя и первого директора Смоленского историко-археологического музея С.П. Писарева. Еще в одной из своих ранних работ, посвященной анализу жизни Меркурия Смоленского, этот знаток смоленских древностей высказал ряд важных замечаний по топографии города, сопроводив их данными собственных наблюдений [235]. Основополагающий труд С.П. Писарева «Княжеская местность и храм князей в Смоленске» является первым серьезным научным исследованием, касающимся практически всех компонентов топографии города. При написании его исследователь не только основывался на данных письменных источников, но и на своих наблюдениях, что в ряде случаев делает книгу первоисточником, не утратившим своего значения и в наши дни [237]. В этой, а также в последующей работе «Памятная книга г. Смоленска» [238] были поставлены вопросы, касающиеся политической, социально-экономической истории города и его древней топографии: в частности, о времени возникновения Смоленска, его первоначальном поселении, зарождении посадов и их местоположении; дается характеристика оборонительных сооружений. Впервые в исследованиях С.П. Писарева затронута проблема, касающаяся кончанской структуры Смоленска, сделаны попытки объяснить происхождение городских концов. Основной идеей первой книги было стремление автора доказать существование на Смядыни особого княжеского города, который противопоставлялся вечевому Смоленску. Если мысль об экстерриториальности смоленского князя заслуживает внимания, то гипотеза о существовании княжеского города вызывает возражения последующих исследователей Смоленска, которые, однако, не отрицают, что на Смядыни могла находиться загородная княжеская резиденция. Не все построения С.П. Писарева можно безоговорочно принять, так как некоторые из них основываются на слишком узком круге источников, а то и вовсе на легендах (например, о существовании древнего языческого капища на Воскресенской горе), иногда же просто умозрительны. Тем не менее, исследования С.П. Писарева представляют собой большой интерес как первая действительно серьезная попытка реконструкции древней топографии Смоленска, к рассмотрению отдельных сторон которой он неоднократно возвращался в своих статьях, опубликованных в местных изданиях («Смоленские губернские ведомости», «Смоленские епархиальные ведомости», «Смоленский вестник»). С.П. Писарев является первым исследователем культурного слоя Смоленска, изучение которого он

предпринял совместно с М.Н. Неклюдовым во время строительства трамвайной электростанции. Результаты наблюдений были помещены в их совместной брошюре «О раскопках в Смоленске», изданной в 1901 г., где приводится ряд ценных наблюдений и воспроизводятся рисунки первых вещей, обнаруженных при городских раскопках [228].

В 1895 г. вышла книга П.В. Голубовского «История Смоленской земли до начала XV столетия» [161], написанная на высоком для того времени научном уровне. В этом исследовании автором рассматривался широкий круг проблем, характеризующих политическое и социально-экономическое развитие Смоленской земли вплоть до захвата в 1404 г. Смоленска литовцами, в то время как вопрос о древней топографии города не нашел должного отражения в этой монографии.

Дополняющими и развивающими идеи С.П. Писарева являются труды другого выдающегося смоленского историка И.И. Орловского «Смоленская стена 1602–1902» [230], «Достопамятности Смоленска» [231], и, наконец, известнейшая его работа, изданная уже после кончины исследователя, «Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин» [232]. В этих работах тщательно исследуются некоторые оборонительные сооружения Смоленска, дается характеристика ряда церквей как существующих, так и находящихся в разрушенном состоянии. В «Борисоглебском монастыре» развивается идея С.П. Писарева о существовании особого княжеского города на Смядыни. В этом исследовании проводится тщательный анализ некоторых летописных сообщений, а также впервые публикуется ряд неизвестных до того времени источников, таких как «Похвала князю Ростиславу Мстиславичу Смоленскому» или запись о строительной деятельности смоленских князей. Основываясь на работах С.П. Писарева, И.И. Орловский далеко не всегда следовал выводам своего предшественника, подвергая критике некоторые его положения, например, концепцию С.П. Писарева о вывозе мощей Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь. В этой работе И.И. Орловский использовал результаты раскопок собора Борисоглебского монастыря, в которых он принимал непосредственное участие. «Борисоглебский монастырь», как и в ряде случаев труды С.П. Писарева, может использоваться как первоисточник.

После публикации в 1912 г. Ю.В. Готье второй части документов смоленской Приказной избы вышла работа Л.Я. Лавровского «Новые данные для топографии г. Смоленска в начале XVII в.», в которой автор на основе этих актов пытается воссоздать топографию города XVI–XVII вв. [205]. При разборе документов Л.Я. Лавровский делает ряд интересных выводов в отношении привязки к территории некоторых топонимов и гидронимов, упоминающихся в актах. Значительный интерес вызывает попытка автора локализовать ряд церквей, названия которых встречаются в документах, а также отождествить их с руинами древних храмов на территории смоленской крепости.

В дореволюционный период отдельным сторонам топографии города посвящены также работы некоторых других исследователей, таких как А.М. Дондуко-

ва-Корсакова [171], И.М. Красноперова [198], Г.К. Бугославского [142], П. Цветкова [277], В.И. Грачева [162, 164, 166].

После революции советские историки С.Д. Ширяев и И.М. Хозеров в разное время обратились к изучению топографии Смоленска. С.Д. Ширяев в исследовании «Смоленск и его социальный ландшафт в XVI–XVII веках» [289] на основе анализа большого количества источников, как опубликованных, так и хранящихся в архивах, пришел к интересным и важным результатам. И.М. Хозеров к работе «Город Смоленск в начале XVII в.» продолжил изучение топографии позднесредневекового Смоленска, используя при этом, в основном, данные документов смоленской Приказной избы [281]. Оба автора оставили после себя обстоятельные исследования, посвященные целому кругу вопросов, начиная с проблемы деления города на концы и завершая рассмотрением отдельных элементов планировочной структуры города. Несмотря на то, что эти работы ограничены узкими хронологическими рамками и носят, в основном, описательный характер, в них осуществлена попытка сведения воедино разрозненных данных о Смоленске XVI–XVII вв. Кроме того, С.Д. Ширяев и И.М. Хозеров впервые поставили под сомнение вывод С.П. Писарева о существовании княжеского города на Смядыни.

В послевоенное время к вопросам истории города обратился смоленский историк Д.П. Маковский, попытавшийся разрешить их в ряде таких работ, как «Смоленск с древнейших времен до XVIII века» [213], «Смоленское княжество» [214], «К вопросу происхождения северных славян (кривичей)» [215]. Однако, все они, как правило, являются повторением трудов дореволюционных исследователей Смоленска, посвященных политической истории города. Затрагивая некоторые аспекты первоначальной топографии Смоленска, Д.П. Маковский допустил ряд грубых фактических и исторических ошибок. Например, кривичи — суть геродотовы невры [213, с. 8, 9; 215, с. 24]. Основная причина возникновения Смоленска как города усматривается в желании населения уберечься от шаек грабителей, орудовавших на торговом пути «из варяг в греки» [213, с. 7, 8]. Крупной крепостью город становится «не позже рубежа нашей эры» [215, с. 75], а в столицу княжества Смоленск превращается в VI–VIII вв. [213, с. 8]. Упомянутый в древнескандинавских источниках «Холмгард» — не Новгород, а Смоленск, поскольку холмов больше в Смоленске, чем в Новгороде [215, с. 76]. В XII в. политическая и экономическая жизнь Смоленска перемещается на Смядынь, которая становится «столицей великого княжества» [214, с. 209]. Такими положениями, не выдерживающими никакой критики, насыщены работы Д.П. Маковского.

Новый этап в изучении ранней топографии Смоленска связан с работами археологической экспедиции МГУ под руководством Д.А. Авдусина. Понимая, что при почти полном отсутствии письменных источников единственный и полноценный материал для решения таких узловых проблем, как выяснение первоначального места Смоленска, его первоначального ядра, может дать только археология, Д.А. Авдусин в ряде своих работ («Археологические раскопки в

Смоленске» [109], «Некоторые итоги и задачи археологических исследований в городе Смоленске» [110], «К вопросу о первоначальном месте Смоленска» [111], «Возникновение Смоленска» [112], «К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии» [115], «О Гнёздове и Смоленске» [119], «Происхождение древнерусских городов» [120] и других) ставит и намечает пути их решения на основании археологического материала.

Некоторым аспектам топографии Смоленска посвящены исследования Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта «Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв.» [251], «Смоленский детинец и его памятники» [153], «Два смоленских фрагмента в Устюжском летописном своде» [155], «Зодчество Смоленска XII–XIII вв.» [158], «Древний Смоленск» [157]. Наряду с очень интересными выводами относительно архитектурной топографии города исследования содержат ряд положений, с которыми трудно согласиться, поскольку они основываются, на наш взгляд, на произвольном толковании письменных источников (вопрос о социальной принадлежности поселения на Соборной горе, отрицание вечевоего строя в городе) или на не подтвержденной археологическим изучением датировке оборонительных сооружений, предшествовавших постройке каменной крепости.

Более подробно точки зрения на некоторые аспекты топографии Смоленска, высказанные различными исследователями, будут рассмотрены в соответствующих главах работы.

В заключении следует остановиться на проблеме, которая вот уже более 80 лет привлекает внимание исследователей Смоленска и Смоленской земли. Это вопрос о нахождении первоначального места Смоленска, которому посвящена обширная историография, в связи с чем рассматривать его необходимо именно в этой главе.

Суть проблемы такова. Примерно в 13 километрах от Смоленска, у деревни Гнёздово располагается обширный археологический комплекс X в., состоящий из нескольких поселений как укрепленного, так и не укрепленного типа и обширного курганного кладбища, насчитывавшего в начале XX в. около трех тысяч насыпей. Один из первых исследователей Гнёздова, В.И. Сизов, высказал предположение, что Гнёздово «было погостом Смоленска и что здесь, в Гнёздове, с древних времен развивалась торгово-промышленная жизнь, в то время как Смоленск был только острожком, или крепостью, где сидел правитель («муж княжой»), ездивший на полюдьё или принимавший дань или товар из окрестных мест». По мнению В.И. Сизова, Смоленск добился преобладания в размерах над Гнёздовым только лишь с принятием христианства, когда Гнёздово было уничтожено и его торгово-промышленная деятельность переведена в Смоленск на Смядынь [263, с. 125]. Эта мысль была поддержана и развита А.А. Спицыным, который предложил гипотезу о двойном переносе города: «Гнёздово — место старого Смоленска... Место его, быть может — городище, расположенное при впадении в Днепр р. Ольши, близ которого и должны оказаться древнейшие погребения Гнёздова... Олег перенес город на новое место к деревне Гнёздово, обратив

его в более значительную крепость... На современное третье место Смоленск перенесен, надо думать, уже при Ярославле» [265, с. 7, 8].

Таким образом, родилась концепция о переносе Смоленска на его современное место из Гнёздова, которая в литературе получила название гипотезы «Сизова-Спицына». Сразу после этого разгорелась острая полемика по данному вопросу. Одни исследователи выступали против правомерности гипотезы переноса (Г.К. Бугославский [143], Е.Н. Клетнова [188, 189], Д.А. Авдусин [111, 115, 119, 120], М.Н. Тихомиров [268, с. 28, 30], В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина [234, с. 105, 106]); другие стали на ее защиту (И.И. Ляпушкин [212], М.Х. Алешковский [126, с. 128; 127, с. 110], В.А. Булкин [145, с. 51], П.А. Раппопорт [157, с. 76]). Сторонники обеих точек зрения, однако, упустили очень важный момент в выводе В.И. Сизова о взаимоотношении Смоленска и Гнёздова, приписав ему мысль, которую он никогда не высказывал. Исследователь говорил, подчеркиваем, о параллельном существовании двух поселений; считая Гнёздово погостом Смоленска, он тем самым ставил его в административное подчинение Смоленску; отток населения из одного поселения в другое вовсе не означает искусственное перенесение города на новое место. Таким образом, следует признать, что основоположником гипотезы переноса Смоленска в данном случае является не В.И. Сизов, а А.А. Спицын.

Дискуссия по поводу первоначального места Смоленска и его взаимоотношениях с Гнездовым продолжается и сейчас. В настоящее время эта гипотеза возрождена в ряде работ Л.В. Алексеева. В статье «О древнем Смоленске» [123], написанной в утверждающем ключе, автор выдвинул положения, которые, по его мнению, подтверждают факт переноса города, основными из которых являются отсутствие в Смоленске слоев ранее середины XI в. и наличие материала IX–X вв. в Гнездовском комплексе. Помимо того, Л.В. Алексеев с точностью до года определяет время переноса города — это 1054 г., когда, как пишет автор, «в Киеве возникло решение о создании самостоятельного смоленского княжения» [123, с. 102]. Следует отметить, что названная работа Л.В. Алексеева содержит множество неаргументированных положений, которые к тому же насыщены фактическими ошибками, на что указал Д.А. Авдусин в статье «О Гнёздове и Смоленске» [119]. Тем не менее, несмотря на отрицательный отзыв, текст статьи Л.В. Алексеева практически без изменений вошел в его новую книгу «Смоленская земля в IX–XIII вв.» [124].

Полностью присоединяясь к критике и аргументации Д.А. Авдусина, следует остановиться на одном вопросе, который получил развитие в книге Л.В. Алексеева, вышедшей уже после статьи Д.А. Авдусина. Это взаимоотношение кончанско-вечевых органов и княжеской администрации в связи с предполагаемым Л.В. Алексеевым переносом Смоленска. Если в статье «О древнем Смоленске» Л.В. Алексеев пишет о возникновении концов города только в середине XI в., то есть после его переноса, подразумевая под этим, что и кончанско-вечевые органы возникают в это же время [123, с. 98], то в последней своей работе он признает наличие вечевых органов в Смоленске — Гнёздове в IX в. [124, с. III].

Затрагивая вопрос о складывании княжеского домена, автор относит начало этого процесса к 1054 г., то есть времени возникновения Смоленского княжения и переноса города, отмечая, что земли вокруг Смоленска были «захвачены смоленской родовой знатю, «старейшинами», и князю удалось втиснуться в их владения лишь чересполосно» [124, с. 107, 125]. Л.В. Алексеев, по существу, разделяет вечевую и кончанскую систему управления городом и противопоставляет их, поскольку концы, по его мнению, возникают уже после переноса Смоленска на его современное место. Таким образом, признается зависимость возникновения кончанской организации от воли князя, что методологически неоправданно, так как кончанская структура и вечевая система правления в древнерусском городе традиционно обуславливали существование друг друга. Княжеская форма правления возникла позже, в период зарождения и расцвета феодального общества, в то время как кончанско-вечевая система является пережитком родового строя. Признавая, что процесс сложения княжеского домена был поставлен в зависимость от землевладения родоплеменной знати, Л.В. Алексеев, тем не менее, признает приоритет князя в переносе города. Родоплеменная знать, владевшая землями вокруг Смоленска, и являлась первоначально той силой, которая управляла концами. Уже отсюда видно, что кончанская система первична по отношению к княжеской, и вряд ли представители родоплеменной знати были заинтересованы в переносе города, так как при его осуществлении подрывались сами основы кончанско-вечевой организации. В ранней же истории Смоленска есть примеры противостояния этих двух форм власти.

Все это свидетельствует против переноса Смоленска. Два поселения какое-то время функционировали одновременно. Недавно В.Я. Петрухиным и Т.А. Пушкиной было высказано интересное предположение, заслуживающее пристального внимания. Они полагают, что Гнёздово было погостом киевского князя, на который он опирался при сборе дани и полюдья. Смоленск же, будучи племенным центром кривичей, великокняжеской власти, был подчинен лишь на рубеже X—XI вв., о чем косвенно свидетельствует факт крещения Смоленской земли в 1013 г. Гнёздово противостояло Смоленску «как великокняжеский дружинный центр — погост многоэтничного государства («Русская Земля» со столицей в Киеве — *Н.С.*) вечевому и племенному центру»; с подчинением же Смоленска Киеву надобность в Гнёздове отпала, что привело к его упадку, в результате чего некоторые административные функции погоста были перенесены в Смоленск, а также произошел отток населения из Гнёздова [234, с. 105. 106].

Глава II

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СМОЛЕНСКА

Смоленск расположен на Восточно-Европейской равнине в верховьях Днепра на водоразделе рек Днепра, Западной Двины и Волги. В направлении с востока на запад рассекается долиной Днепра. Левобережная часть Смоленска несколько выше противоположного берега. Территория города изрезана многочисленными оврагами и пересекается рядом небольших речек — притоков Днепра и ручьев (рис. 17). Таким образом, рельеф Смоленска резкий, волнистый, пересеченный, гористый [239, с. 9]. Особенно этим отличается левобережная его часть, которая в пределах границ крепости 1596—1602 гг. считается древнейшей. Внутри нее находится пять высоких холмов — гор: в центральной части — Соборная гора; к юго-востоку от нее, между Георгиевским или Козловским оврагом и Зеленым ручьем, лежит Спасская (Козловская) гора. К юго-западу от Соборной горы, между Резницким оврагом, образованным руслом Смолигова ручья (в настоящее время по его дну проходит ул. Парижской Коммуны) и Пятницким оврагом с ручьем того же названия (совр. ручей Воровского), находятся Воскресенская и Вознесенская горы. Между Пятницким и Чуриловским оврагом, который проходит уже за пределами крепости, к западу от первого, высится Казанская (Отцовская) гора. Западнее крепости лежит большой Чуриловский овраг с протекающей по его дну речкой Чуриловкой. Между ним и речкой Смядынью (в настоящее время она засыпана), берущей начало в Чернушенском овраге, возвышается Свирская гора. И, наконец, при слиянии двух Кловских оврагов, по дну которых протекает речка Кловка, находится Кловская гора.

К востоку от крепости лежит другой крупный овраг, именуемый Чертовым рвом, который является руслом реки Большой Рачевки. Восточнее него находится Мавринский овраг с протекающей по его дну речкой Малой Рачевкой. Далее отмечается Шейновский овраг. Между двумя последними оврагами лежит обширная Бабья гора.

На западе — на реке Кловке — и на востоке — в д. Шейновке — в древности находились, соответственно, Троицкий и Духов монастыри, которые были крайними пунктами, отмечающими границу ближайших пригородов Смоленска. Расстояние между ними около шести километров.

В правобережной части города, особенно в районе, расположенном против крепости начала XVII в., где лежит широкая первая надпойменная терраса, рельеф более спокойный. Однако и здесь есть горы-холмы, речки, ручьи и овраги. Крайний на западе овраг с речкой Серебрянкой и расположенный к востоку от него Шкляный овраг с речкой Шкляной являются границами Шкляной горы с обширным плато Лестровка. Между Шкляным оврагом и оврагом с протекающей по его дну речкой Городянской лежит Тихвинская гора. К востоку от речки Городянки два оврага — Покровский и Ильинский — образуют русло Ильинского ручья, который с востока ограничивает Покровскую гору. Далее идет Крупешевский овраг с ручьем того же названия. Восточнее него проходит русло речки Вязовеньки. Она — на востоке — и речка Серебрянка — на западе — являются крайними ориентирами ближайших пригородов Смоленска в правобережной его части.

Столь сложный рельеф Смоленска повлиял как на характер оборонительных сооружений города, так и на его планировочную структуру в целом. Недаром ряд русских летописей отмечают, что «град же имела твердость, стремнинами гор и холмов высоких затворено...» [61, с. 161, 194; 76, т. 13, с. 16].

Древние оборонительные сооружения Смоленска рассматриваемого периода являются теми необходимыми ориентирами, без которых невозможно даже в самой приблизительной степени реконструировать процесс изменения городской территории во времени и пространстве. К настоящему времени городские укрепления Смоленска представлены только незначительными остатками каменной крепости Ф. Коня и сохранившимися участками предшествующего ей земляного вала XVI в. Несмотря на позднюю дату сохранившихся оборонительных сооружений Смоленска, есть основания полагать, что город имел укрепления еще в глубокой древности, о чем свидетельствует упоминание Смоленска как города в вводной части Повести временных лет [84, с. 13] — как известно, в Древней Руси термин «город» подразумевал в первую очередь укрепленное поселение. Наиболее же раннее датированное упоминание Смоленска как города относится к 863 году, когда, как сообщает Устюжский летописный свод, князья Аскольд и Дир не решились взять Смоленск, так как «град велик и мног людьми» был [105; с. 56]. Н.Н. Воронин считал, что это сообщение летописи «не могло появиться ранее второй четверти XII в., когда в связи с учреждением здесь епископии получило начало и местное летописание, чтобы возвеличить историю молодой столицы княжества, и была создана легенда о начале Смоленска еще в «до-рюриковы» времена, а его облик, сложившийся в XII в., перенесен на пору Аскольда и Дира» [155, с. 208]. Как бы то там ни было, но уже в середине X в. Константин Багрянородный наряду с другими русскими городами называет «крепость Милинску» [48, с. 272], отождествляемую исследователями со Смоленском [301, с. 116]. Примечательно, что из перечисленных им городов крепостями названы лишь Киев и Смоленск. Это свидетельство можно признать достоверным, так как Константин Багрянородный четко отличает Смоленск от таких городов, как Новгород, Любеч, Чернигов и Вышгород, вероятно, на основании существования здесь именно мощной системы обороны.

В настоящее время Соборная гора является самой крутой и высокой, наиболее неприступной. С трех сторон она окружена глубокими оврагами (рис. 18, 19), которые представляют собой прекрасную естественную преграду. Именно ей исследователи отдают предпочтение как возможному месту нахождения первоначального Смоленска [237, с. 201, прим. I; 238, с. 5; 235, с. 47, прим. 6; 232, с. 200; 251, с. 98–100; 153, с. 287; 157, с. 75–78]. Помимо того, что здесь в 1101 г. Владимиром Мономахом воздвигается городской каменный Успенский собор (а такие соборы в древнерусских городах сооружаются, как правило, в детинцах), исследователи Смоленска отмечают повышение уровня верхней площадки горы в южной напольной части, в котором ими усматриваются остатки земляного вала. Видимо, какое-то повышение было и в северной части площадки [289, с. 37]. С юга гора была отрезана от прилегающей территории искусственным рвом, по дну которого в настоящее время проходит улица Красный ручей. Таким образом, Соборная гора как будто бы соответствует требованиям, предъявляемым обычно к детинцам древнерусских городов, и, стало быть, именно здесь следует искать древнейшие городские укрепления Смоленска.

Археологическое изучение городища Соборная гора (рис. 20), начатое в 20-х гг. XX в., показало, что памятник содержал слои, относящиеся к дославянскому периоду существования поселения (VI–VIII вв.), и древнерусские — рубежа XI–XII вв. и далее [211, с. 199–209, 292; II, л. 1–5; 219, с. 211; 282, с. 25; 109, с. 222–226; 115, с. 71–73; 4, л. 3; 8, л. 2, 3, 34–38]. Переходных слоев IX–X вв. не обнаружено, а возникшее здесь на рубеже XI–XII вв. поселение оказалось незначительным, поскольку в древности Соборная гора была значительно ниже и меньше по площади. Все это позволило Д.А. Авдусину высказать предположение, что городище не являлось местом первоначального поселения, а могло быть лишь «более поздним его религиозным центром. На ней (Соборной горе — *Н.С.*) нет места для домов княжеской челяди, для княжеского двора» [115, с. 73]. Возражая ему, П.А. Раппопорт считает, что большая площадь верхней площадки холма (около 2,4 га), позволяет думать о возможности размещения здесь первоначального поселения, детинца, так как в XVIII в. на Соборной горе было построено «восемь крупных культовых и церковно-административных зданий епископского двора». Однако, высчитывая площадь верхней площадки городища, П.А. Раппопорт имеет в виду его современные размеры, хотя сам признает, что они, по сравнению с первоначальными, сильно увеличились [157, с. 77, 78]. Это произошло, вероятно, в результате планировочных работ, связанных со строительством во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. нового собора и зданий епископского двора; в настоящее время, например, северная и южная части городища являются по существу свалками строительного мусора. Анализируя социально-политическую структуру Новгорода, В.Л. Янин отмечает: «Зная, что первые храмы, учрежденные в момент христианизации, тяготели к бывшим капищам, очищая и освящая светом христианства эти центры древнего «поганства», мы можем уверенно предполагать, что и первоначальный детинец предназначался не для защиты княжеской власти, а гарантировал безопасность иных общественных сил — вечевых органов и

языческого жречества» [310, с. 88]. Этот вывод перекликается с предположением Д.А. Авдусина о религиозном характере поселения на Соборной горе. Ведь именно здесь Мономах строит каменный собор, скорее всего, на месте деревянного, а с 1136 г. тут обосновывается смоленский епископ. Таким образом, отмечаемое исследователями повышение уровня верхней площадки Соборной горы в южной и северной ее частях могло образоваться в результате планировочных работ второй половины XVII — первой половины XVIII вв. Но окончательно этот вопрос может быть разрешен лишь в результате планомерного исследования городища, так как усматриваемые особенности рельефа памятника в принципе могли действительно быть остатками укреплений существовавшего здесь дославянского поселка или культового центра города, возникшего с появлением епископского подворья. Следует отметить, что источники домонгольского времени Соборную гору упоминают именно как городской культовый центр, а не как детинец (см. подробнее об этом главу III данной работы).

В литературе по истории Смоленска сложилось мнение о том, что территория, прилегающая к Соборной горе, является местом окольного города [123, с. 93–95; 251, с. 100; 261, с. 244, 245]. В связи с тем, что пока мы не в состоянии с уверенностью определить место первоначального поселения города, понятие «Окольный город» для Смоленска является преждевременным.

«Старый город»

Разрядные книги 1475–1598 гг. под 1580 г. упоминают в Смоленске «большой старый деревянный» город [88, с. 312]. На «Сигизмундовой медали» (рис. 16) правее центральной части композиции, изображающей взрыв Успенского собора, обозначен вал, который идет к западу, а затем, круто поворачивает к северу и северо-западу, доходит до верховьев Пятницкого оврага. Здесь он обрывается. Восточную линию укреплений на медали не видно, так как она скрыта изображением взрыва, занимающего почти всю восточную часть композиции. Более полно этот вал показан на виде Смоленска 1627 г. (рис. 4). Здесь изображение взрыва отсутствует, и поэтому можно видеть восточное продолжение вала, которое начинается почти от стен крепости Ф. Коня в районе Авраамиевского монастыря. Вал на обоих видах имеет изломанные очертания и разрывы, возможно, для проезда.

На основании этого последнего вида города С.П. Писаревым была предпринята попытка восстановления направления укрепления применительно к современной ему планировке города. «Начинаясь на востоке у верховьев Зеленого ручья, где ограда Авраамиевского монастыря, — пишет исследователь, — вал шел к западу, приблизительно по теперешней улице Козловская гора (восточная часть совр. ул. Ленина — *Н.С.*); в Козловском овраге он пропадал, а на другой стороне снова появлялся. Далее, пересекая улицы, он имел перерывы для проезда. Дойдя до Почтовой площади (совр. пл. Ленина — *Н.С.*), он круто повернул

сначала к северу, а потом к северо-западу (где ныне дом г. Цапенко) и направился по окраине оврага за теперешнюю Воскресенской церковью...» [237, с. 201; 238, с. 5]. В дальнейшем к этому мнению присоединились и другие исследователи Смоленска [230, с. 5; 164, с. 8; 281, с. 256; 123, с. 94; 157, с. 80].

Исключение составляет только И.Д. Белогорцев, который полагал, что вал не поворачивал к Пятницкому оврагу, а с небольшим отклонением к северо-западу шел по современной ул. Пржевальского до пересечения с более поздним валом на современной ул. Бакунина в районе Королевского бастиона [138, с. 145]. Однако он никак не обосновывает свою точку зрения.

Таким образом, вал в западной части поворачивал к верховью Пятницкого оврага, кстати, здесь еще в начале XX в. И.И. Орловским были обнаружены его остатки «в виде кургана» [230, с. 5] на Николаевской улице (совр. ул. Ногина). Далее вал «спустился к Днепру к Пятницким воротам, оставляя Пятницкий ручей за собой» [237, с. 201]. На востоке он, поворачивая у Авраамиевского монастыря к северу и оставляя его за пределами укреплений, шел по Георгиевской улице (современная ул. Фурманова); далее по нагорью Зеленого ручья и за Георгиевской церковью шел по спуску к речке Гуриловке — Георгиевскому ручью до Днепра. С.П. Писарев и И.И. Орловский отмечали около ограды Авраамиевского монастыря остатки этого вала [237, с. 113, прим. 3; 230, с. 5]. В начале 70-х гг. XX в. отрезок вала у монастыря еще существовал. Сейчас на его месте стоит новое здание Смоленского отделения Московской Железной дороги. Однако, как будет показано ниже, вал этот относился к монастырским укреплениям, а не был городским.

Амплитуда хронологической интерпретации вала колеблется от IX в. до XVI в. И.И. Орловский относит возведение вала к наиболее раннему времени. Прямо он об этом не говорит, но подразумевает, полагая, что Аскольд и Дир на своем пути в Царьград могли видеть именно эти укрепления [230, с. 4]. С.П. Писарев не датирует вал каким-то определенным временем, но считает его первым, наиболее древним укреплением города [237, с. 201, прим. I; 238, с. 5]. Было высказано предположение о насыпке вала во время княжения в Смоленске Владимира Мономаха [177, с. 12]. Позднее И.И. Орловский, ссылаясь на запись, содержащуюся в Нифонтовском сборнике, и, сравнив ее с подобным текстом из сборника киевского Михайло-Златоверхого монастыря, повествующей о том, что Ростислав Мстиславич в 1141 г. «устроил град великий Смоленск», изменил свою датировку вала, полагая, что последний был насыпан именно в это время [232 с. 209]. Я.Н. Шапов передатировал запись сборников 1134 г. [297]. Тем не менее, факт строительной деятельности Ростислава остается, только ее следует датировать не 1141 г., как полагал смоленский историк, а 1134 г. И.И. Орловский считал, что Ростислав обнес Смоленск новой крепостью, протяжением своим настолько превосходившую прежнюю, что Смоленск в глазах современников стал «градом великим», а не обычной крепостью.

До настоящего времени исследователи Смоленска так и не пришли к единому мнению о времени возведения этого укрепления. Высказываются различные

точки зрения, по которым вал датируется и временем княжения Мономаха [157, с. 79], и временем Ростислава [123, с. 93]. Однако все эти датировки, в основном, умозрительны.

В свое время Д.А. Авдусиным было высказано предположение, что еще до княжения Ростислава укрепления Смоленска охватывали всю городскую территорию целиком, и во время похода Аскольда и Дира по своим размерам превосходили киевские, где в это время укрепленным был только детинец [112, с. 38], «Ростислав же только достроил имевшиеся укрепления» [115, с. 83]. Правда, Д.А. Авдусин не отождествляет оборонительные сооружения Смоленска IX в. с укреплением, изображенным на видах города 1611 и 1627 гг.

А.Н. Кирпичников, ссылаясь на то, что на этих изображениях вал имеет изломанные очертания, высказал предположение, что здесь изображена крепость бастионного типа, строительство которых начало широко осуществляться в России с 30-х гг. XVI в. Правда, он тут же делает оговорку, что это сооружение могло подновляться в течение столетий [185, с. 497, прим. 94]. Несмотря на предположительный характер мнения А.Н. Кирпичникова, его точка зрения о периодическом подновлении и в более позднее время реконструкции ранних укреплений для приспособления их к новым способам ведения обороны городов, заслуживает внимания. Нельзя, конечно, настаивать, что отраженный на видах 1611 («Сигизмундова медаль») и 1627 гг. вал был насыпан единовременно. Вполне возможно, что некоторые его участки в более позднее время подновлялись, меняли свою конфигурацию, а, возможно, и направление.

На виде 1627 г. вал в восточной части показан таким образом, что включал Авраамиевский монастырь в пределы укрепленной территории, охватывая его с юга. Однако известно, что еще в начале XIII в. монастырь находился за городом [91, с. 154]. На основании этого можно полагать, что данный участок вала, видимо, относится к более позднему времени, о чем будет сказано ниже.

Вопрос о трассировке вала можно в незначительной степени пересмотреть. Начинаясь у оконечности западного отрога Георгиевского оврага, вал шел примерно вдоль современной ул. Ленина, немного отступая от нее к северу. Западным своим окончанием он упирался в восточный склон бывшего Козловского оврага. Начинаясь на противоположной его стороне, вал далее шел не так, как описывали это С.П. Писарев и И.И. Орловский, а, постепенно отклоняясь к северо-западу, примыкал к западному отрогу оврага, по которому в древности протекал Смолигов ручей. На противоположной стороне он, с постепенным отклонением к северо-западу, шел до того места, где сейчас расположен городской Драматический театр, а оттуда круто поворачивал к северу и упирался в восточный отрог Пятницкого оврага (где сейчас проходит ул. Ногина), оставляя его за пределами укрепленной территории. Таким образом, линия вала членилась на три участка. Первый прикрывал с напольной стороны Спасскую (Козловскую) гору, второй – Соборную гору, третий – северную часть Вознесенской и Воскресенскую горы (рис. 21). Подобная трассировка вала кажется наиболее вероятной, так как здесь в полной мере учитывается сложный рельеф Смоленска и обеспе-

чивается более надежное прикрытие города с напольной стороны. Кроме того, прокладка вала, таким образом, упрощала и сокращала по времени работу по его возведению. С западной и восточной сторон вал, очевидно, не имел продолжения вдоль оврагов или был очень незначителен по высоте. Георгиевский и Пятницкий овраги так глубоки, а склоны их настолько круты, что они сами по себе представляли прекрасную естественную преграду. Возможно, что для придания большей устойчивости обороне города овраги по краям были укреплены тыном. Кстати, С. Герберштейн в верхней части города отмечает именно укрепления в виде тына, отличая данную конструкцию от прибрежной части крепости, которая была выстроена из дуба [54, с. III, 112].

Хронология вала будет рассмотрена ниже в разделе о Пятницком остроге. Проблематичным является вопрос о существовании укреплений в прибрежной части города. На изображениях Смоленска 1611 («Сигизмундова медаль») и 1627 гг. укрепления, предшествовавшие возведению каменной крепости, в прибрежной части не обозначены, так как, по мнению И.М. Хозерова, они были закрыты на перспективных видах города каменной стеной [281, с. 256]. Еще раньше С.П. Писаревым было высказано предположение, что прибрежная часть города была укреплена деревянной стеной. Его поддержал и И.И. Орловский [237, с. 77; 238, с. 36; 230, с. 9]. При этом оба исследователя ссылались на «Наказные воеводские памяти смоленским старостам и объездным головам» 1608 г., где упоминается «старый деревянный город», укрепления которого проходили в этом месте [42, т. 2, с. 416, № 349].

При решении вопроса о протяженности укреплений «Старого деревянного города» нужно обратиться к документам начала XVII в., относящимся к осаде Смоленска 1609–1611 гг. и более раннему времени. В уже упомянутом документе 1608 г. границы «Старого деревянного города» определяются следующим образом: «от Крыношевских (Крылошевских — *Н.С.*) ворот по Пятницкие ворота, и от Днепровских ворот по Духовские ворота» [42, т. 2, с. 416, № 349]. Если предположить, что некоторые башни крепости Ф. Коня (рис. 43) получили свое название от башен предшествовавшего укрепления, что, впрочем, так и было, то участок от Крылошевских ворот, на востоке, до Пятницких ворот, на западе, будет соответствовать линии стен «Старого деревянного города». Это подтверждается другими данными. Таковы сведения 1611 г. о деревянных укреплениях — тын и городня — в районе Пятницких ворот [81, с. 99, № 167; с. 109, № 183]. Здесь нужно отметить, что термин «городня» в данном источнике применяется исключительно к деревянным сооружениям старой крепости. Прясла каменной стены ни разу так не названы.

Уместно было бы предположить, что упоминание этого участка города является случайностью и что линия стен «Старого деревянного города» в северной части была более протяженной. В «Росписи сбежим крестьянам» (1609 г.) помимо «старой Крылошевской башни», «старых Крылошевских ворот» и «старой стены» сказано: «И всего от Крылошевского мосту (имеется в виду мост около Крылошевских ворот через Георгиевский ручей [281, с. 254] — *Н.С.*) по старой де-

ревянной стене по Житный двор и у каменной городской стены по Богословскую башню. И всего 197 человек» [81, с. 167, № 238]. Обращает на себя внимание тот факт, что участок от Крылошевского моста до Житного двора подразумевается входящим в систему старых укреплений, тогда как участок от Житного двора и до Богословской башни предполагает отсутствие этих укреплений. Житный двор в начале XVII в. находился в районе Пятницких ворот (см. главу III). Отсюда следует, что линия укреплений «Старого деревянного города» простиралась от Крылошевских до Пятницких ворот. В свете этих данных становится понятным, почему в «Росписи сбежим крестьянам» после Житного двора упоминается линия укреплений новой каменной крепости.

Упираясь западным концом в Пятницкий овраг, а восточным — в Георгиевский, стена входила в общую систему укреплений, образуя единую укрепленную территорию, которая с юга и частично с запада прикрывалась земляным валом, а с запада и востока по краям оврагов, видимо, тыном. Эта часть города в Разрядных книгах и упоминается как «Большой старый город», в грамотах великих литовских князей как «замок», а в документах начала XVII в. она фигурирует как «старый», или «Старый деревянный город» (рис. 21).

Время возникновения укреплений по берегу Днепра не определено. С.П. Писарев полагал, что вплоть до XV в., то есть времени литовского владычества, город не имел никаких укреплений береговой части «ввиду ее безопасности и для свободы сношений к реке» [238, с. 5], и только литовцы соорудили здесь деревянное укрепление [237, с. 77; 238, с. 36; 191, с. 13]. Это повторяет и И.И. Орловский [230, с. 8, 24]. Однако никаких обоснований этому предположению ни тот, ни другой исследователь не приводили.

Представляется маловероятным, что такой крупный пограничный город как Смоленск, мощь укреплений которого отмечалась еще в X в., вплоть до 1404 г. не имел укреплений в прибрежной части. Несмотря на отсутствие четких данных о существовании здесь укреплений, логично предположить, что они, тем не менее, в свое время существовали. На основании анализа направлений настилов деревянных мостовых, вскрытых при раскопках на ул. Соболева в северной части крепости, Д.А. Авдусин доказал существование здесь уже в начале XII в. крепостных ворот [115, с. 85].

Переходя к рассмотрению конструктивных особенностей этой крепости, особенно ее прибрежной части, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время нет никаких археологических данных, позволяющих судить о системе обороны крепости. Кроме того, и графические источники, по существу, ничего дать не могут, поэтому для реконструкции системы вооружения крепости приходится пользоваться немногочисленными письменными данными.

В 1900 г. при подготовке котлована для фундамента электрической трамвайной станции на месте прясла стены каменной крепости между башнями Семеновской и Лазаревской (рис. 43) были обнаружены древние деревянные конструкции в виде клетей, заполненных землей, камнями, кирпичом. М.Н. Неклюдов и С.П. Писарев наблюдали их, но никаких рисунков и чертежей не оставили.

Восстановить подлинный их облик по описанию сложно. С.П. Писаревым было высказано предположение, что обнаруженные конструкции являлись остатками литовских укреплений, которые в дальнейшем были использованы при устройстве фундамента крепости Ф. Коня [228, с. 13]. Более подробное их описание есть у И.И. Орловского [230, с. 9, 23, 24]. Обнаруженные конструкции идут сразу под нижним обрезом фундамента стены. Присоединяясь к точке зрения С.П. Писарева об их оборонительном характере, И.И. Орловский полагал, что возведение их следует отнести к литовскому периоду. Существует и другая точка зрения на происхождение этих конструкций. В том же 1900 г. подобные конструкции были обнаружены на участке стены около Авраамиевского монастыря. В.И. Грачев полагал, что они, так же как и конструкции, которые наблюдали М.Н. Неклюдов и С.П. Писарев, предназначались для укрепления грунта перед закладкой фундамента каменной крепости [162, с. 578; 164, с. 10, II]. Действительно, известно, что перед постройкой крепости был дан наказ о заготовке в большом количестве леса для свай [45, т. I, с. 451, № 356П]. В связи с этим П.П. Покрышкин весьма осторожно отнесся к предположению С.П. Писарева и И.И. Орловского, считая, что согласиться с ними можно только в том случае, если думать «что сваи Федору Коню нужны были для тех частей стены, которые не приходились на места литовской стены» [240, с. 3]. Таким образом, видно, что и П.П. Покрышкин допускал возможность использования старых укреплений под фундамент новой крепости.

Существует ряд причин, по которым можно считать, что остатки этих сооружений являются частью конструкций фундамента, а не укреплений литовского времени.

В 1583 г. заканчивается Русско-Ливонская война. Силы России крайне истощены. Русское правительство стремится укрепить свои западные границы, для чего в 1596 г. начинается строительство каменной крепости. В такой неустойчивой обстановке уничтожение на большом протяжении старых укреплений города до постройки новых означало бы, что при любой неожиданности город в короткий срок мог быть сдан неприятелю, а это, в свою очередь, открывало бы прямой путь на Москву. Кстати, именно поэтому и литовцы, и поляки были чрезвычайно заинтересованы в обладании Смоленском. Город как пограничная крепость был очень важен для России. Достаточно сказать, что во время польской интервенции Смоленск сдерживал осаду в течение 20 месяцев, приковав к своим стенам почти 30-тысячное войско противника.

Существуют и другие причины, по которым конструкции, обнаруженные на ул. Соболева, нельзя отождествлять с остатками оборонительных сооружений. Точно такие же конструкции, как отмечалось, были вскрыты в 1900 г. у Авраамиевского монастыря, который находился за пределами городских укреплений вплоть до XVI в. [164, с. 10, 11]. Кроме того, в документах Смоленской Приказной избы начала XVII в. деревянные укрепления упоминаются как все еще существующие. Следует отметить, что обнаруженные конструкции должны были бы располагаться в насыпи вала, однако никаких следов ее ни С.П. Писарев с

М.Н. Неклюдовым, ни И.И. Орловский не зафиксировали. Конструкции за-
легли в культурном слое. Наиболее важным аргументом в пользу нашей точки
зрения является то, что в Москве под фундаментом стен Белого города, возве-
денного также Ф. Конем, найдены аналогичные конструкции, которые были
составной частью устройства именно фундамента стен [195, с. 18, 19]. В 1981 г.
автор данной работы при открытии котлована под зданием на территории орга-
низации «Смолводоканал», расположенной на ул. Соболева рядом с тем местом,
где в 1900 г. велись земляные работы, наблюдал остатки этих конструкций, кото-
рые ничего общего не имели с частями оборонительных сооружений. Это хоро-
шо сохранившиеся, плотно пригнанные одна к другой сваи, которые входили в
конструкцию фундамента каменной стены (рис. 22).

Смоленская деревянная крепость в прибрежной части была выстроена из
дуба. На это есть указания М. Меховского (1517 г. — 74, с. 108) и С. Герберштейна
(1526 г. — 54, с. III). Документы, относящиеся к осаде города 1609–1611 гг., со-
держат сведения о том, что стены старой деревянной крепости состояли из горо-
ден. К примеру, в 1610 г. М.Б. Шеин и П.И. Горчаков отдали приказ о раздаче на
дрова нескольких городен жителям Брянска, Серпейска, Вязьмы и Дорогобужа,
принимавшим участие в обороне Смоленска [42, т. 2, с. 354, 355, № 297]. В том
же 1610 г. упоминается о продаже городен деревянного города [81, с. 49, № 90].
Из описания не ясно: были ли это отдельно стоящие срубы или система срубов,
которая иногда в литературе называется «тарасами». П.А. Раппопорт считает, что
«под термином городня, очевидно, принималась определенная часть бревенча-
той стены, ее сруб или звено», в то время как термин «тарас» «обозначал в пер-
вую очередь не столько связанную систему срубов, сколько обычную для этого
времени (XVI–XVII вв. — *Н.С.*) систему срубов со специальными помещениями
для стрелков и пушек» [249, с. 123, 124].

Срубы, составлявшие стену крепости, изнутри были забиты глиной и, вероят-
но, ею же обмазаны снаружи [289, с. 28]. С появлением огнестрельного оружия в
стенах устраиваются бойницы [289, с. 28]. Причем, судя по тому, что в источни-
ках отмечается наличие нижнего боя, бойницы располагались в несколько яру-
сов [81, с. 99, № 167]. Остается невыясненным, шла ли деревянная стена по верху
вала или его в этом месте не было.

Крепость дополнительно была усилена башнями. Впервые проездные во-
рота — брама — упоминаются в Литовской и Жмойтской летописях под 1401 г.,
однако, о названии их или месте расположения источник умалчивает [107, с. 75].
Иоасафовская летопись знает Крылошевскую стрельницу, упоминаемую в связи
со вторым походом Василия III на Смоленск в 1513 г. [61, с. 194]. В Разрядных
книгах 1475–1605 гг. под 1561–1562 гг. есть сведения о Пятницких, Крылошев-
ских, Духовских, Непровских (Днепровских) и Костеревских воротах [90, с. 101].
Они существовали еще в начале XVII в. рядом с воротами и башнями новой ка-
менной крепости и дали им свои названия [43, с. 416, № 349; 81, с. 77, № 132;
с. 109, № 183; с. 167, № 237].

Днепровские, или Фроловские, ворота новой крепости являлись главными

воротами Смоленска. Интересно, что в начале XVII в. они чаще всего называются Фроловскими. В «Наказе посадским старостам и объездным головам» 1608 г. Днепровские ворота упомянуты именно как входящие в систему укреплений «Старого деревянного города» [43, с. 416, № 349]. В этом же документе говорится и о «старых Духовских воротах». Ни одни ворота новой каменной крепости так не назывались [60, с. IX–XII]. В сообщении о несении караульной службы сказано «ездити... в старом деревянном городе от Крылошевских ворот по Пятницкие ворота и от Днепровских ворот по Духовские ворота». Если считать, что старые Духовские ворота находились в северной части крепости, то получается, что маршруты караулов дублировались, причем, если первый маршрут охватывал весь фронт деревянной крепости, то второй только ее часть. Если же предположить, что Духовские ворота находились против Днепровских, на месте пересечения земляного вала «Старого города» с улицей, которая впоследствии стала именоваться Молоховской, то все становится на свои места. Оба маршрута проходили по основным улицам города: первый — по Большой Проезжей улице (современная ул. Соболева) от Пятницких ворот на западе до Крылошевских ворот на востоке; второй — по Молоховской улице (современная ул. Большая Советская) от Днепровских ворот на севере до Духовских ворот на юге.

Таким образом, удалось выявить места расположения пяти крепостных ворот (рис. 21, 43). Вероятно, их было больше, но к XVII в. они не все сохранились, так как с постройкой новой крепости старая утратила значение, хотя, видимо, и не сразу.

Ранее считалось, что деревянная стена по берегу Днепра была уничтожена с постройкой новой крепости, а название «Старый город» употреблялось по традиции [230, с. 8]. Из приведенных источников следует, что старые деревянные укрепления города существовали, может быть, и не полностью еще в начале XVII в.

Последний вопрос, который необходимо решить, проходила ли старая стена севернее или южнее новой. Если бы старая стена проходила севернее, то это нашло бы отражение на видах Смоленска 1611 и 1627 гг. Однако этого нет. Кроме того, источники XVII в. помещают деревянную стену именно внутри каменной крепости. Существует несколько изображений города, которые могли бы пролить свет на данный вопрос. Некоторые детали «Медали А» (рис. 14) обращают на себя внимание. В западной части крепости отмечен пролом, на месте которого через несколько лет будет насыпан вал Королевской крепости; некоторые башни показаны без шатровых перекрытий, уничтоженных, видимо, во время осады. На медали показан взрыв собора и еще один взрыв в северо-восточной части крепости, описание которого находим в польских источниках [59, с. 214]. Таким образом, в некоторых деталях этот вид города точно отображает события, связанные со взятием Смоленска. На медали имеется изображение каких-то башнеобразных построек, аналогичных изображению башен каменной крепости. Это не церкви, так как эти постройки показаны несколько иначе — кресты на них не изображены. Можно предположить, что на медали дано изображение

каких-то башен, возможно, «Старого города». Такие башенные конструкции показаны южнее Фроловских ворот, западнее Соборного холма и в юго-восточной части крепости, то есть именно там, где проходила линия обороны старой крепости. На «Медали Б» (рис. 15) изображение культовых и гражданских построек также отлично от изображения крепостных башен. В связи с этим обращает на себя внимание башенная постройка, расположенная в северной части каменной крепости, являющаяся, вероятно, изображением одной из башен старых укреплений. То, что на «Сигизмундовой медали» не видно этих построек, объясняется, по-видимому, тем, что основная идея медали — взрыв Успенского собора — вытеснила другие интересные детали топографии города. На более поздних изображениях Смоленска прибрежная часть крепости не показана, так как, вероятно, к этому времени она была окончательно уничтожена, возможно, при пожаре города.

Из документов, относящихся к осаде города, известно, что расстояние от стены каменной крепости и до Большой проезжей дороги равнялось одиннадцати сажням (сажень в начале XVII в. равнялась 2,16 м [179, с. 89], что составляло 23,76 м). На три сажени (6,48 м) от каменной стены было оставлено порожнего места для проезда [81, с. 27, № 45; с. 28, 29, № 47]. Остается восемь сажень (17, 28 м), на которых размещались осадные дворы и, видимо, старые укрепления.

Таким образом, укрепления в прибрежной части города возникли, видимо, уже в начале XII в. Вполне возможно, что они вместе с земляным валом образовывали единую систему обороны Смоленска. Если это так, то городские укрепления этого времени имели протяженность более 3,5 км и охватывали огромную территорию площадью, примерно, в 65 га. С северной стороны крепость была дополнительно усилена башнями. По крайней мере, одна башня находилась в ее южной части.

«Старый город» просуществовал до начала XVII в., когда, потеряв свое прежнее значение, он был уничтожен. Валы в южной части крепости продолжали существовать еще некоторое время и были срыты между 1627 и 1636 гг., так как на изображении Смоленска 1627 г. они еще видны, а на плане Гондиуса 1636 г. уже отсутствуют (рис. 5).

Крепость в свое время была столь мощна, что, как говорил очевидец, за ней были едва видны верхушки зданий, а стены не могли быть разрушены ни выстрелами, ни таранами [289, с. 28]. Конечно, было бы заманчиво приписать возведение ранних укреплений города деятельности того или иного князя, однако оснований для этого пока нет.

Пятницкий острог

На плане В. Гондиуса к западу от каменной крепости показано, судя по манере изображения, какое-то земляное укрепление (рис. 5) в виде вала. По размерам оно уступало земляным конструкциям «Старого города», а также валу XVI в.

Этот вал начинался на правом берегу р. Чуриловки, у ее устья, шел к югу, а затем поворачивал к востоку и вверх по Казанской горе доходил до Богословской башни каменной крепости. Вал существовал еще в конце XVIII в. [57, с. 211] и был полностью уничтожен только в 1877–1879 гг. [223, с. 517; 238, с. 152; 230, с. 7, 8; 231, с. 5; 235, вып. 5, с. 46, прим. 5]. Польским источникам периода осады города 1609–1611 гг. известно в этом месте земляное укрепление, которое они именуют «городком» [85, с. 452, 455; 87, с. 22]. Отечественные документы того же времени помещают здесь «в Пятницком конце острог» [42, т. 2, с. 318, № 266; 81, с. 31, № 51]. Под наименованием «Пятницкого острога» это укрепление и стало фигурировать в литературе [229, с. 153, 154; 237, с. 130, 228; 238, с. 42, 152; 230, с. 9]. С.П. Писарев и И.И. Орловский считали, что оно было более обширным и предшествовало по времени возведению каменной крепости, которая в западной части как бы сократила укрепленную территорию города, оставив часть земляного вала за ее пределами [238, с. 36, 42; 230, с. 9]. Первоначально же вал от места будущей Богословской башни имел продолжение к северу, шел по улице Большой Казанской (совр. ул. Бакунина), где он также сохранялся до 1877–1879 гг. и сливался с валом, располагавшимся в южной части крепости, образуя при этом внешнюю линию обороны города, которая на всем своем протяжении была возведена единовременно (подробнее об этом говорится в разделе 3 данной главы).

На плане В. Гондиуса участок вала за пределами крепости резко отличается по своим параметрам от вала в южной ее части, что заставляет сомневаться в правильности данного утверждения. Ниже будет показано, что южная линия обороны на протяжении от Королевской крепости до Авраамиевского монастыря была возведена в 30-е гг. XVI в. Предположим, что вал Пятницкого острога от Королевской крепости и до устья р. Чуриловки был возведен в другое время. Этому, как представляется, есть основания. В конце прошлого века С.П. Писарев наблюдал остатки внутривальных конструкций этого сооружения в виде массивных дубовых обгорелых бревен в районе Немецкого кладбища [235, вып. 5, с. 46, прим. 4]. Обследование вала XVI в., предпринятое автором, показало, что его внутривальные конструкции другого типа — менее мощные, носящие скорее плетневой характер и к тому же худшей сохранности. Если эти два участка бывшей внешней линии обороны разновременны, то они должны каким-то образом смыкаться с предшествующими укреплениями, поскольку, в противном случае, они утрачивали свое функциональное назначение. Если же вал Пятницкого острога старше вала XVI в., то он должен был подходить к укреплениям «Старого города» с запада. Скорее всего, исходя из рельефа города, вал не доходил до пересечения ул. Бакунина с ул. Пржевальского (бывшая ул. Большая Вознесенская), поворачивал к юго-востоку, а затем к востоку, где смыкался с валом «Старого города» (рис. 21).

В 1890 г. в Смоленске на месте усадьбы Станиславского на Безымянной улице (рис. 9), — позднее она называлась Николаевской, а после революции Ногина [40; 166, план] — расположенной в западной части каменной крепости, была найдена серия бронзовых украшений, состоявшая из обломков семи- и пятило-

пастных височных колец, перстня с несомкнутыми концами, браслетов (плетеным без каркаса, завязанным; витым, тройным, петлеконечным; пластинчатым овальноконечным) (рис. 23). Находка была интерпретирована как остатки погребального инвентаря, сопровождавшего захоронение сельского типа и датированного началом — серединой XII в. [139, с. 253]. Комплекс интересен тем, что это пока единственная находка подобного рода на территории города. Появляется надежда обнаружить подобные захоронения и в других частях современного Смоленска, что даст возможность очертить границы древней городской территории, так как маловероятно, чтобы погребения сельского типа совершались в пределах городских укреплений. Следует учесть, что Смоленск, в отличие от некоторых других городов, разрушенных монголо-татарами и содержавших поэтому прямо на городской территории массовые захоронения, в том числе и сельского типа, не был прямой жертвой нашествия и до 1396 г. ни разу не подвергался серьезным разгромам. Вероятно, вплотную к Смоленску подступали сельские поселения, впоследствии поглощенные городом по мере роста его территории. Иоанн Кобенцель, посетивший Смоленск в 1575 г., отмечал, что в его окрестностях «много искусственных возвышений, которые здешние жители называют курганами и говорят о них, что это древние гробницы» [63, с. 140].

Погребение с рассматриваемым комплексом вещей находилось за пределами оборонительных сооружений «Старого города», на территории Пятницкого острога (рис. 21). Исходя из положения о невозможности совершения погребения сельского типа в городе, можно предположить, что укрепления Пятницкого острога были возведены не ранее начала — середины XII в. Судя по тому, что они вплотную примыкали к крепости «Старого города», можно наметить схему возведения древних оборонительных сооружений Смоленска: сначала была построена крепость «Старого города», затем Пятницкого острога. Вопрос об их абсолютной хронологии более сложен. Если полагать, что в городах в первую очередь укрепляли напольную часть, затем уже прибрежную, а оборонительные сооружения на берегу Днепра археологически датируются началом XII в., то, следовательно, земляной вал «Старого города» мог быть насыпан либо до начала XII в., либо одновременно с укреплениями прибрежной части.

Район города, расположенный к востоку от устья р. Чуриловки, более всего насыщен остатками памятников архитектуры (рис. 40), относящихся к домонгольскому времени [257, 158, с. 339–341]. Здесь находился и двор князя Романа Ростиславича со стоящей на нем церковью Иоанна Богослова, одной из трех сохранившихся на территории города церквей (XII в.). Роман Ростиславич известен своей строительной деятельностью. В летописном некрологе сказано, что он «манастыри набдя и созда церковь камену святаго Иоана» [62, с. 617]. Следует отметить, что, по крайней мере, со второй половины XII в. резиденции смоленских князей находились вне городских укреплений. Видимо, они могли возводить свои храмы либо на землях сотенного населения, либо на общегородских землях [257, с. 58, 59]. Подобная закономерность хорошо прослеживается на примере Новгорода и Пскова [128, с. 24]. Вероятно, рассматриваемая территория и была

одним из таких районов, что и объясняет наличие здесь княжеской резиденции. После смерти Романа в 1180 г. его брат, Давид Ростиславич, переносит свой двор западнее, ближе к Смядыни, где, видимо, вскоре после этого возводит свою дворцовую церковь во имя Михаила Архангела (Свирскую). Такое перемещение княжеского двора было связано, скорее всего, с тем, что территория, на которой находился старый двор, перешла под юрисдикцию кончанской администрации Смоленска. Этому акту, вероятно, предшествовала борьба княжеской и кончанской администраций, которая подчас выливалась в вооруженные столкновения. Противоречия начались еще при жизни Романа Ростиславича, о чем свидетельствует летопись, где сказано: «многие досады приях от смолян и не виде тя, господине, николи противу их злоу никоторого зла въздающа» [62, с. 617]. С особой силой они разгорелись после его смерти. В 1186 г. «въстань бысть Смоленське промежи князьмъ Давыдом и смолянны, и много голов паде луццихъ мужъ» [62, с. 647; 77, с. 38, 229]. О разногласии между смолянами и Давидом Ростиславичем повествует летопись и под 1195 г., где говорится, что они «не добре с Давыдомъ» [62, с. 692]. В конечном итоге кончанская администрация, видимо, вышла победителем, что выразилось в переносе княжеского двора. Произошло это до 1197 г. — года смерти Давида Ростиславича. Видимо, не позднее были воздвигнуты и новые городские укрепления, которые в дальнейшем получили наименование Пятницкого острога, так как примыкали к Пятницкому концу и, скорее всего, находились вместе с входящей в них территорией под его юрисдикцией. Протяженность его оборонительной линии достигала 1,6 километра.

Укрепления XVI века

На «Сигизмундовой медали» и видах Смоленска 1627 и 1636 гг. изображена черта валов, которая проходит параллельно линии годуновских стен и опоясывает город в его южной части на пространстве от Авраамиевского монастыря на востоке, до Королевской крепости на западе. Н.Н. Мурзакевич, впервые описавший их в 1835 г., отмечал, что «остатки земляного вала уцелели от Королевской крепости до Молоховских ворот, от Шеинова пролома до Никольских ворот, от Никольской башни до Авраамиевской... и от Шеиновой башни до Богословской (что в предместьи) улицы» [223, с. 517]. Это же описание валов в последующее время встречается и у других исследователей города [237, с. 77; 230, с. 7]. Выше отмечалось, что участок вала на протяжении от Королевской крепости и до устья р. Чуриловки принадлежал более раннему укреплению — Пятницкому острогу, возведение которого следует отнести ко времени княжения Давида Ростиславича (1180–1197 гг.). Таким образом, рассматриваемый здесь вал охватывал пространство на протяжении от Авраамиевского монастыря до Королевской крепости (рис. 21).

Дореволюционные историки Смоленска датировали его по-разному. С.П. Писарев полагал, что эти укрепления существовали «еще с первых смоленских кня-

зей», а в XV в. высота вала была увеличена литовцами [237, с. 8]. Иного мнения придерживался И.И. Орловский, считавший, что валы возведены литовцами в XV в. [230, с. 7, 8]. И хотя И.И. Орловский, так же как и С.П. Писарев, не приводил никаких серьезных аргументов в пользу своей догадки, его точка зрения возобладала, и по сей день распространена в литературе по истории Смоленска. Много позже И.Д. Белогорцев высказал предположение, также абсолютно ничем не обоснованное, но затем поддержанное Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом, что валы эти были возведены еще в XII в., когда князь Ростислав в 1134 г. «устрои град великий Смоленск» [138, с. 155; 138, с. 207; 157, с. 82–84].

В 1976 г. Смоленская археологическая экспедиция МГУ производила обследование участка вала около Авраамиевского монастыря (рис. 24), у каменной крепостной стены, между башнями Ворониной и Заалтарной, за домом 12 по ул. Красногвардейской (сейчас ул. Маршала Жукова). Основной задачей раскопок было выяснение времени насыпки вала и его устройства. Работа затруднялась тем, что вал на протяжении от Авраамиевского монастыря до Никольских (Еленских) ворот крепости в конце XIX в. был частично спланирован и продан городскими властями частным лицам под жилую застройку, а земля после срытия вала пошла на засыпку городского рва, что вызвало бурный протест со стороны С.П. Писарева [243, 244].

Для обследования вала был заложен раскоп площадью 40 кв. м., перпендикулярно оси вала в направлении запад – восток, который заканчивался в 50–80 см от прясла крепостной стены. В процессе работ выяснилось, что верхняя часть сохранившейся насыпи вала значительно попорчена позднейшим строительством (рис. 25), так что неповрежденной осталась лишь нижняя часть. Вал был насыпан практически на материке, если не считать тонкую прослойку песка, подошва его залегала на глубине 550–596 см от верха оставшейся насыпи. Помимо позднейшей керамики в верхнем перекопанном слое, в неповрежденной части насыпи вала были найдены следующие вещи: обломок плинфы, фрагмент поливной восточной керамики (по определению Г.А. Федорова-Давыдова – турецкой XVI в.) – и на материке – три небольшие фрагмента чернолощеной керамики, которая в Смоленске относится к первой трети XIV–XVII вв. [300]. Таким образом, можно полагать, что вал был насыпан, скорее всего, в XVI в. Установить ширину вала, а также определить характер внутривальных конструкций здесь не удалось [118, с. 40, 41; 258].

С этой целью в 1978 и 1981 гг. были заложены два раскопа (рис. 29) в западной части крепости, в Парке Культуры и отдыха, южнее Королевской крепости, где вал (рис. 26, 27, 28) сохранился лучше всего [256, с. 87, 88; 259, с. 85]. Ширина вала в основании достигала здесь 27 м, ширина верхней площадки – 6 м. Раскопы располагались в 1 м один от другого и шли перпендикулярно оси вала. Первый, площадью 48 кв. м. (1978 г.), занимал весь внутренний склон вала; второй, площадью 20 кв. м. (1981 г.) – почти всю его верхнюю площадку. Насыпь вала (рис. 30) состояла из чередующихся слоев суглинка светло-коричневого цвета, гумусированных суглинков и глин различных оттенков. Ее подстилала прослойка погребенного

дерна мощностью 2–14 см, под которой залегали слой подзола и материк. Следует отметить, что в северной половине раскопа 1978 г. слои погребенного дерна и подзола были уничтожены перед насыпкой вала, в результате нивелировочных работ. Вал насыпался на необжитом месте, так как выше погребенного дерна в обоих раскопах следов культурного слоя не было обнаружено. Высота насыпи от слоя погребенного дерна до верхней площадки вала достигала 510 см. В результате работ были выявлены остатки деревянных конструкций в виде плах, бревен, жердей очень плохой сохранности (рис. 31). В первом раскопе они прослежены на глубинах с 60 см и до 420–430 см от верха насыпи. Размер бревен в длину колеблется от 50 до 380 см, изначальный диаметр равнялся, по-видимому, 20–25 см. В основном они сосредоточивались в восточной части раскопа и шли перпендикулярно оси вала. Прослежены остатки бревен, шедших и вдоль продольной оси вала. Верхний ярус выявленной конструкции представляет собой остатки настила из плах. В профиле южной и восточной стенок раскопа при зачистке его отмечено 11 отверстий со следами древесного тлена, что указывает на то, что они также относились к внутривальным конструкциям. Обнаруженная конструкция представляла собой как бы чередующиеся слои отдельно лежащих бревен, идущих вдоль и поперек оси вала. За исключением, пожалуй, первого яруса, она близка некоторым вариантам внутривальной конструкции, особенно часто встречаемой в Польше, где она называется «рустовой». П.А. Раппопорт считает, что такой тип укреплений не являлся особенностью Польши, так как подобная, относящаяся к VIII в., конструкция была встречена на балтском городище Кентескалнс.

«Таким образом, — делает вывод автор — очень вероятно, что в северной половине славянских земель издавна существовала особая военно-инженерная традиция, захватывающая как Поморье, так и северную часть восточнославянской территории» [251, с. 210].

В Древней Руси внутривальные конструкции подобного типа были встречены в валах Минска [173, с. 93, 139, 156], Твери, городища Алчедар [250, с. 110, 112; 251, с. 201] и Новгорода [125, с. 15]. Все они относятся к домонгольскому времени. В более позднее время подобная конструкция встречается реже. На нашей территории она отмечена всего один раз — в валах замка XVI–XVIII вв. на Плесецком городище под Киевом [248, с. 146; 249, с. 140, прим. 3].

В насыпи смоленского вала были обнаружены фрагменты простой круговой керамики, по определению Е.В. Каменецкой, XIV–XVI вв. Исходя из этого, возведение вала следует отнести ко времени не ранее XVI в.

Во втором раскопе сохранность дерева еще хуже. От него остались только полости (рис. 32), содержащие изредка незначительные следы древесного тлена. Прослежены они на глубине 180–482 см от вершины вала и сосредотачиваются в основном в западной части раскопа. Размеры полостей в длину колеблются от 50 до 500 см; диаметр их — 4–10 см. По существу это были не бревна, а толстые жерди. Ориентированы они в большинстве случаев перпендикулярно продольной оси вала. Во всех стенках раскопа были отмечены, так же, как и в первом, отверстия от этих жердей, но в значительно большем количестве. Например, в север-

ной стенке их насчитывалось 37. Диаметр отверстий не превышал 9 см (рис. 33). Расстояние между восточной и западной линиями отверстий в северной стенке раскопа составляет около 260 см. Расположение полостей и отверстий, их диаметр позволили предположить, что это, скорее всего, были какие-то плетневые конструкции. Плохая их сохранность не дает с точностью установить, были ли это клетки или стенки, идущие перпендикулярно продольной оси вала. Тем не менее, расположение полостей от жердей отверстий в стенках раскопа указывает на то, что некоторые из них шли вдоль оси вала, а это в свою очередь позволяет определить эти конструкции, скорее всего, как клетки. Об этом говорят и другие источники. Побывавший в Смоленске в 1580 г. А. Поссевино отмечал, что вал города состоит из оплетенных прутьев и прочно утрамбованной внутри них землей [191, с. 244]. А.Н. Кирпичников считает, что укрепления такого типа появляются в Западной Европе в XVI в. [185, с. 476]. Именно поэтому подобный способ возведения валов Московского Китай-города в свое время поразил современников [97, с. 292]. Плетневые конструкции были обнаружены в русских памятниках и более раннего времени: В.В. Хвойкой в валах Жарковского городища (Киевская обл.) [249, с. 106, прим. 3] и Н.П. Милоновым при раскопках вала в Переяславле Рязанском [221, с. 30]. Видимо, к XVI в. этот способ крепления валов на Руси был забыт, что и вызвало удивление современников Китайгородским сооружением.

Обращает внимание синтез двух строительных элементов, использованных при возведении смоленского вала: рустового и плетневого. Видимо, сначала ставились плетеные из толстых жердей клетки, которые заполнялись землей, после этого склоны вала укреплялись с применением рустовой конструкции (рис. 34). Это нашло отражение в различной стратиграфии насыпи. Если его ядро более однородно, что связано с единовременным заполнением клеток, то склоны более стратифицированы: почти каждый слой продольно-поперечных бревен пересыпался отдельно землей (рис. 30).

Подобную конструкцию вал имел, видимо, и у Авраамиевского монастыря, о чем свидетельствуют встреченные здесь пятна древесного тлена. Однако плохая сохранность насыпи, а также незначительная площадь вскрытия (до материка раскоп был доведен только на площади 4 кв. м) не позволили доподлинно выявить ее. Таким образом, при устройстве вала был осуществлен синтез местных и западноевропейских элементов, аналогии которому пока не известны.

Одним из аргументов в подтверждение своего мнения о насыпке вала литовцами И.И. Орловский считал грамоты великих князей литовских Казимира и Александра [229, с. XVII–XXIX], полагая, что в них содержится указание об «укреплении» города, предпринятом этими князьями в конце XV в. Действительно, в грамотах говорится об укреплении смоленской крепости, именуемой «замком», но не с помощью возведения новых оборонительных сооружений, а путем благоустройства города и привлечения жителей различными льготами и милостями.

В 1499 г. великий князь литовский Александр, предвидя войну с Московским государством, укрепил, как сообщает летопись, Витебск, Полоцк, Смоленск и

оставил там гарнизоны [106, с. 167]. Можно было бы предположить, что новая черта валов возведена в Смоленске именно в это время (тем более, что это соответствует материалу раскопок), если бы не одно обстоятельство. Русские летописи, описывая второй поход Василия III на Смоленск в июне 1513 г., сообщают, что гарнизон города и его жители совершили против осаждавших войск вылазку «за город за валы на бои», которая закончилась для них поражением [61, с. 161; 76, т. 13, с. 16].

Большой интерес для освещения этого эпизода представляет отрывок из неизвестной летописи, посвященный походам Василия III на Смоленск, содержащийся в Иоасафовской летописи и датируемый, как и сама летопись, 20-ми гг. XVI в. [61, с. 12], что позволяет относиться к нему с большим доверием. В рассказе о втором походе Василия III и вылазке смолян из крепости содержится деталь, которая отсутствует в других летописях. В то время, как остальные источники лишь констатируют факт выхода смолян из города за валы, в этом отрывке подчеркивается, что они вышли из города за вал к «Пречистое Аврамьевской» [61, с. 193]. «Пречистая Аврамьевская» — это Авраамиевский монастырь, основанный в начале XIII в. и находившийся за пределами города вплоть до возведения этой новой черты валов. Таким образом, в 1513 г., то есть за год до присоединения Смоленска к Московскому государству, вал еще не был насыпан. Можно предположить, что весь объем работ по его возведению мог быть выполнен литовцами и в течение одного года, но для этого, очевидно, необходимы были благоприятные условия, которых как раз и не было. Так в сентябре 1513 г. войска Василия III снова подступили к Смоленску и осаждали город до тех пор, пока «приспе осень, дни студеныа а корму конского скудно бе», после чего в конце ноября возвратились в Москву [61, с. 193]. Во время осады войска московского князя вели усиленный обстрел города из пушек и пищалей в течение многих дней, чем нанесли городу серьезные повреждения: была разбита «Крыношевская (Крылошевская — *Н.С.*) стрельница... и многие места разбиша». По-видимому, после этого подступа к Смоленску литовцы больше думали о ремонте старых, разрушенных укреплений, чем о возведении новых. К тому же через семь с половиной месяцев, из которых четыре-пять приходились на период, когда земля была промерзшей и непригодной для насыпки вала, в июле 1514 г., Василий III подступил к Смоленску в третий раз и после непродолжительной осады взял город. Отсюда следует, что литовцы не могли возвести эти укрепления в течение 1513 г. Однако, в русских летописях нет прямого указания и на деятельность московских князей, связанную с насыпкой вала. Правда, в источниках под 11 сентября 1514 г., то есть через 40 дней после вступления Василия III в Смоленск, содержится сведение о том, что князь «поустроил свою отчину град Смоленеск» [61, с. 165; 76, т. 13, с. 21]. Но очевидно, что за столь малый срок вал насыпан быть не мог. Видимо, эти мероприятия скорее были связаны с ремонтом разрушенных укреплений или с улаживанием каких-либо других дел. Во время путешествия в Московию в 1526 г. С. Герберштейн отмечал, что Смоленск после присоединения был укреп-

лен московским князем [54, с. 19]. Достоверно представить себе характер этих работ нельзя: были ли они связаны с возведением новых укреплений или соответствовали деятельности князя, отмеченной отечественными источниками. Можно только утверждать, что новые укрепления были воздвигнуты не во время владения городом Литвой. Учитывая же археологическую датировку вала — XVI в. — и свидетельства письменных источников, можно полагать, что вал был насыпан после присоединения Смоленска к Московскому государству в 1514 г.

А.Н. Кирпичников, основываясь на результатах раскопок, высказал предположение, что смоленский вал относится к типу бастионных крепостей, которые с 30-х годов XVI в. получают широкое распространение на Руси, придя сюда из Западной Европы [185, с. 476].

Он считает, что внешняя линия обороны города была возведена после пожара 1554—1555 гг. [185, с. 487]. Позволим себе не согласиться с этой датировкой. По А.Н. Кирпичникову первой крепостью, построенной по этому образцу, был устроенный в 1534 г. земляной Китай-город в Москве [185, с. 476]. Вслед за этим укрепления подобного типа возводятся в Почепе (1535 г.), Себеже (1535 г.), Заволочье (1536 г.), Стародубе (1536 г.). Во многих других городах бастионные крепости строятся позднее [185, с. 471, 472, 477—484]. Обращает на себя внимание тот факт, что из пяти перечисленных городов только Москва находилась в отдалении от западных рубежей государства. Остальные же лежали в непосредственной близости от границ Великого княжества Литовского и Ливонского ордена. Отсюда следует, что именно здесь, в первую очередь, получила широкое распространение новая техника возведения крепостей. В таком случае остается неясным, почему наиболее стратегически важный город, прикрывавший дорогу на Москву, укреплялся чуть ли не в последнюю очередь. Можно полагать, что внешний вал Смоленска был возведен около 1534—1536 гг. В пользу этого говорит то, что пожар 1554—1555 г. мог уничтожить деревянные сооружения, расположенные на валу, но не сам вал, который, видимо, существовал ко времени пожара.

Если в западной части вал примыкал к укреплениям Пятницкого острога, то остается невыясненным, каким образом он шел в восточной части города. С.П. Писарев полагал, что вал не включил Авраамиевский монастырь в укрепленную территорию. Правда, он сразу же делает оговорку, что позже (до построения каменной крепости) монастырь был введен в черту города присыпкой нового позднего вала [237, с. 113, 114, прим. 3]. Однако, буквально сразу же после этого С.П. Писарев пишет, что вал шел только до «Авраамиевского монастыря, за которым его уже не было» [237, с. 153]. В более поздней своей работе он возвращается к первоначальной точке зрения [238, с. 137]. Не вносит ясности в этот вопрос и И.И. Орловский [231, с. 33]. Основываясь на указаниях С.П. Писарева и И.И. Орловского и ссылаясь на некоторые планы XVIII в., Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт пришли к выводу, что восточная часть вала оставляла за своей чертой Авраамиевский монастырь, который был включен в пределы города только с возведением каменных стен [157, с. 84].

Чтобы окончательно установить место прохождения вала в данной части города, было изучено 17 планов Смоленска начала XVIII — первой половины XIX вв., изображающих, в частности, и интересующие нас укрепления. По характеру передачи вала у Авраамиевского монастыря все планы подразделяются на четыре группы.

К первой (рис. 35, А), наиболее многочисленной, относятся планы, изображающие вал проходящим около каменной стены, с тыльной ее стороны, вдоль восточной ограды Авраамиевского монастыря, включая его при этом в пределы городской территории. Таких планов восемь: 1706 г. [208, л. 30, изобр. 99], 1730—1746 гг. [23], 1762 г. [24], 1773 г. [29], 1774 г. [25], 1779 г. [30], второй половины XVIII в. [26] и первой половины XIX в. [28].

На планах второй группы (рис. 35, Б) вал показан либо на протяжении от Королевской крепости до башни Ворониной, либо только на участке между упомянутой башней и Молоховскими воротами. Эта группа представлена шестью планами: 1780 г. [31], 1781 г. [38], 1793 г. [32], второй половины XVIII в. [33] и двумя планами 1816 г. [34, 39].

В третью группу (рис. 35, В) входит всего один план, относящийся к 1779 г. [37]. На нем вал обозначен от башни Ворониной вдоль западной части монастырской стены, внутри нее, оставляя сам монастырь за пределами города.

Наибольший интерес представляет четвертая группа, в которую входят два плана, относящиеся к 1778 г. [35, 36]. Это крупномасштабные и очень точные планы, предназначенные для проведения работ по перепланировке города. К северу от башни Ворониной линия вала раздваивается (рис. 35, Г). Западное его ответвление обозначено так же, как и на плане третьей группы, восточное — как на планах первой группы. Однако здесь имеется деталь, которая отсутствует на других планах. У внутренней стороны юго-восточного участка ограды монастыря параллельны ему, и, таким образом, параллельно линии вала у самой стены проходит еще один вал. Создается впечатление, что Авраамиевский монастырь имел свою собственную линию обороны, от которой к 1778 г. осталось только два участка вала, проходящие вдоль западной и юго-восточной границ монастыря.

Таким образом, на восьми (пять из них являются самыми ранними из всех рассматриваемых планов) из семнадцати планов вал изображен так, что, проходя восточнее Авраамиевского монастыря, включал его в укрепленную территорию Смоленска. На шести планах вал в этой части города вообще не обозначен. На одном он идет западнее монастыря. И, наконец, на двух планах последней, четвертой группы, вал идет так, что его направление можно рассматривать двояко.

Итак, расположение вала восточнее Авраамиевского монастыря не вызывает сомнения, но существование планов 1778 г. (четвертая группа) и плана 1779 г. (третья группа), изображающих вал проходящим западнее монастыря, требует объяснения. На планах 1778 г. вал разветвляется. Участок его восточнее монастыря показан расплывшимся и деформированным. На плане 1779 г. его уже нет, так же как нет и отрезка неизвестного вала с тыльной стороны монастырской ограды. Можно предположить, что к этому времени рассматриваемый участок

либо сильно оплыл и не был нанесен на план, либо был скрыт (возможно, поэтому он не нанесен и на планы конца XVIII — первой половины XIX вв.). Следует отметить, что на трех поздних планах первой группы (1779 г., второй половины XVIII в. и первой половины XIX в.) этот участок вала все-таки изображен. Однако эти документы носят характер не столько планов города, сколько оборонительных сооружений, поэтому данный участок вала мог быть нанесен на основании более ранних его изображений, что, в частности, хорошо видно на плане второй половины XVIII в., который со всеми подробностями повторяет план 1762 г. Что же касается плана 1779 г. (первая группа), на котором вал изображен проходящим восточнее Авраамиевского монастыря, то он мог предшествовать второму плану этого же года (третья группа), на котором этот участок вала уже отсутствовал. В связи с этим именно планы третьей и четвертой групп, наиболее полно характеризующие застройку и оборонительные сооружения Смоленска, менее всего отражают истинную топографию данного участка города.

Вал, проходящий западнее Авраамиевского монастыря, представлял собой гряду длиной около 40 м. Ширина основания равнялась около 20 м, верхней площадки — около 15 м. Вал сохранился на высоту около 2 м. В 1971 г. на месте этой насыпи проводились строительные работы, по ходу которых велось наблюдение за ними (тетрадь надзора хранится на кафедре археологии МГУ). Для этого у северной оконечности вала, в центральной его части и южной оконечности были заложены три траншеи длиной соответственно 16, 10, 10 м, при ширине 2, 4, 4 м. В центральной и южной траншеях верхняя часть насыпи примерно до глубины 1,5 м была сильно повреждена немецкими захоронениями 1941—1943 гг. В северной траншее погребений не было, но насыпь в верхней части оказалась также сильно потревоженной, здесь был встречен самый разнообразный керамический материал от чернолощеной, поливной керамики и зеленых поливных изразцов XVI—XVII вв. до обломков современных горшков. С глубины 1,5 м была вскрыта непотревоженная часть насыпи из светло-коричневого суглинка. Материк открылся на глубине 3,4—3,6 м от вершины вала. Эта часть насыпи характеризовалась фрагментами чернолощеной керамики XV—XVI вв. Никаких внутривальных конструкций обнаружено не было.

На основе полученных данных этот участок вала можно датировать, видимо, XV—XVI вв. Вероятно, к тому же времени относился и отрезок вала у юго-восточной части ограды Авраамиевского монастыря. Непонятно, какую функцию могли выполнять эти насыпи. Если бы это были части городских укреплений, то тогда бы монастырь уже к 1513 г. находился в черте города, а это противоречит сообщению источника. Если же они возведены после насыпки городского вала, то их назначение остается еще более неясным, в большей мере, это относится к юго-восточному участку, который проходит вплотную к городскому валу. На наш взгляд, валы у западной и юго-восточной стен ограды Авраамиевского монастыря представляют собой не что иное, как укрепления самого монастыря, которые возникли до насыпки основного городского вала, возможно, в литовское время. Имея свои собственные укрепления, Авраамиевский монастырь на-

ходил за пределами города, что позволило автору отрывка, содержащегося в Иоасафовской летописи, описать события 1513 г. именно таким образом.

В этом месте в XV–XVII вв. начиналась дорога на Москву. В Переписных книгах 1659 г. она именно так и называлась — Московской [237, с. 221, 222]. О важности этого участка в военном отношении можно судить по Иоасафовской летописи. Именно здесь проходили сражения за обладание городом между войсками Василия III и литовцами. Таким образом, можно полагать, что дополнительное укрепление, использовавшее территорию монастыря и находившееся в непосредственной близости от оборонительных сооружений Смоленска, было возведено в период литовского владычества в городе (1404–1514 гг.). В 30-х гг. XVI в. с возведением нового оборонительного пояса города Авраамиевский монастырь вместе со своими укреплениями вводится в черту города.

Направление вала к северу от Авраамиевских ворот каменной крепости пока не устанавливается. Возможно, здесь он примыкал к укреплениям острога, располагавшегося в Крылошевском конце, упоминание о котором однажды встречается в источниках [81, с. 165, № 236].

Таким образом, этот оборонительный пояс, охватывал южную часть города, от Авраамиевского монастыря до Королевской крепости, на протяжении около 2,5 км. Скорее всего, это тот «Новый большой город», который упоминают Разрядные книги под 1580 г. [88, с. 312].

Судя по видам Смоленска начала XVII в., описанию его Н.Н. Мурзакевичем и другими историками города, вал шел вдоль линии годуновских стен не сплошной полосой, а с перерывами, соответствующими Никольским (Еленским), Молоховским и Копытецким воротам, которые, вероятно, строились с учетом особенностей этой линии обороны, поскольку ведущие к ним улицы сформировались задолго до постройки каменной крепости. Значит, и вал «Нового большого города» был дополнительно укреплен проездыми башнями, располагавшимися, примерно там же, где впоследствии были возведены упомянутые ворота каменной крепости.

По оборонительным качествам этот вал не уступал стенам каменной крепости. На изображении города начала XVII в. видно, что он по высоте был почти равен стенам крепости. С.П. Писарев отмечал, что высота вала в восточной части города у Никольских ворот равнялась высоте каменной стены, исключая зубцы [244]. Это же хорошо видно на акварельном рисунке (рис. 13) 1868 г. [17] и ряде фотографий начала XX в. [15]. Такой же высоты достигает и сохранившийся до настоящего времени участок вала в западной части города. Однако, первоначально высота отдельных участков вала, видимо, была разной. С. Жолкевский оценивал ее более чем в 10 локтей — около 6 м [59, с. 168]. Другой участник осады города в 1609–1611 гг. дает примерно такую же высоту, равную высоте двух копий [85, с. 701]. С.П. Писарев доводит эту высоту до 7 саженей — около 15 м [235, вып. 5, с. 46, прим. 3]. Результаты раскопок дают также различные высоты вала. Учитывая то, что подошва вала в районе Авраамиевского монастыря залегала на глубине около 6 м от поверхности сохранившейся части насыпи, а высота его

здесь до срытия равнялась высоте каменной стены без зубцов, то получаем первоначальную высоту вала в этом месте примерно 10–12 м. Высота же его в Парке КиО, учитывая оползание и оседание, должна была превышать 6 м.

Дореволюционные историки Смоленска считали, что вал до постройки каменной стены был дополнительно укреплен деревянными стенами и башнями [237, с. 78; 230, с. 7, 8]. Однако на видах города XVII в. на валу в верхней нагорной части города изображены не стены и башни, а деревянный тын. Кроме того, отметим авторитетное суждение Ф.Ф. Ласковского, утверждавшего, что размеры вала свидетельствуют о существовании не деревянных стен, а тына [207, с. 227]. В таком виде укрепления вала существовали довольно продолжительное время. В 1632–1634 гг. современники отмечали, что вал был «по московскому обычаю... весьма искусно укреплен ложементом и деревянным частоколом и в некоторых местах сделаны огромные срубы для помещения батарей» [55, с. 9]. До постройки же каменной крепости на валу в некоторых местах стояли корзины, наполненные землей, между которыми были оставлены просветы для орудий. Именно эту картину наблюдал А. Поссевино в 1580 г. [191, с. 244]. Такое оформление верха вала отличает крепость «Нового большого города» от Китайгородской, у которой «на верее остроиша град древян по обычаю» [97, с. 292].

Смоленская крепость являлась одним из грандиознейших военных сооружений того времени и не утратила своего значения после возведения каменных стен и башен. Эта линия обороны сыграла большую роль во время обороны города в 1609–1611 гг. Гетман Станислав Жолкевский в своем дневнике пишет: «за стеной тут же непосредственно был старый вал..., во времена предков наших бывший сильнейшим оплотом крепости, нежели эта каменная стена... Столь высокий вал служил препятствием ко входу в крепость» [59, с. 168] и не раз спасал защитников Смоленска, когда каменные стены не выдерживали — добавляет другой, анонимный участник осады города [85, с. 644].

Заднепровский острог

Часть Смоленска, расположенная на правом берегу Днепра — Заднепровье, незаслуженно обойдена вниманием исследователей города. В дореволюционной литературе, так же, как и сейчас, основной акцент делался на изучение истории и топографии части Смоленска, расположенной на левобережье Днепра, которая считается древнейшей. Несмотря на то, что поселение в Заднепровье существовало, по мнению исследователей, уже с XII в. [238, с. 11], эта территория рассматривалась ими не как городская, то есть укрепленная, и даже не как посадская, а как предместье города [231, с. 75; 232, с. 215]. Население здесь, по мнению некоторых, было незначительным и состояло преимущественно из «рабов» и «изгоев», которые занимались тетеревиной охотой и содержали княжеские тетеревиные садки [198, с. 68]. С.П. Писарев отмечал, что «это население... не имело большого значения и игнорировалось до времени огнестрельного ору-

жия» [237, с. 112]. Бурное развитие правобережной части города относится исследователями к концу XVI в., когда теряет свое значение Смядынь, понимаемая ими как особый княжеский город [237, с. 112; 238, с. 38; 231, с. 75]. А между тем правобережная часть Смоленска играла немалую роль в социально-экономической и политической жизни города.

Уже с XII в. здесь начинается строительство храмов, и одно это свидетельствует о социально-экономическом значении Заднепровья [158, с. 343–345; 257, с. 54–68].

Упоминание посада за Днепром впервые встречается в источниках под 1443 г. [67, с. 29]. Сообщая о раннем паводке в Смоленске, летопись говорит, что вода затопила весь посад и «мало не дошла... до Покровской горы», которая располагается примерно в 750 м к северу от берега Днепра. Это свидетельство говорит о значительных размерах Заднепровского посада уже в первой половине XV в. С XVI в. упоминания посада за Днепром регулярно встречаются в записках иностранных авторов, побывавших в Смоленске. Одни Смоленском называют территорию, как на правом, так и на левом берегах Днепра — И. Кобенцель, 1575 г. [63, с. 140]; И. Пернштейн, 1575 г. [32, с. 10]; архиепископ Алассонский Арсений, 1588 г. [47, с. 47]; Г. Тектандер, 1602 г. [102, с. 12]. Другие разделяют Смоленск на город, располагавшийся в Заднепровье, и крепость на левом берегу реки: М. Меховский, 1517 г. [74, с. 108]; С. Герберштейн, 1526 г. [54, с. 112]; Д. Принц, 1578 г. [86, с. 49]; Н. Варкоч, 1593 г. [52, с. 12]; С. Немоевский, 1606 г. [75, с. 24]; М. Стадницкий, 1609 г. [98, № 6, с. 183]; С. Маскевич, 1609 г. [72, с. 18]. Подобные описания Смоленска находим и в ряде других иностранных источников на протяжении всего XVII в. [73, кн. I, с. 197; 64, с. 168].

Следует подчеркнуть, что в этих сведениях намечается тенденция именовать «городом» именно правобережье Днепра, причем, если здесь «виднеется много храмов, довольно красиво построенных из жженого кирпича», то сама крепость «кроме стены, которою она окружена, каменного храма и каких-то деревянных заключений... ничего не имеет» [86, с. 49]. О явном запустении территории крепости свидетельствует сообщение С. Немоевского о прибытии Марины Мнишек в Смоленск, которой пришлось поселиться в городе (Заднепровье), «потому, что в кремле (имеется в виду каменная крепость — *Н.С.*) нет никакого обиталища» [75, с. 24].

Из приведенных описаний видно, что в конце XVI — начале XVII вв. крепость Смоленска, расположенная в левобережье, подвергается запустению и используется, вероятно, только как цитадель на случай осады неприятелем; в то же время происходит интенсивный рост Заднепровского посада, который получает название «города». О величине посада на этом берегу говорит тот факт, что к 1609 г. здесь, по одним данным, насчитывалось до 6 тыс. дворов [85, с. 446], по другим — до 8 тыс. [98, № 6, с. 183; 73, кн. I, с. 197]. Наблюдение над культурным слоем Смоленска в Заднепровье во время земляных работ и данные геобурения показали наличие здесь культурных напластований толщиной от 2 до 5 и более

метров, что немногим менее мощности культурного слоя в пределах крепости Ф. Коня [12, с. 78–84].

Смоленск на протяжении всей своей истории неоднократно подвергался нашествиям. Исходя из этого, логично было бы предположить, что помимо крепости на левом берегу Днепра, посад за Днепром был также укреплен, в противном случае ему сложно было бы к XVI в. развиться до таких размеров.

Возведение первых укреплений Заднепровского посада, по мнению С.П. Писарева и И.И. Орловского, относится к концу XVI в. [237, с. 112; 238, с. 38; 231, с. 75]. С.П. Писарев и Ф.Ф. Ласковский отмечали, что основной функцией укрепления, изображенного на виде города 1627 г. (рис. 4), являлась лишь защита моста через Днепр [237, с. 171; 207, с. 194]. В настоящее время никаких остатков оборонительных сооружений здесь не сохранилось, и даже земляная крепость, — Кронверк — построенная в 1706 г. по приказу Петра I, просуществовала лишь до 1830 г. [231, с. 52–54].

Письменные источники сообщают о наличии укреплений в правобережье города, начиная только со второй трети XVII в. Под 1633 г. упоминается небольшой острог, защищавший мост через Днепр [80, с. 731, 732]. А. Лизек, посетивший Смоленск в 1675 г., говорит о «новой крепости», судя по описанию, расположенной в Заднепровье [68, с. 338, 339]. Особо следует сказать о свидетельстве И. Корба (1699 г.), который пишет: «Этот город, столица Смоленского княжества, расположен на берегу Днепра, имеет крепость, построенную из дуба; по середине крепости находится храм, сооруженный на скале (Соборный холм — *Н.С.*) и посвященный Пресвятой Деве (Успенский собор — *Н.С.*). Самый город расположен в долине и окружен отовсюду холмами и лесами» [64, с. 168]. Здесь есть некоторые несоответствия. И. Корб описывает укрепления Смоленска как деревянные, причем на то, что подразумевается именно территория смоленской крепости Ф. Коня, указывает помещение сюда Успенского собора. Однако к этому времени каменная крепость, которую И. Корб никак не мог не заметить, существовала уже 97 лет. Это противоречие объясняется тем, что, описывая укрепления города, И. Корб, вероятно, подразумевал укрепления Заднепровья, произвольно перенеся сюда и Успенский собор.

В письме смолян об осаде города поляками от 8 октября 1609 г. сказано: «А в Смоленске мы дворы свои пожгли на посаде, потому что нашего изможения в остроге не стало стоять» [42, т. 2, с. 421, № 354]. «Острогом» в Смоленске в это время назывались не только посадские укрепления, но, по-видимому, и каменная крепость [42, т. 2, с. 308–331, № 255; 81, с. 151–158, № 231]. Однако в данном случае подразумевались какие-то посадские укрепления. Здесь не совсем ясно, где находился посад, который смоляне сожгли при подходе войск Сигизмунда III и острог, который они с трудом удерживали. Польские источники уточняют эти моменты: посад, который был сожжен, находился в Заднепровье [85, с. 446, 455]. Следует еще раз подчеркнуть, что именно эта часть Смоленска в восприятии современников называлась «городом», который русские сожгли,

«перевезя ценности в крепость по ту сторону Днепра» [98, № 6, с. 183]. Таким образом, можно предположить, что посад за Днепром к началу осады города поляками был укреплен, а его укрепления назывались «Острогом». Косвенным подтверждением этому могут служить данные о численности смоленского гарнизона. К моменту осады в 1609 г. он насчитывал 5335 человек [216, с. 228]. Часть жителей должна была нести службу на правобережье, к ним относились, например, слобожане Петровского и Покровского монастырей, а также жители Дорогобужа и Вязьмы — всего 625 человек [81, с. 158, № 233]. Учитывая, что численность основного гарнизона была небольшой, а монастырские слобожане и иногородцы составляли, видимо, не основной контингент войск, расположенных за Днепром, можно полагать, что обороне Заднепровского посада уделялось достаточно внимания в общей системе обороны Смоленска. Поэтому вряд ли на правобережье оборонялся лишь небольшой предмостный острожек, поскольку в таком случае нахождение в нем относительно большого гарнизона необъяснимо. Скорее всего, здесь располагались городские укрепления — «острог». Во-первых, несмотря на то, что защита Заднепровского острога была доверена непрофессионалам, это не может являться свидетельством его малой значимости, так как 625 слобожан и иногородцев были, видимо, приданы дополнительно гарнизону острога, а, во-вторых, численность воинов-профессионалов, участвовавших в защите левобережной крепости, составляла всего 9,4 % от общей численности ее гарнизона, состав которого складывался из представителей дворян, крестьян и посадских [217]. В пользу того, что в Заднепровье располагался гарнизон, защищавший какое-то укрепление, говорит борьба за обладание мостом через Днепр, соединявшего обе части города, которая развернулась с начала осады Смоленска.

Если бы защита города сводилась только к обороне крепости, было бы логичным ожидать, что ее защитники, в первую очередь, уничтожат мост через Днепр, тем более, что на Покровской горе находился многочисленный лагерь поляков, войска которых, обладая мостом через реку, могли бы помешать ведению успешной обороны левобережной крепости. Но этого не произошло. Не мог ли мост служить единственной связью между двумя частями смоленского гарнизона, одна из которых находилась в крепости, а другая — в Заднепровском остроге? В этом случае заинтересованность смолян в сохранении моста была бы понятной. Поляки не смогли сходу завладеть этим мостом, и поэтому 3 октября 1609 г. для удобства сношения между войсками они наводят понтонный мост через Днепр к западу от крепости [85, с. 450; 51, с. 6]. Но уже на следующий день гетман С. Жолкевский, лагерь которого располагался в Борисоглебском монастыре на Смядыни, отдает приказ о частичной разборке его для того, «чтобы наши не переезжали на другую сторону, потому что от беспечного их выезда Москвитяне захватывали много наших» [85, с. 450]. Следовательно, поляки попадали в плен при переходе на правый берег Днепра. Этот факт указывает на наличие здесь русских войск, которые захватывали поляков в плен, вероятно, в результате вылазок из острога. Это не могли быть обычные полевые укрепления, так как

польская артиллерия, находившаяся на Покровской горе, могла очень быстро их уничтожить.

«11 октября 1609 г., — пишет в своем дневнике С. Вельский — наши сожгли неприятельский мост в крепости... и Москвитяне вышли было с мушкетами для защиты моста». В результате схватки потери понесли обе стороны [51, с. 9, 10]. Здесь под термином «крепость» подразумеваются укрепления не только левобережья, но и Заднепровья, в противном случае непонятно, откуда вышли смоляне для защиты моста. На основании сказанного можно говорить о существовании в конце XVI — начале XVII вв. укрепления — «острога» за Днепром, который прикрывал раскинувшийся здесь обширный посад.

Видимо, потому что острожные укрепления не могли обеспечить надежную защиту посада, жители Заднепровья переселяются в крепость, которая была основным оплотом осажденных, а дворы предварительно выжигаются для обеспечения лучших условий обороны. Время уничтожения укреплений острога неизвестно, ни на одном из видов Смоленска начала XVII в., относящихся ко времени польского владычества, в Заднепровье никаких укреплений не отмечено, если не считать небольшого предмостного укрепления. Исключение, пожалуй, составляет вид города 1627 г., но и здесь масштаб укреплений не соответствует размерам посада, который был накануне осады. Видимо, это тот острожек, который упоминается польскими источниками под 1633 г.

После взятия поляками Смоленска все их силы были направлены не на возрождение посадских укреплений за Днепром, а наоборот. В одной из грамот Сигизмунда III так прямо и сказано: «уничтожить на посадах крепости, а распространять оныя в городе», под которым подразумевалась каменная крепость [222, с. XXVII–XXXIV]. Жители привлекались в крепость земельными и торговыми привилегиями [229 с. XVI, I]. К тому же перед осадой 1632–1634 гг. города войсками М. Шеина, посад был снова выжжен [80, с. 731, 732]. Таким образом, вплоть до воссоединения Смоленска с Россией посад за Днепром испытывал упадок. Достаточно сказать, что в 1656 г. здесь проживало только 200 человек [222, прил. XI].

Итак, отсутствие каких-либо следов посада, а вместе с тем и острога в Заднепровье на видах города XVII в. можно объяснить политикой польских городских властей и тем, что посад неоднократно выжигался.

В этом смысле особый интерес представляет вид Смоленска 1610 г., исполненный Г. Келлером и известный в трех вариантах (рис. 1–3). На нем в правобережной части Смоленска изображены посадские постройки, которые обведены укреплением. Можно выделить три типа представленных здесь оборонительных сооружений.

Тип I. Каменные стены и башни (есть на всех вариантах гравюры). Характер их изображения сходен с передачей изображения стен и башен крепости Ф. Коня. Наиболее похожи по своим очертаниям две башни, расположенные напротив моста через Днепр. Все башни изображены круглыми, но о действительном их

плане по гравюре судить нельзя. Четко прослеживаются четыре каменные башни, три из которых имеют шатровые завершения. Существование здесь пятой башни остается под сомнением. На варианте А западнее большой башни с шатровым завершением, расположенной против моста через Днепр, показано прясло стены, имеющее двускатную деревянную кровлю. На варианте Б эта часть укрепления может рассматриваться как башня без шатра. На гравюре, представленной вариантом В, она закрыта изображением дыма от горящего посада. Между двумя башнями в юго-западной части показаны каменные стены, часть из которых имеет двускатные кровли (вариант А). В стенах и башнях укрепления видны бойницы, на некоторых башнях они показаны в несколько ярусов. Расположение одной относительно другой башни на вариантах варьируется, поэтому судить о действительном их местонахождении сложно.

Тип II. Деревянные стены и башни. На всех вариантах гравюры показано, что восточная часть посада укреплена деревянной стеной и башнями. Видно одно прясло стены между четырехугольными деревянными башнями, одна из которых имеет четырехскатное шатровое завершение, и участок стены к югу от нее. Эта часть укрепления с абсолютной точностью повторяется на всех вариантах, что может служить подтверждением действительно существовавшего оборонительного сооружения. Исключение составляют, пожалуй, только количество бойниц, изображенных на башне с шатровым завершением. Если на варианте А показана одна бойница, на варианте Б — две, то на варианте В вообще никаких бойниц нет.

Деревянные укрепления по величине меньше каменных. Несмотря на специфический характер источника, можно полагать, что относительная величина башен в данном случае выдержана и соответствовала действительности.

Тип III. На варианте А в юго- и северо-восточных частях укрепления показан тын. Начинаясь на востоке от прясла деревянной стены, он идет вдоль линии Днепра к западу до каменной башни. Точно такой же тын показан и на заднем плане укрепления в северной его части. На вариантах Б и В тына нет, так как эта часть гравюры занята изображением проезжающего мимо отряда всадников. Вследствие этого говорить о наличии здесь тына можно только предположительно.

Таким образом, все варианты гравюры Г. Келлера свидетельствуют о разнохарактерности укреплений правого берега Днепра, которую можно объяснить тем, что они возводились не одновременно, что, скорее всего, было связано с постепенностью роста посада, или с тем, что в их постройке принимали участие различные группы населения Заднепровья. Вывод о наличии здесь каменных укреплений вызывает некоторые сомнения, ведь основная крепость на левом берегу получила их только к 1602 г. Источники же ничего не сообщают об одновременном сооружении каменных крепостей на обоих берегах Днепра.

Получается, что каменные укрепления в Заднепровье появились раньше. В Разрядных книгах 1475—1598 гг. под 1586 г. говорится о «Большом каменном городе» в Смоленске [88, с. 377]. Этот термин за период с 1586 по 1602 гг. встречается в источниках всего один раз, но, не располагая большим количеством данных,

не следует пренебрегать и единичным фактом. В источниках более позднего времени, например, кануна осады города 1609–1611 гг., встречается такой термин, как «каменный город», но он относится к крепости Ф. Коня [81, с. 27, № 45]. Можно предположить, что к ней относится и термин «Большой каменный город». Однако, комиссия по ее постройке была создана только в 1595 г. [45, т. II, с. 451, № 365, П], само же строительство началось через год, когда в Смоленск приехал Борис Годунов, который назначил места для стен, башен и рвов [79, с. 47]. Следовательно, упоминание в источниках «Большого каменного города» за десять лет до строительства крепости может косвенно свидетельствовать о правильности наших выводов, то есть, что какие-то каменные укрепления в Заднепровье существовали ранее постройки знаменитой смоленской крепости.

Связь Заднепровского острога с другими частями посада осуществлялась посредством ворот. Один из участников осады города оставил в своем дневнике такую запись: «Ворот к городу, который русские сожгли, 3, к югу — 3 и к северу — 3» [85, с. 447]. На основании этой фразы трудно судить о действительном количестве ворот в остроге. Видимо, эту запись нужно понимать так, что ворот, ведущих в острог, было по трое: с южной стороны — трое и с северной — трое. Это сообщение никак не может относиться к крепости Ф. Коня. В ней было девять ворот, пять — с северной стороны, одни — с южной, двое — с восточной и одни — с западной. Изображение некоторых из ворот острога имеется на вариантах гравюры Г. Келлера. Одни находились в юго-восточной части острожных укреплений между бревенчатой стеной и тыном (вариант А); вторые располагались несколько восточнее линии Днепровского моста, в южной части укрепления (вариант В); третьи — в северной части острога по линии моста через Днепр (вариант Б). Местонахождение других ворот неизвестно.

В самом конце XVII в. в Смоленске известны Заднепровские ворота, которые, вероятно, находились в той же «новой крепости», которую в свое время видел А. Лизек. Эти ворота располагались в северной части «новой крепости», видимо, напротив моста через Днепр, что будет ясно из дальнейшего описания [103, с. 172]. Конечно, это не та крепость, что была здесь в конце XVI — начале XVII вв., однако, можно полагать, что ворота с таким же названием существовали здесь и в это время, поскольку на примере укреплений XVI в. в левобережной части города видно, что в Смоленске прослеживается преемственность в наименовании некоторых башен и ворот.

Установить точные границы Заднепровского острога, укрепления которого на рубеже XVI–XVII вв. охватывали часть посада, нельзя. Можно лишь приблизительно наметить его очертания. Для этого необходимо выяснить, что представляла собой та «новая крепость», которую видел А. Лизек в 1675 г. В одном из документов конца XVII в. есть указание на то, что «за рекою за Днепром около всего посаду от реки Днепра до Днепра ж зделали надолб в две кобылины на девяти стах на тридцати на трех саженьях» [289, с. 45]. Для сравнения протяженность валов, устроенного Петром I кронверка в Заднепровье равнялась 561 сажени [231, с. 53]. Из описания видно, что в это время посад за Днепром был

окрыжен двойным надолбом, линия протяженности которого равнялась приблизительно 2 км (западная, северная и восточные стороны), южная часть посада, вероятно, оставалась незащищенной. Трудно сказать, была ли протяженность этого укрепления большей. Посад в это время, хотя и принимался путешественниками за основную часть города, тем не менее, был не таким, как раньше. Укрепление посада надолбом в конце XVII в. по сравнению с тремя типами укреплений рубежа XVI—XVII вв. было, несомненно, шагом назад, что говорит о снижении роли этого района в социально-экономической жизни города. Новая линия обороны посада, скорее всего, проходила там же, где находились ранние укрепления, с той лишь разницей, что в старом остроге прибрежная часть посада была также укреплена, судя по наличию здесь ворот. Возникает вопрос, каким образом можно говорить о доминирующем положении Заднепровья в XVI в., в то время как крепость Ф. Коня по своей протяженности почти в три раза превосходила острожные укрепления правобережья. Во-первых, посад Заднепровья не ограничивался только рамками острога. Кроме того, на варианте А гравюры Г. Келлера посадские постройки есть и к северу от укреплений острога, а к востоку от Ильинского ручья по данным геобурения выявлен культурный слой мощностью до 4 м [12, с. 78—84]. Во-вторых, плотность населения здесь была более высокой за счет равнинного характера местности, тогда как рельеф левобережья не способствовал концентрации населения. Линия укрепления Заднепровского острога в конце XVI в. проходила, видимо, по берегам ручьев Городянки — на западе — и Ильинского — на востоке, — которые в дополнение к искусственным сооружениям служили надежными естественными преградами. Необходимо заметить, что русло Ильинского ручья при впадении в Днепр в XVII в. проходило иначе. На это есть указание С.П. Писарева, который отмечал, что при устройстве кронверка русло ручья было отведено в сторону и огибало вал крепости с востока [238, с. 180]. Однако это произошло, вероятно, позднее, так как еще на планах города почти всего XVIII в. (рис. 6) ручей протекает через Кронверк [23, 24, 25]. И только на плане 1793 г. русло Ильинского ручья (рис. 7) в этом месте показано измененным [32]. Северная граница острога, исходя из расчета протяженности линии укреплений конца XVII в. должна была проходить севернее современной ул. Кашена. Таким образом, в конце XVI в. острог в Заднепровье охватывал территорию площадью около 50 га (рис. 21).

Примерно в это же время посадская территория расширилась. Об этом говорит упоминание церкви Петра и Павла как храма, расположенного на посаде [42, т. 2, с. 314, № 262]. Наблюдение за культурным слоем в этом месте показало, что толщина его не превышает 50 см. Столь незначительная мощность слоя может говорить о позднем освоении этой территории. Так, здесь лишь в конце XVI в. возникают «новые льготные слободы», принадлежавшие епископу, а на левобережье Ильинского ручья — после присоединения Смоленска к Москве в 1514 г. — возникает Смоленская ямская слобода.

Точная дата появления острога в Заднепровье неизвестна. Площадь его изменялась и росла в зависимости от роста посадской территории. Однако, ста-

бильные укрепления, которые с различными модификациями просуществовали до 1609 г., возникают здесь до 1443 г., в то же время посад, простиравшийся до Покровской горы, мог иметь и второй пояс обороны, хотя бы в виде надолба. В конце XVI — начале XVII вв. здесь находилась Городенская сотня, занимавшая территорию между ручьями Городянкой и Ильинским, название которой произошло, скорее всего, от термина «город» что в Древней Руси, в первую очередь, означало укрепленное поселение. Сама река Городянка в начале XVII в. называлась иначе — Городня [42, т. 2, с. 314, № 262; 81, с. 213, № 248; с. 216, № 250]. Одно из значений термина «городня» — ограда, стена [264, вып. 4, с. 92], что лишний раз подтверждает, что в этом месте существовало укрепление. Если бы оборонительное сооружение находилось здесь непродолжительное время, например, с конца XVI в., то вряд ли за столь короткий срок мог образоваться соответствующий гидроним. Все это говорит о раннем появлении в Заднепровье оборонительных сооружений.

Таким образом, все выше сказанное позволяет предполагать, что посад на правом берегу Днепра возникает уже, возможно, в XII в. Постепенно разрастаясь, он к началу XV в. обносится укрепленным острогом, который с течением времени подвергается усовершенствованиям, на что указывают различные типы оборонительных сооружений на гравюре Г. Келлера. К 1443 г. посадская территория не ограничивается рамками острога, а доходит до Покровской горы. Возможно, что в это время возникает и второй пояс обороны в виде легкого тына. Все это время посад за Днепром находится в междуречье Ильинки и Городянки. Острог просуществовал до 1609 г., когда во время осады Смоленска войсками Сигизмунда III его уничтожают. С этого же времени приходит в упадок и Заднепровский посад, который уже в XVI в. принимался путешественниками за город. Со времени польской интервенции Заднепровье постепенно теряет свое значение и приходит в упадок.

Глава III

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА СМОЛЕНСКА

Письменные источники, данные археологических и архитектурно-археологических исследований, изучение планов города XVII–XIX вв. позволяют в основных чертах воссоздать планировочную структуру Смоленска.

Ядром города, наиболее важным в административно-хозяйственном, социальном и политическом аспектах практически всегда, за исключением недолгого времени, являлась территория, окруженная каменной крепостью в 1596–1602 гг., построенной Ф. Конем. Наибольшее количество разного рода источников по истории Смоленска относится именно к этому району, в то время как Заднепровье, расположенное на правом берегу реки, значительно меньше обеспечено ими, хотя также играло значительную роль в жизни города. Воссоздание планировочной структуры левобережной части Смоленска несколько облегчается и тем, что рельеф ее, в отличие от Заднепровья, очень сложен: его создают многочисленные овраги и холмы, поэтому многие улицы следовали общему направлению оврагов, которые являлись как бы направляющими ориентирами в процессе застройки города, что с достаточной ясностью отражено на видах города XVII в. Вероятно, данный процесс имел место не только в XVII в., но и значительно раньше, а кроме того, наблюдается, в большинстве случаев, и сейчас. Заднепровье же со своим относительно спокойным рельефом могло иметь более мобильную уличную сеть, воссоздать которую лишь на основании письменных источников или планов XVII в. (в основном 2-й половины этого столетия) и XIX в. достаточно сложно.

Основными источниками, позволяющими хотя бы в общих чертах реконструировать древнюю уличную сеть Смоленска и определить местоположение различных административно-хозяйственных учреждений являются: документы смоленской Приказной избы, освещающие события 1609–1611 гг. [42, т. 2; 81]; «Историческое и географическое описание города Смоленска» 1780 г. [178] и данные археологических исследований. Каждый из этих источников имеет наряду с положительными чертами и свои недостатки. В частности, документы смолен-

ской Приказной избы, указывая направление многих улиц города, зачастую не дают их наименований. Тем же недостатком отличаются и данные археологии, которые, тем не менее, в некоторых случаях подтверждают правильность сообщений письменных источников. Особый интерес вызывает «Историческое и географическое описание города Смоленска», в котором перечислены 24 основные улицы, существовавшие в Смоленске до его перепланировки в конце XVIII в.

В древнерусском городе церкви обычно строились в конце улиц, при этом наименование храмов зачастую повторялось в названии этих улиц, что дает основание, правда, весьма осторожно при воссоздании планировочной структуры Смоленска использовать также и результаты архитектурно-археологических исследований.

Городская уличная сеть

В результате многомесячной осады Смоленска 1609–1611 гг. и особенно заключительного штурма города поляками вся левобережная часть в пределах крепости Ф. Коня сильно пострадала от огня [59, с. 218], поэтому одним из первых мероприятий поляков было восстановление этой части города. Указ Сигизмунда III от 4 ноября 1611 г. гласит: «дабы оный же город был всегда в состоянии к отражению всяких нападений, приказали мы оный разделить на известные части и кварталы» [192, с. LXV].

Наиболее полное представление о тогдашней планировке крепости дают планы 1627 и 1636 гг. (рис. 4, 5). На них древняя планировка города представлена кварталами в виде неправильных четырехугольников. Она несколько отличается от той планировки, что видна на «Сигизмундовой медали» и плане Г. Келлера (рис. 1–3, 16) и характеризуется менее хаотичной застройкой. Правда, определенная закономерность прослеживается на всех изображениях Смоленска. Вероятно, здесь свою роль сыграла сильная изрезанность рельефа города, которая сохранилась вплоть до настоящего времени.

Разбор планировочной структуры Смоленска следует начать с воссоздания уличной сети, которая является одним из основных ее элементов (рис. 36).

В результате привлечения письменных, археологических и графических источников в левобережной части Смоленска удалось выявить более 20 улиц, возникших в различное время и функционировавших до конца рассматриваемого периода. Среди них: Большая Проезжая улица (существовала с конца XI в.); Большая дорога — Молоховская улица (возможно, с домонгольского времени); неизвестная улица к юго-востоку от современной улицы Соборная гора (с середины 40-х — начала 50-х гг. XII в.); неизвестная улица в районе бывших Лазаревских ворот (с домонгольского времени); неизвестная улица на Соборной горе (возможно, с домонгольского времени); неизвестная улица в районе кинотеатра «Смена» (не ранее 30-х гг. XVI в.); неизвестная улица в районе бывшей улицы Козловская гора (не ранее начала XVI в.); Щель (с домонгольского

времени); улица Отцовская гора (с конца XII — начала XIII вв.); Ильинская (не позднее XVI в.); Богоявленская (не ранее начала XVI в.); Резницкая (возможно, с домонгольского времени); Московская (время возникновения неизвестно); Воскресенская (возможно, с конца XI в.); Казанская (не ранее второй половины XVI в.); Вознесенская (возможно, с начала XVI в.); Пятницкая — Рясна (с домонгольского времени); Спасская (возможно, с XI—XII вв.); Егорьевская — Георгиевская (не позднее третьей четверти XV в.); Покровская (возможно, с конца XVI в.); Никольская (после 30-х гг. XVI в.).

Некоторые улицы получили свои наименования по тем функциям, которые они выполняли (Большая Проезжая улица, Большая дорога — Молоховская); другие (Отцовская гора, Щель) носили имена урочищ, по которым они пролегли; часть улиц за границами городских укреплений переходили в дороги, ведущие в пункты, по которым они и были названы (Московская, Молоховская); в названии Резницкой улицы угадывается характер занятий населения, жившего на ней (мясники); наконец, самую многочисленную группу составляют улицы, названные по стоящим на них церквям (Ильинская, Богоявленская, Воскресенская, Казанская, Вознесенская, Пятницкая, Спасская, Егорьевская, Покровская, Никольская). Для пяти улиц названия пока не установлены.

Рассмотренные материалы дают основание заключить, что формирование уличной сети левобережной части Смоленска происходило одновременно с ростом территории города, основными вехами которого являются оборонительные сооружения. На первом этапе, относящемся к домонгольскому времени, городская уличная сеть формируется в пределах «Старого города» (10 улиц) и Пятницкого острога (1 улица). В это время сложилось 11 из известных улиц. Возникновение наиболее ранней из них (Большая Проезжая улица) относится к концу XI в., но думается, что дальнейшее археологическое исследование этой территории поможет выявить и другие более ранние улицы.

Основными жизненно важными улицами Смоленска в это, как и последующее время, были Большая Проезжая улица, пересекавшая город с запада на восток и связывавшая восточный и западный пригороды, и Большая дорога — Молоховская улица, проходившая с севера на юг, соединявшая прибрежные районы левобережной части города не только с его верхней частью, но и с Заднепровьем. Остальные улицы носили вспомогательный характер. В основном, придерживаясь направления север — юг, они в пределах «Старого города» и Пятницкого острога соединяли низменную, прибрежную часть с верхними холмами Смоленска.

Второй этап сложения уличной сети территории смоленского левобережья следует связывать с устройством «Нового большого города» в 30-х гг. XVI в., когда наряду с возникновением новых улиц ряд старых, таких как, например, Большая дорога (Молоховская) или Щель получают свое продолжение на его территории. Здесь следует оговорить, что улицы, вошедшие с возведением новых укреплений в черту города, возникли, вероятно, несколько раньше, чем были воздвигнуты сами оборонительные сооружения. Их строительство лишь закрепило уже сложившуюся уличную сеть.

Попытки исторической реконструкции древней планировочной структуры Заднепровского острога весьма затрудняются отсутствием каких-либо археологических данных, а также слишком малым количеством письменных и графических источников, освещающих те или иные стороны планировки этого района Смоленска. На видах города XVII в., которые довольно точно передают основные элементы ландшафта левобережной части Смоленска, за исключением плана Г. Келлера 1610 г., практически полностью отсутствуют какие-либо детали планировочной структуры Заднепровья. Это связано с опустошением рассматриваемого района города в результате многократных столкновений России и Польши за обладание городом. Те немногие сведения, которые удалось почерпнуть из столь скудного круга источников, позволяют выделить в этой части города пока лишь две улицы: Щекину (время возникновения не установлено) и Петропавловскую (возможно, не позже середины XII в.) (См. Приложение II).

«Историческое и географическое описание города Смоленска» 1780 г. упоминает в Заднепровье еще две улицы — Казанскую и Пятницкую, которые получили названия, видимо, также от стоявших на них, но не сохранившихся до наших дней храмов [178, с. 29]. Местоположение и время функционирования их неизвестно.

В целом, состояние источников на сегодняшний день с достаточной определенностью позволяет судить лишь об одной улице, расположенной в правобережной части Смоленска — Петропавловской.

Городская уличная сеть как левобережной части Смоленска, так и Заднепровья не ограничивалась перечисленными улицами. Помимо них в городе были и другие улицы и переулки, существование которых подтверждается данными смоленской Приказной избы [81, с. 38, № 66; с. 46, № 81]. Однако, местоположение их пока не установлено. Можно надеяться, что дальнейшие исследования помогут заполнить этот пробел в топографии города.

Административно-хозяйственные комплексы

Среди многочисленных функций, которые выполнял средневековый город на Руси, весьма существенными были организация политической власти и административного управления сельской округой, а также руководство религиозной жизнью населения [183, с. 72]. Естественно, что для осуществления этих функций в городе должны были существовать специальные административно-хозяйственные учреждения, которые являлись одним из важнейших компонентов его планировочной структуры.

А. Левобережная часть

1. Владычен двор (рис. 12, 37).

Особое значение в жизни любого крупного средневекового города как на территории Руси, так и в странах Западной Европы имело духовенство, главным

представителем которого являлся архиепископ. Будучи крупнейшим феодальным сеньором, сосредоточившим в своих руках огромную власть, он оказывал значительное влияние на жизнь средневекового города. Резиденцией его являлся Владычен двор, поэтому обзор административных учреждений Смоленска, по праву, следует начать с рассмотрения этого комплекса, который располагался в древнейшей части Смоленска, на Соборной горе.

Впервые епископ появляется здесь с учреждением местной епископии в 1136 г. В это время Соборная гора принадлежит ему лишь частично, однако уже к середине XII в. она, вероятно, полностью переходит в руки епископа (подробнее об этом см. в главе V). Помимо кафедрального Успенского собора, заложенного Владимиром Мономахом в 1101 г., здесь находились другие постройки, остатки которых вскрыты при археологических раскопках (рис. 20). В 50 м к югу от существующего здания собора XVII–XVIII вв. Н.Н. Ворониным была исследована небольшая бесстолпная трехапсидная церковь [158, с. 91–102]. К востоку же от ограды собора им же были обследованы остатки постройки, имеющей, по его мнению, светский характер [158, с. 103–108]. Оба здания возводились одновременно в середине XII в. Как считает П.А. Раппопорт, церковь являлась дворцовым храмом князя Ростислава Мстиславича, а светское здание — его теремом. Однако, эти постройки, скорее всего, принадлежали смоленскому епископу, поскольку время их возведения совпадает с переходом Соборной горы в его владение. С северной и южной напольной стороны Соборной горы наблюдается повышение площадки, в которой исследователи усматривают остатки вала, здесь же прослежены следы рва [237, с. 201; 238, с. 5; 230, с. 3, 4; 232, с. 200; 289, с. 37; 158, с. 77]. До сих пор неясно, к какому времени относятся эти укрепления. Вполне возможно, что они были возведены в первый период существования здесь поселения (VI–VIII вв.), предшествующий приходу славян на данную территорию. С той же вероятностью можно отнести их постройку к древнерусскому времени. Если это так, то уже в XII в. Соборная гора представляла собой хорошо защищенный феодальный замок, владельцем которого был епископ.

В XVI–XVII вв. Соборная гора была укреплена каменными стенами, упоминаемыми польским хронистом, участником осады города, Павлом Пясецким, который сравнивал ее с замком [87, с. 41]. Другие его современники называют место пребывания смоленского епископа «старым замком», отмечая при этом его каменные стены [289, с. 37]. В одном из документов конца XVI в. замок на Соборной горе называется «Кремлем» [197, с. 76]. Употребление в документах начала XVII в. определения «старый» применительно к укреплениям Соборной горы свидетельствует о том, что каменные стены замка возведены достаточно рано.

С момента учреждения местной епископии смоленский владыка обладал большими правами и, фактически, делил со светской администрацией власть над городом. Реальным проявлением этого было не только обладание определенным количеством городских земель, но и участие его в общественной жизни города, выражавшимся в существовании особого епископского суда, юрисдикция которого была определена в Уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича [108, с. 14].

Данных о других политических и административно-хозяйственных комплексах, характеризующих эти функции города, в источниках нет. Можно лишь предполагать существование каких-то кончанско-вечевых и княжеских органов для организации управления городом и округой. Такими органами служили суды князя и посадника, упоминаемые в той же грамоте Ростислава [108, с. 144].

Центром сосредоточения политической и административно-хозяйственной власти в XVI–XVII вв. в Смоленске был Государев двор.

2. Государев двор (рис. 37).

Обычно Государев двор локализуется на Вознесенской горе. Впервые эта точка зрения была выдвинута С.П. Писаревым, а впоследствии поддержана другими исследователями [237, с. 105, 106; 238, с. 35; 232, с. 237; 289, с. 35; 138, с. 135, 136; 158, с. 339]. Еще в середине XIX в. Н.В. Трофимовский на территории Вознесенского монастыря видел «следы тайника, имеющего два направления: одно обращено к стороне собора, другое — вниз к Днепру; при входе в то и другое отделение — железные двери; они находятся под монастырским амбарами» [176, с. 229]. В 1916 г. Г.К. Бугославский сделал сообщение о местонахождении Государева двора [159], в котором место его переносилось примерно на 150 м к западу — туда, где до революции находилось женское епархиальное училище, стоявшее, как и Вознесенский монастырь, на Большой Вознесенской улице (современная ул. Пржевальского). Здесь при строительстве здания училища «были обнаружены остатки каменных сооружений и даже подземный ход; найдено много кафель XVII вв. с латинскими надписями, а также на одной из кафель сохранился год 1642». Это и послужило основой для вывода Г.К. Бугославского. После обсуждения его доклада была вынесена резолюция, рекомендовавшая осторожный подход к идентификации данных находок, так как «остатки построек могли принадлежать другим зданиям». Однако, факт нахождения Государева двора в районе ул. Вознесенской не вызывает сомнения, так как подтверждается челобитной князя Лыкова царю Федору Алексеевичу 1677 г., где упоминается «великого государя двор» на Вознесенской улице [150, с. 1389, прил. 2], где он просуществовал до 1812 г. [233, с. 32]. Если этот поздний дворец стоял на месте старого Государева двора, то последний располагался там (рис. 7), где сейчас существуют здания Дома Советов и Драмтеатра [32].

С.П. Писарев полагал, что высокое здание, изображенное на плане 1627 г. (рис. 4) в районе Вознесенской горы, и есть Государев двор [237, с. 106]. Аналогичная постройка изображена на плане Г. Келлера 1610 г. (рис. 1–3) и «Сигизмундовой медали» (рис. 16).

С.П. Писарев и И.И. Орловский, а затем и другие исследователи, считали, что это не что иное как замок литовского наместника, воздвигнутый в период литовского владычества [281, с. 256; 158, с. 339]. На «Сигизмундовой медали» и плане 1627 г. хорошо видно, что это здание находится за пределами укреплений «Старого города». Новая же черта валов, которая охватила территорию с местом рассматриваемой постройки, возводится только в 30-х гг. XVI в., то есть уже после

того, как литовцы были изгнаны из города. Следовательно, это здание никак не могло быть замком литовского наместника, так как нахождение его за пределами укрепленной территории Смоленска противоречило бы самому назначению этого административного учреждения — консолидации власти литовского наместника — и не способствовало бы укреплению литовского владычества в городе. Кроме того, подобное местоположение его было опасным для членов литовской администрации, ведь смоляне не смирились с переходом города под власть Литвы и не раз с оружием в руках выступали против литовцев. Примером этому может служить грандиозное восстание 1440 г., о котором речь пойдет ниже.

С.Д. Ширяев, отрицательно относившийся к идее С.П. Писарева о существовании особого княжеского города на Смядыни, считал, что постройка, отмеченная на видах города начала XVII в. является центральной башней-донжоном старого княжеского двора, тип которой занесен сюда из Западной Европы [289, с. 34, 35]. Позднее эта точка зрения была поддержана И.Д. Белогорцевым [138, с. 135, 136]. В данном случае С.Д. Ширяев сам себе противоречил. Отрицая факт нахождения резиденции князя вне города, он в то же время помещал его двор за городскими укреплениями. Местоположение ее за городом в настоящее время признается всеми исследователями, но речь идет не о существовании особого княжеского города, а только о загородной резиденции князей.

Таким образом, рассматриваемое сооружение возникает, скорее всего, после возвращения Смоленска Московскому государству и не ранее 30-х гг. XVI в., когда был устроен «Большой новый город»; оно является одной из построек Государева двора. О застройке его можно судить на основании «Инвентаря города Смоленска 1654 г.», относящегося к польской эпохе [60, с. 5]. В состав Государева двора в это время входил целый комплекс административных, жилых и хозяйственных построек: «во двор вели большие въездные ворота с калитками, крытые гонтом (дранка — *Н.С.*); внутри двора стояли жилые хоромы, состоявшие из двух изб и третьей боковой с коморою и крыльцами; по левой стороне двора от больших ворот были расположены две избы, из них одна с коморою, кухня и при ней изба также с коморою, житница и клеть; к большим хоромам примыкала изба с коморою, пекарня и две скарбницы, стоявшие на деревянных подклетах, в которых помещалась пивоварня». Кроме того, здесь находились ледники и каменные погреба. Государев двор был обнесен деревянным забором [150, с. 1389, прим. 2].

Здесь же, видимо, находилась и упомянутая башня, которая в качестве одной из построек двора могла иметь оборонительное назначение. Недаром на плане Г. Келлера (вариант В) она именуется сторожевой башней (рис. 3).

На плане В. Гондиуса ее уже нет, что послужило основанием сделать вывод о том, что башня была разобрана в период между 1627 и 1636 гг., «ввиду ветхости, — как пишет С.Д. Ширяев, — и потери своего прежнего значения с постройкой новых каменных городских укреплений» [289, с. 35]. Павел Алеппский, описывая осаду Смоленска войсками царя Алексея Михайловича в 1654 г., отмечал, что: «Внутри его каменной стены находилась очень высокая земляная ограда (вал

XVI в. — *Н.С.*), в середине которой была устроена высокая деревянная цитадель, весьма крепкая» [46, вып. 2, с. 175].

Таким образом, если башня, изображенная на видах города начала XVII в., входила в комплекс построек Государева двора, то она продолжала существовать до 1654 г., когда являлась одним из центров обороны города и была сожжена артиллерийским огнем осаждавших.

Далее рассмотрим другие административные и хозяйственные учреждения города и, по возможности, попытаемся локализовать их на плане Смоленска.

3. Приказная изба.

Центром воеводского управления городом являлась Приказная изба. Хотя документы этого учреждения начала XVII в. содержат ценные сведения по городской топографии, они, однако, не дают никаких сведений о местонахождении самой Приказной избы. Во второй половине XVII в. она стояла в районе Блонья [289, с. 36], надо думать, что и ранее она находилась здесь же. Однако, ее местоположение до 30-х гг. XVI в. неизвестно. Двор избы площадью 9х18 саженей состоял «из светлицы с коморою, передних сеней и черной избы с клетью, между ними находились вторые сени, да баня, да другая клеть на подклете; на дворе были расположены погреб, конюшня и сарай. Во двор, огороженный забором, вели ворота створчатые с калиткою» [289, с. 36].

4. Конюший двор.

Располагался поблизости от Государева двора. Никаких других данных, способствующих его локализации, пока не обнаружено [289, с. 35].

5, 6. Земская и Таможенная избы.

С.Д. Ширяев помещает их, по аналогии с планировкой других городов России, на городском торгу, который располагался в Смоленске в северной части каменной крепости [289, с. 39]. Других оснований для локализации этих учреждений нет.

7. Житный двор (рис. 37).

Упоминается в документах смоленской Приказной избы начала XVII в. [81, с. 167, № 238]. И.И. Орловский, не аргументируя свою точку зрения, помещал его в районе Пятницких ворот [230, с. 96]. Л.Я. Лавровский, наиболее полно использовавший всю совокупность документов XVII в., считал, что Житный двор находился в районе между Пятницкими водяными воротами и Городецкой башней [206, № 8, с. 237, 238]. К другому выводу пришел С.Д. Ширяев, который, кстати, пользовался тем же кругом источников, что и Л.Я. Лавровский. Он считал, что во второй половине XVII в. Житный двор находился где-то между Королевской крепостью и Копытецкими воротами, то есть в юго-западной части крепости, «по-видимому, здесь же расположен и старый Житный двор» [289,

с. 34]. И.М. Хозеров локализовал его в районе Богословской башни, стоявшей на Казанской горе [281, с. 254]. Относительно местоположения Житного двора, таким образом, так и не было выработано единого мнения.

В «Росписи сбежим крестьянам» 1609 г., укрывшимся в крепости от поляков, сказано: «И всего от Крылошевского мосту по старой по деревянной стене («Старый город» — *Н.С.*) по Житный двор и у каменной у городской стены по Богословскую башню. И всего 197 человек» [81, с. 167, № 238]. Обращает на себя внимание тот факт, что участок от Крылошевского моста, расположенный у башни того же названия, и до Житного двора, подразумевается входящим в границы старых укреплений, тогда как участок от Житного двора и до Богословской башни предполагает отсутствие этих укреплений.

В главе об оборонительных сооружениях города показано, что западным пунктом старых городских укреплений были Пятницкие ворота, располагавшиеся рядом с новыми воротами крепости того же названия. В донесении князя Лыкова 1677 г. о постройке амбаров на территории Государева двора говорится, что их «нельзя было строить на Житном Дворе за утеснением и потому, что названный двор расположен на низком месте и близ городской стены» [150, с. 1390, прим. 3]. Копытецкие ворота, Королевская крепость, Богословская башня, а также следующая за ней к Днепру Микулинская башня (рис. 43) находились на возвышенном месте (две последние стояли на Казанской горе), поэтому помещение рядом с ними Житного двора противоречило бы сообщению источника и было бы абсолютно неверным. Таким образом, Житный двор, видимо, следует локализовать на пространстве между Пятницкими воротами и Иворской башней (рис. 43), ближе к первым.

8. Кружечный двор, или «Кружало» (рис. 37).

С.Д. Ширяев помещал его около Пятницких водяных ворот. Однако, он не отрицал и точку зрения, позднее подтвержденную И.М. Хозеровым, что Кружечный двор располагался на углу улиц Соборная гора и Армянской (бывшей Большой проезжей и современной ул. Соболева). Основанием для подобного утверждения И.М. Хозерова послужила находка здесь большого количества сеченой серебряной монеты, предназначавшейся для расчета. Этой монеты собиралось здесь так много, что Федору Алексеевичу даже пришлось в 1680 г. прислать грамоту смоленскому воеводе Троекурову, запрещающую принимать сеченые деньги в таможене и на Кружечном дворе [281, с. 253].

9. Тюрьма.

В начале XVII в. Большие тюрьмы находились в «Пятницком конце в Торшку за лавками, что ходят у Водяные ворота (Пятницкие водяные ворота каменной крепости — *Н.С.*)» [81, с. 28, № 47]. Л.Я. Лавровский конкретизирует это сообщение документа и указывает место Тюрем рядом со зданием Ремесленного училища (современный д. № 6 по ул. Студенческой), располагавшимся в конце XIX — начале XX вв. с западной стороны ц. Тихона Задонского (бывшие Пятницкие во-

дяные ворота). При этом он ссылался на традиционное наименование данного места «старым острогом» [205, № 8, с. 236, 237]. Относился ли термин «острог» к обозначению места заключения или к остаткам «Старого города» неясно. Однако, предварительно точку зрения Л.Я. Лавровского можно принять, учитывая, что она не противоречит данным приводимого выше документа (рис. 37).

10. Большой городской торг (рис. 37).

Местом сосредоточения общественной жизни Смоленска являлся Большой городской торг. Наиболее раннее свидетельство его существования относится к началу XIII в. и связано с волнениями во время суда над Авраамием Смоленским [92, с. 10]. Есть сведения о нем и в документах Приказной избы начала XVII в. [81, с. 38, № 66; с. 74, № 125; 36, с. 255, № 217]. Однако, до сих пор мнения исследователей по поводу локализации Торга расходятся. Так С.П. Писарев, а вслед за ним и И.И. Орловский считали, что он находился на Армянской улице (современная ул. Соболева) и тянулся вплоть до Крылошевских ворот крепости начала XVII в. [238, с. 162–164; 231, с. 61]. В свою очередь Н. Редков ограничивал площадь Торга пространством у северного склона Соборной горы, напротив Днепровских ворот [91, с. 79, 80, прим. I]. Л.Я. Лавровский вслед за С.П. Писаревым и И.И. Орловским распространял территорию Торга до Крылошевских ворот и ограничивал ее на западе Большими Пятницкими воротами [205, № 8, с. 234, 235]. По мнению других исследователей, он находился за пределами каменной крепости, у восточной оконечности Богословской (современной Большой Краснофлотской) улицы [176, с. 222].

Традиционным в Древней Руси считался обычай возводить на Торгу церковь во имя Параскевы Пятницы [268, с. 248]. Исходя из этого, установив местоположение церкви, можно локализовать и сам Торг. Н.В. Трофимовский помещает здание Пятницкой церкви «в саженьях 50» от церкви Иоанна Богослова [176, с. 222]. По мнению И.Д. Белогорцева, это остатки раскопанной им «Пятницкой церкви на Малом Торгу» (рис. 42), которая располагалась в Пятницком конце на так называемом «Пятницком Торжке». Большая же Пятницкая церковь, по его мнению, находилась на пересечении современных улиц Студенческой и Войкова [137, с. 113, 114; 138, с. 137]. Этой точки зрения придерживался М.К. Каргер, который тем не менее не совсем согласен с И.Д. Белогорцевым в том, что «одна из этих церквей после гибели другой стала называться Пятницкой, а до этого имела другое имя» [181, с. 96]. Но И.Д. Белогорцев и не отрицал, что обе эти церкви, располагаясь на торжищах, были посвящены патронессе торговли Параскеве Пятнице [137, с. 113, 114]. Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт, хотя и с оговоркой, считают, что церковь, описанная И.Д. Белогорцевым, и есть искомая Пятницкая церковь, ссылаясь при этом на то, что именем ее названы две башни крепости и острог [158, с. 279]. Однако, башни и острог располагались на территории Пятницкого конца, который, в свою очередь получил наименование от Пятницкой церкви. Поэтому, если принять точку зрения Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта, то весьма трудно объяснить местонахождение Пятницкого храма за пределами

первоначальной территории одноименного конца. Кроме того, существует еще ряд фактов, указывающих на то, что руины, изученные И.Д. Белогорцевым, были остатками какой-то другой церкви. Во-первых, источники начала XVII в. утверждают, что Пятницкий Торжок находился в пределах каменной крепости в северо-западном ее углу, у Пятницких водяных ворот [81, с. 29, № 47]. Во-вторых, в период осады города поляками в Пятницкой церкви шла служба. Во время одного из обстрелов города со стороны Смядины пушечное ядро попало в храм Пятницы, частично разрушило его и убило несколько человек [85, с. 463]. Жители Смоленска в условиях осады из крепости выходили только для кратковременных вылазок, связанных с ведением боевых действий, а на данном участке крепости было предпринято наибольшее число попыток прорваться в город [42, т. 2, с. 317, № 264]. В конечном итоге прорыв полякам удался именно здесь. В связи с этим устроенное в этом месте богослужение, по меньшей мере, выглядело бы странным. И, наконец, в-третьих, при подходе поляков жители Смоленска еще до начала осады выжгли посады, в результате чего по обеим сторонам Днепра сохранилось только десять храмов, где могли бы совершаться службы, и церкви Пятницы среди них нет [42, т. 2, с. 318, № 265].

Таким образом, церковь Пятницы, а вместе с ней и городской Торг находились в пределах каменной крепости. Возможно, что руины, обнаруженные на пересечении улиц Войкова и Студенческой, и были остатками Пятницкой церкви, стоявшей на Большом городском Торгу.

Крайней точкой городского Торга на западе будем ориентировочно считать место пересечения улиц Войкова и Студенческой или даже восточнее, поскольку здесь, около Пятницких водяных ворот, в начале XVII в. находился Пятницкий Торжок. Д.А. Авдусин на основании результатов раскопок 1951 г. в районе Днепровских ворот пришел к выводу, что находка здесь большого количества серий одинаковых предметов свидетельствует о том, что они предназначались для продажи [1, с. 106]. Следовательно, восточная окраина Торга находилась поблизости от этого места, может быть, несколько восточнее. Интересен тот факт, что Большой городской Торг располагался сразу на территории двух концов Пятницкого и Крылошевского. Возможно, что этот участок Смоленска считался общегородской территорией [257, с. 58, 59].

В XVI–XVII вв. Большой городской Торг представлял собой комплекс торговых и административных учреждений, расположенных вдоль Большой проезжей дороги у городских ворот. Здесь находились лавки посадских, в которых производилась торговля различными товарами [81, с. 28, 29, № 47]. Тут же, на Торгу, стояли Таможенная и Земская избы. Видимо, на территории Торга находились Тюрьма и «Кружало».

Помимо Большого Торга в XVI–XVII вв. в Смоленске существовали многочисленные торжки, подтверждение этому находим в документах смоленской Приказной избы, где говорится: «бирючу кликати в Большом торгу и по малым торжкам» [81, с. 38, № 66]. Одним из таких торжков был Пятницкий, располагавшийся поблизости от Пятницких водяных ворот и примыкавший к Большому Торгу с запа-

да. С.Д. Ширяев, а вслед за ним И.М. Хозеров аналогичный торжок помещали в районе Лазаревских ворот крепости. Основанием для этого послужили результаты наблюдений М.Н. Неклюдова и С.П. Писарева при строительстве трамвайной электростанции в начале XX в. [289, с. 39; 281, с. 253]. Однако, поскольку эти работы носили случайный характер, от такого вывода следует воздержаться. Вполне возможно, что многочисленные торжки, один из которых — Пятницкий — нам известен, составляли в целом Большой городской Торг.

Б. Заднепровская часть

Данных о существовании на территории Заднепровского острога каких-либо административных учреждений в интересующий нас период почти не существует. Известно лишь, что в конце XVI в. в этой части Смоленска находился Литовский гостиный двор.

1. Литовский гостиный двор.

В 1596 г. комиссия по строительству каменной крепости, прибыв в Смоленск, проехала мимо «гостин литовский двор да через Днепр большим мостом в город к Пречистой Богородицы к соборной» [45, с. 451, № 365 П]. Именно этот факт позволяет утверждать, что в то время Литовский гостиный двор находился в Заднепровской части города. Возникает он здесь, видимо, в XVI в. после присоединения Смоленска к Московскому государству, когда роль сухопутной дороги, ведущей в Москву, возрастает. Локализовать его весьма сложно, поскольку известные источники не содержат по этому поводу никаких данных. По мнению С.Д. Ширяева и И.М. Хозерова, Литовский гостиный двор находился напротив древней Нижне-Никольской церкви [289, с. 39; 281, с. 229]. Современное здание этой церкви, построенной в 1748 г., расположено около Заднепровского рынка как раз против старого моста через Днепр. По сообщению И.М. Хозерова, здесь при земляных работах было вскрыто кладбище XII–XIV вв., примыкавшее, по всей видимости, к какой-то церкви того же времени (рис. 42), вероятно, древней Нижне-Никольской [281, с. 229]. Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт сообщают, что «по непроверенным сведениям местных жителей, в основании церкви или же современного здания, построенного к востоку от нее, наблюдалась кладка из плинфы» [158, с. 344]. Расположение Никольской церкви поблизости от Гостиного двора естественно, поскольку Никола был покровителем моряков и путешественников (рис. 37).

2. Заднепровский торг.

Торговая жизнь Смоленска не могла ограничиться только Большим городским Торгом и торжками, которые сосредотачивались в левобережной части города. Учитывая значение Заднепровского острога в жизни Смоленска, надо полагать, что и здесь возникали свои торговые площади. С.Д. Ширяев локализует Заднепровский Торг рядом с Нижне-Никольской церковью [289, с. 39]. Впервые он упоминается в конце XVII в. В переписных книгах 1675 г. отмечается, что здесь

была 21 лавка [289, с. 60, прим. 150]. Посетивший Россию в 1678 г. Б. Таннер писал по этому поводу: «близ города — очень обширные предместья, где производится оживленный торг, преимущественно деревянной, выточенной наподобие каменной, посудой, разными горшками и прочими дешевыми товарами» [100, с. 32]. Однако, несмотря на столь поздние свидетельства, надо думать, что рынок здесь существовал и ранее, подтверждением чему могут служить вероятные остатки древней Никольской церкви (рис. 37).

3. Смоленский ям.

Вопрос о смоленском яме рассматривается в данной главе в связи с тем, что это было, по существу, государственное учреждение, поскольку ямские слободы устраивались в централизованном порядке. Жители их, в отличие от других посадских, по приказному разводу платили вместо тягла денежный налог ямским охотникам, а правительство через своих представителей в лице приказных старост вело ямское хозяйство [147, т. I, с. 315]. В Смоленске Ямская слобода возникла вдоль дороги, которая вела на Москву (Старо-Московская) после присоединения города к Московскому государству в начале XVI в. [237, с. 104; 238, с. 42]. И.М. Хозеров помещал ее на месте, где сейчас находится здание Льнокомбината [281, с. 229]. Однако еще в 70-х гг. XIX в. Крестовоздвиженская церковь (1764 г.), расположенная восточнее Крупошевского ручья, считалась приходской церковью жителей Ямской слободы [241, с. 2, № 29]. «Теплый храм в Ямской слободе» упоминается в источниках под 1609 г. [42, т. 2, с. 318, № 265]. Скорее всего, это была деревянная церковь, которая предшествовала каменному зданию Крестовоздвиженской церкви. Непонятно нахождение в начале XX в. Ямской слободы совсем в другом месте к северу, от места бывшего Заднепровского острога, в районе современных улиц Фрунзе и Свердлова. Объяснением этому может служить то, что позднее в городе было несколько Ямских слобод, поскольку вторая находилась на дороге, которая вела в сторону Петербурга [166, план].

Жители Ямской слободы (рис. 37) наравне с другими посадскими должны были принимать активное участие в оборонных мероприятиях городской администрации. В частности, участок крепости на протяжении от Иворской башни до Днепровских ворот (рис. 43) должен был защищаться жителями Смоленского яма [81, с. 157, № 232].

Городские усадьбы

Одним из основных компонентов планировочной структуры Смоленска, как и любого другого древнерусского города, была городская усадьба. Поскольку письменные источники вплоть до начала XVII в. никаких сведений для воссоздания ее облика не дают, то главным источником, выдвигающимся на первый план, становятся данные археологии. Остатки усадеб были вскрыты экспедицией МГУ в северной части смоленской крепости. Раскопы (VI–VIII, IX, XI), примыкавшие

друг к другу с запада на восток, располагались вдоль ул. Соболева, у подножия Соборной горы, на территории бывшего Крылошевского конца. В результате многолетних раскопок установлено, что первоначальное заселение этой территории началось во второй половине XI в. и шло в южном, то есть от реки, направлении, что совпадает с закономерностями роста городской территории, прослеживаемой на примере других древнерусских городов. Были выявлены 22 строительных яруса, дендрохронологическая дата которых — конец XI — начало XVII вв. [224, с. 246—251]. До середины XII в. четыре нижних яруса принадлежали одной усадьбе. Начиная с 18-ого яруса, эту усадьбу в южном направлении пересекает улица, в результате чего произошло разделение территории. С 17-ого яруса (60-е гг. XII в.) здесь уже существуют три усадьбы. Две располагались к востоку от улицы (усадьбы Б и В), а часть третьей (усадьба А) — к западу. Усадьбы отделялись друг от друга частотоками, расположение и направление которых вплоть до начала XVII в. практически не менялись, в отличие от застройки самих усадеб. Из построек, вскрытых здесь, следует выделить жилые, хозяйственные (для содержания скота), производственные (кузнечные, бронзолитейные, косторезные мастерские). Территория самих усадеб мостилась бревнами, плахами, горбылем и досками [134, 135].

Наиболее полно изучена усадьба Б. Несмотря на то, что она вскрыта частично (около 250 кв. м), Н.А. Асташова считает, что общая ее площадь должна быть не более 700—800 кв. м¹. Вопрос о том, являются ли вскрытые усадьбы самостоятельным элементом планировочной структуры Смоленска или частями более крупных объединений, таких как боярские усадьбы в Новгороде, остается открытым.

По данным смоленской Приказной избы, в начале XVII в. размеры посадских дворов в северной части крепости, то есть на интересующей нас территории, составляли 10,5х11,5 саженей, 13,0х11,5 саженей [81, с. 26, № 43]. Учитывая, что сажень в начале XVII в. равнялась 2,16 м [179, с. 89], получаем, что размеры дворов были 600—700 кв. м.

Таким образом, при сравнении ориентировочной площади усадьбы Б с площадями посадских дворов начала XVII в. становится ясным, что размеры их на протяжении длительного времени почти не менялись.

Социальная принадлежность усадеб пока не установлена. В литературе по истории древнерусского города сложилось мнение, что зажиточные слои городского общества концентрировались в детинце, а за его пределами жило зависимое от них торгово-ремесленное население, то есть каждой категории населения соответствовал свой определенный район [268, с. 43—45]. Однако, последние исследования топографии Новгорода показали, что его социально-планировочная структура была значительно сложнее. Здесь крупные боярские усадьбы, на которых жило зависимое от боярина ремесленное и торговое население, перемежались со свободной городской землей, на которой располагались жилища свободных ремесленников и торговцев [306, с. 75].

¹ Выражаю благодарность Н.И. Асташовой.

Сады и огороды

Большое значение в жизни древнерусского города имели садоводство и огородничество. Плоды этих занятий использовали не только как натуральный продукт, но и для продажи, чем занимались специальные торговцы-овощники [94, с. 137, 142, 145, 150]. Первое упоминание об огородничестве в Смоленске относится к 1136 г., когда Ростислав Мстиславич передал смоленской епископии «огород с капустником» на Соборной горе [108, с. 146]. Интересен тот факт, что здесь упоминается «капустник», профессией которого было огородничество. Следовательно, уже в это время огородничество было специализированным занятием. Огороды существовали не только на территории города, но и за его укреплениями. Они окружали Смоленск в начале XIII в. и упоминались в Житии Авраамия Смоленского [91, с. 154].

Считается, что на Руси понятия «овощи» и «фрукты» не разделялись и «вплоть до конца XVII в. сады не отделялись от огородов» [246, с. 59]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют об обратном. Так, в 1497 г. смоленский епископ приобретает Дедковский сад в Смоленске [44, с. 172, № 148]. В конце XVI — начале XVII вв. самым крупным садом в городе был Государев сад [81, с. 46, № 83], примыкавший с запада к комплексу Государева двора. Он хорошо виден на плане Гондиуса 1636 г. (рис. 5). Кроме него в городе известны сад, располагавшийся на Воскресенской горе, а также Поздняковский сад [81, с. 159, № 234]. В документах смоленской Приказной избы упоминается Котовский сад, который, кстати, фигурирует здесь в связи с кражей яблок [81, с. 50, № 94]. В это время в городе существовала особая категория населения, которая занималась исключительно садоводством. Под 1610 г. в документах смоленской Приказной избы упоминаются садовники, жившие рядом с Молоховскими воротами каменной крепости [81, с. 201, № 244].

К сожалению, на плане города пока не удастся выявить те площади, которые использовались жителями Смоленска под сады и огороды.

Кладбища

Кладбища, относящиеся к языческому времени, на территории Смоленска пока не обнаружены. Однако, следует учитывать, что находки такого рода, как курганное кладбище, на территории живого, развивающегося города очень редки. Так, например, в Новгороде за 50 лет раскопок, несмотря на огромную вскрытую площадь в 21016 кв. м. [194, с. 4], подобные комплексы до сих пор не обнаружены; и лишь совсем недавно курганное кладбище было обнаружено в Пскове [202, с. 23; 203, с. 17]. С принятием христианства захоронения горожан производились в «освященной» земле, на территории, где стояли христианские храмы. Таким образом, обнаружение в результате каких-либо земляных работ христианского кладбища всегда предполагает наличие где-то поблизости церкви и наоборот (рис. 42).

Особняком стоит вопрос о месте совершения погребений жителей Смоленска, умерших во время моровых поветрий. Так, в 1230 г. здесь погибли 32 тысячи чело-

век, которых погребли в четырех скудельницах [78, с. 129]. Этот мор продолжался еще в течение двух лет [76, т. 10, с. 101]. В 1387 г. «в Смоленске бысть мор велик, и около града и по волостем, только выйдоша из города 5 человек, затвориша город» [78, с. 133]. По данным Никоновской летописи, в живых остались десять человек [76, т. II, с. 93]. Скорее всего, это летописное сообщение является преувеличением, однако, дает представление о масштабах бедствия. Имели ли возможность оставшиеся в живых горожане совершать погребение умерших по христианскому обряду — мы не знаем. Скорее всего, нет. Например, при раскопках Старой Рязани было обнаружено коллективное захоронение жертв монголо-татарского нашествия 1237 г. в виде неглубокого (до 1,2 м) котлована, где убитые лежали без гробов в 3—4 яруса [168, с. 60; 169, с. 53]. Вероятно, таким же образом хоронили умерших при моровых поветриях, хотя не исключена возможность их кремации.

Вплотную к Смоленску, так же как и к другим древнерусским городам, подступали сельские поселения со своими кладбищами, уничтоженными по мере роста городской территории. Остатки одного из таких захоронений курганного типа начала — середины XII в. были обнаружены в 1890 г. на Безымянной улице [139]. Это пока единичная находка места погребений курганного типа (рис. 23) показывает, сколь сложно обнаружить такой памятник.

Подводя итоги анализа планировочной структуры городской территории Смоленска, следует подчеркнуть, что она складывается из нескольких наиболее важных компонентов. Это, во-первых, городская уличная сеть. Наиболее ранняя улица, прослеженная археологически, зафиксирована в слоях конца XI в., однако в дальнейшем следует ожидать выявления улиц, которые возникли еще раньше. Другим компонентом планировочной структуры являются элементы застройки города, такие как административно-хозяйственные и жилые комплексы. Третьим компонентом являются городские кладбища, которые с принятием христианства располагались рядом с церквями. И, наконец, учитывая тесную связь средневекового города с сельским хозяйством, немалый удельный вес в планировочной структуре древнего Смоленска имели участки городской территории, отведенные под сады и огороды.

Глава IV

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ СМОЛЕНСКА

Наибольшее значение для раскрытия действия механизма столь сложного и многозначного образования, как древнерусский город, имеют данные социальной топографии, опосредованно, через социальную структуру, отражающие основные закономерности его развития. Для понимания ранней истории Смоленска чрезвычайно важны указания письменных источников на существование в городе концов. На этой основе сложилось мнение о кончанском, подобно Новгороду, Пскову и ряду других древнейших городов Руси, устройстве Смоленска и о возникновении его там, где городских форм жизни еще не было [279, с. 19]. Следует отметить, что концы были и в других городах, возникших в более позднее время по воле князя, таких как Москва, Серпухов, Тула, где они имели чисто топографический характер. Таким образом, перед исследователями, занимающимися проблемами изучения города, в настоящее время предстают два типа кончанского устройства. К первому относятся города, где формирование концов восходит к эпохе родовых отношений, а самим концам принадлежит ведущая роль в процессе горообразование; ко второму типу относятся города, где концы имели условный, чисто топографический характер и были явлением вторичным.

Первому типу городов с кончанским делением присуща и определенная система самоуправления, выражавшаяся в наличии веча. В советской историографии до сих пор дискутируется вопрос о природе, характере и сущности веча: было ли это собрание горожан, основную роль в котором играли торгово-ремесленные слои, или совещание основных феодальных группировок, или же общегородское собрание представителей всех слоев населения города, которое устраивалось очень редко, а в обычное время оно подменялось советом города, где главенствующая роль принадлежала знати [182, с. 51, 52]. Восхождение этого органа городского самоуправления к древним дофеодальным формам племенной демократии признается большинством исследователей [182, с. 51, 52]. Однако, с развитием и укреплением феодализма вечевой строй терял свои демократические черты и, в конечном итоге, приводил, как это достаточно ясно показано

на примере Новгородской республики, к установлению олигархических форм правления боярской знати [302, с. 370; 303, с. 50, 51].

Подобный орган городского самоуправления существовал и в Смоленске. Под 1176 г. Лаврентьевская летопись сообщает: «Новгородцы бо изначала и Смоляне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти яко же на веча сходятся, на что старейшие сдумают на том же пригороды станут» [65, с. 160].

Исполнительную власть в городах с кончанско-вечевым строем осуществляли посадники и тысяцкие, представлявшие на вече от различных слоев городского общества. Как показал В.Л. Янин, природа и функции новгородского посадничества трансформировалась по мере становления и развития олигархических форм правления в Новгороде. Если в начале существования этого института посадник являлся представителем князя в городе, то в конце истории Новгородской феодальной республики он становится представителем местной боярской олигархии [302]. Это нашло отражение в существовании в Новгороде сместного суда князя и посадника, роль которых в этом органе с течением времени менялась [307, с. 34–39].

Представителем непривилегированных сословий свободного населения Новгорода в республиканском правительстве был тысяцкий, который подчас сам происходил из боярства [306, с. 75]. Эта часть населения селилась не на территории концов, а на сотенных землях, которые, в свою очередь, находились под юрисдикцией князя [128, с. 24].

Подобные институты существовали и в Смоленске. Уставная грамота Ростислава отмечает наличие в городе посадника, а кроме того фиксирует существование здесь трех судов — княжеского, епископского и суда посадника [108, с. 144]. Известны в Смоленске и тысяцкие. В 1196 г. эту должность, например, занимал Михалко [53, т. 7, с. 105].

Помимо концов и веча, а также соответствующего аппарата исполнительной власти в Смоленске существовали и свои князья, причем взаимоотношения их с городом были достаточно сложными, что следует из летописных сообщений. Так, около 1096 г. смоляне «не прияша» Олега Святославича, который хотел сесть на смоленский стол [84, с. 151]. В 1175 г. «Смольняне выгнаша от себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава ведоша Смоленську княжить» [62, с. 596]. Роман Ростиславич в годы своего княжения в городе (1160–1180 гг. с перерывом 1174–1177 гг., когда он занимал киевский стол) «многие досады прия от смолян» [62, с. 617]. В 1186 г. в Смоленске «встань бысть... промежи князьмъ Давидом и смольняны, и много голов паде лучших муж» [62, с. 647; 77, с. 38, 229]. Под 1195 г. летопись сообщает, что «Смольняне... не добре с Давидом» [62, с. 692]. В 1232 г. Святослав Мстиславич утвердился на своем наследственном престоле в городе только силой, с помощью полочан, взяв «Смоленск на щит» [77, с. 281], а в 1401 г. «прияша смольняне князя своего Юрья Святославича на княженье» [77, с. 397].

Создается впечатление, что в Смоленске княжеская власть по отношению к первичным городским образованиям была так же, как и в Новгороде, явлением привнесенным, вторичным [279, с. 21].

В связи с тем, что источники по истории Смоленска не в состоянии внести ясность в проблему его социального развития на раннем этапе истории города, приходится для реконструкции хотя бы самых общих моментов этого процесса обращаться к более обеспеченной источниками социальной истории Новгорода. Естественно, что при этом некоторые аспекты предлагаемой работы будут гипотетичны.

В целом следует признать, что Смоленск изначально был городом с кончанско-вечевым устройством, при этом концы, возможно, имели собственные органы управления. Князь, будучи представителем сотенного населения города, появляется позже, и отношения его с органами городского самоуправления были, вероятно, непростыми, если смоляне сами решали вопрос о том, принять им или не принять того или иного князя. Что представляло собой население концов? Очевидно, одну из социальных сил города составляли, как и в других древнерусских городах, местные феодалы и зависимое от них население [182, с. 49]. Кроме того, какую-то часть должно было составлять свободное население, которое и способствовало в конечном итоге изживанию феодального характера города. Наличие мелких ремесленников и торговцев, не связанных с феодальной собственностью на землю, по мнению исследователей, способствовало также сохранению веча в древнерусских городах [182, с. 52].

Таким образом, существовавшие в Смоленске две административно-территориальные системы: первичная — боярская, кончанская — и вторичная — княжеская, сотенная — должны были, несомненно, повлиять на процесс распределения городских земель. Однако, следует отметить, что при слабой археологической изученности трудно определить участки города, заселенные теми или иными категориями населения.

Как во многих городах средневековой Европы, так и древней Руси крупнейшим феодалом, владевшим обширными землями, была церковь. Церковное землевладение в Смоленске складывалось из трех основных компонентов: землевладения местного епископа, монастырей и приходских церквей.

Рассмотрение социальной топографии Смоленска следует начать с землевладения городских концов, так как оно являлось наиболее древним.

Городские концы

Впервые Пятницкий и Крылошевский концы упоминаются только в самом конце XV в. в грамоте литовского великого князя Александра смоленскому епископу Иосифу Солтану 1497 г. [44, с. 167, № 144]. Позднее эти же два конца фигурируют в актах смоленской Приказной избы 1609–1611 гг. Той же степени достоверности сведений о существовании каких-либо других концов в Смоленске нет, тем не менее, уже достаточно давно было выдвинуто предположение о том, что количество смоленских концов не ограничивалось этими двумя. Впервые этот вопрос был поднят И.М. Красноперовым, который считал, что в городе суще-

ствовало еще два конца. Аргументировал он это сообщением летописи о море 1230 г. в Смоленске, в результате которого для погребения умерших якобы каждый конец устроил свою скудельницу [198, с. 69]. П.В. Голубовский указывал на возможность существования в Смоленске третьего, так называемого «Ильинского» конца, располагавшегося в Заднепровье. Название его П.В. Голубовский связывал с нахождением на правом берегу Ильинского ручья, впадающего в Днепр, Ильинской церкви [161, с. 57], упоминаемой в 1501 г. в грамоте короля Казимира [277, с. 52]. С.П. Писарев видел остатки какого-то домонгольского храма, который он отождествлял с Ильинской церковью (рис. 42), у устья Ильинского ручья [238, с. 179, 180]. И.И. Орловский отмечал здесь остатки древнего кладбища [231 с. 43, 44]. Предположение о существовании Ильинского конца до сих пор не доказано, так как оно основывается, как считал А.В. Арциховский, на устном предании, древность которого сомнительна [132, с. 12]. Тем не менее, некоторые из современных исследователей признают наличие этого конца в древнем Смоленске [152, с. 189; 123, с. 96, 97; 124, с. 150, 151].

В начале XX столетия Г.К. Бугославский, ссылаясь на грамоту литовского князя Александра 1497 г., высказал ничем не аргументированное предположение о наличии в городе пяти концов: Пятницкого, Петровского ста, Крылошевского, на Васильевской горе и за Днепром [144, с. 54].

В литературе же утвердилось мнение о существовании в Смоленске лишь трех концов: Пятницкого, Крылошевского и Ильинского. Следует подробнее рассмотреть немногочисленный круг источников по этому вопросу.

В 1060 г. после смерти смоленского князя Игоря Ярославича «разделиша Ярославичи Смоленск на три части» [66, с. 21]. Скорее всего, этот раздел касался не самого города, а территории всей Смоленской земли, которая, как и в Новгороде, была, вероятно, поделена между соответствующими концами. В источниках конца XVI — начала XVII вв. четко прослеживается трехчастное деление города не только в территориальном (Пятницкий, Крылошевский концы, Заднепровье), но и в административном отношении. Известны, например, три стрелецких приказа, которые соответствовали одной из территориальных единиц [94, с. 131—167]. Каждой из них были приписаны свои монастыри, что имело место и в домонгольский период (подробнее см. ниже).

Подобная совокупность данных, хотя и косвенных, имеет неслучайный характер. Видимо, в Смоленске мог быть и третий конец, располагавшийся в Заднепровье, и в том, что он не упоминается в источниках, сказывается, вероятно, фактор случайности и характер самих имеющихся в нашем распоряжении документов. Так, Крылошевский конец в документах смоленской Приказной избы назван всего три раза, тогда как Пятницкий упомянут семь раз. Это не говорит о меньшем значении Крылошевского конца, просто военные действия, связанные с осадой города, происходили по большей части с западной стороны Смоленска, где и находился Пятницкий конец. Другой пример. В росписи «Архиепископской слободы слобожан, оставшихся за осадной росписью» 1609 г. есть такая фраза: «Архиепискупли слободы слобожан 178 человек, быти з Битя-

говским в Крылошевском конце. Авраамиева монастыря слобожан 21 человек, быти з Битяговским» [80, с. 158, № 233]. Для слобожан Авраамиевской слободы было ясно, к какому концу они приписаны, даже если бы в первой части документа не упоминался Крылошевский конец. Мы же, с утратой первой части, и не подозревали бы, что Битяговский являлся сотником Крылошевского конца, под началом которого были слобожане Авраамиевского монастыря. Помимо приведенных данных, следует отметить, что в правобережной части Смоленска существовало значительное поселение, и было бы довольно странным, если бы оно не имело своего административного управления. В целом, на наш взгляд, вся совокупность этих рассуждений свидетельствует о том, что третий конец в Смоленске мог существовать, правда, лишь в том случае, если заднепровское поселение имело именно кончанский характер.

В конце XVI — начале XVII вв. деление города на концы было архаизмом и осуществлялось по традиции. Городское население в этот период было организовано в сотни и облагалось характерной для того времени тягловой единицей — сохой. В частности, полусохой облагались люди Крылошевского конца. Примечательно, что население Крылошевского конца именовалось и людьми данного конца, и людьми Крылошевской полусохи, и людьми Крылошевской сотни одновременно [42, т. 2, с. 309, № 259; 81, с. 146, № 229; с. 154, № 232; с. 213, № 248; с. 216, № 250]. Видимо, границы Крылошевского конца совпадали с территорией, население которой облагалось тягловой единицей размером в половину сохи. Отсюда и смешение различных по своему значению терминов для обозначения одного и того же городского района. Это тем более вероятно, что во второй половине XVI в. происходит реформа уездной сохи. Если до середины XVI в. «сошное, вытное и обежное письмо основывалось на каких-то сторонних признаках: не то размерах рабочей силы хозяйств, не то количестве высеваемого хлеба, не то др. ...», то «по реформе 2-й половины XVI в. посошное обложение становится поземельным — на соху, выть и обжу кладется то или иное определенное количество четей земли, в зависимости от ее качества и других условий». Эти принципы были применены и при посадском сошном письме, хотя здесь «вырабатывались свои условия и приемы» [147, т. 2, с. 339]. В связи с этим возникает предположение: не наблюдалось ли подобное смешение терминов, определяющих административную принадлежность заднепровского населения в разные периоды его истории, где на территории Заднепровского острога источниками помещается Городенская сотня. Если это так, то, вероятно, следует признать существование третьего смоленского конца, располагавшегося на правом берегу Днепра и условно назвать его «Городенским» (рис. 38).

Пятницкий конец упомянут впервые в 1497 г. В начале XVII в. он занимал западную часть каменной крепости и прилегающую к ней территорию. Свое название получил, скорее всего, от одноименного храма или монастыря. Границы конца определяются по документам XV — начала XVII вв. лишь частично. Источники начала XVII в. говорят о наличии посадских дворов «в Пятницком конце в Каменом городе» [81, с. 26, № 43]. Здесь же находились Пятницкие водяные

ворота, мимо которых проходила Большая проезжая улица, шедшая далее через Большие Пятницкие ворота за город. В отписке архиепископа Сергия о первых приступах поляков сказано, что они «из наряду... в Пятницком конце бьют по Богословской башне» [81, с. 31, № 51].

Таким образом, можно считать, что участок крепости от Пятницких водяных ворот по Богословскую башню входил в зону Пятницкого конца. Кроме этого, на территории конца находилась и, вероятно, Воскресенская гора, где в конце XII — начале XIII вв. стоял, как считают, большой храм (рис. 42), являвшийся собором Пятницкого конца [158, с. 250]. В грамоте 1497 г. великого литовского князя Александра смоленскому епископу Иосифу есть сведения, по которым северную часть Васильевской (позднее Вознесенской) горы следует включить в пределы территории Пятницкого конца. За границей каменной крепости к нему относится одноименный острог, что видно из отписки архиепископа Сергия о первых приступах поляков, где сказано, что они «в Пятницком конце острог взяли» [81, с. 31, № 51].

Таким образом, на основании приведенных данных можно приблизительно очертить границы Пятницкого конца в XV—XVII вв. В западной своей части он включал весь Пятницкий острог, существовавший с конца XII в., и западную часть территории «Старого города». На востоке граница его проходила, вероятно, по линии современной улицы Большой Советской. Скорее всего, намеченные границы Пятницкого конца установились задолго до XV в., поскольку эта территория была освоена уже к концу XII в. До этого же конец первоначально мог ограничиваться западной частью «Старого города» (рис. 38).

Крылошевский (Крылошанский, или Клирошанский) конец известен так же, как и Пятницкий, с 1497 г. Занимал восточную часть каменной крепости и прилегающую к ней территорию. Как полагал С.П. Писарев, свое название конец получил от «епископских клириков, некогда там поселенных» [237, с. 53], связывая, таким образом, это наименование с церковным землевладением, что подтверждается источниками (см. раздел «Церковное землевладение»). Недавно Л.В. Алексеевым было высказано предположение, что название конца произошло от слова «крыло». Он считает, что этот конец находился в отдалении от городского торгового и вообще был заселен менее интенсивно, чем Пятницкий [123, с. 97; 111, с. 151]. Здесь было много пустырей, а церковные постройки возникли сравнительно поздно (не ранее XII—XIII вв.). Однако, подобный вывод вызывает серьезные возражения. Во-первых, по правилам образования прилагательных в древнерусском языке производными от слова «крыло» должны быть «крыластый (криластый)» или «крылатый (крилатый)», причем в значении «имеющий крылья, с крыльями». Производных от «крыло» в значении «край, боковая сторона, фланг» не существует. По авторитетному мнению составителей «Словаря русского языка XI—XVII вв.», словообразование «крылосский (крилосский)», «крылошанин (крилошанин)» происходит от слова «крылос (клирос)», что означает «член клира, священнослужитель, церковный причт, член церковного причта» [264, вып. 8, с. 93—95]. Во-вторых, в действительности Крылошевский конец не

был удален от места городского Торга, который, частично, находился на его территории. В-третьих, Соборная гора — религиозный центр Смоленска — располагалась на территории конца, поэтому говорить о каком-то второстепенном значении Крылошевского конца нет никаких оснований. В-четвертых, сады и огороды посадских людей или просто пустыри имели место в любом древнерусском городе. Были они, скорее всего, и на территории других смоленских концов. В документе 1497 г. сказано: «А к тому еще в городе дали есмо церкви Божьей и владыце мети осмь дворов его людей церковных звечных. Також в Крылошевском конце на Днепре, на пристани есть место церковное звечное и чоловек сидит на том местцы, и просил нас владыка, абыхмо ему, к тому его местцу, нашо пустое Семенково Михонева сына придали» [44, с. 167, № 144]. Вот на основании этого документа Л.В. Алексеев и заключает, что в Крылошевском конце было много пустопорожних мест, а в качестве подтверждения своей мысли он приводит эту же цитату вот в каком виде: «Сверх этого позволено церкви и епископу иметь в городе 8 дворов с людьми (...) и дано место в Крылошевском конце на пристани Днепра» [123, с. 97]. Как видим, в приведенной Л.В. Алексеевым цитате и слова нет о пустопорожних местах. Непонятно тогда, откуда он это взял. В-пятых, на территории Смоленска неизвестны церкви, возведенные ранее XII в., что говорит о несостоятельности аргументации Л.В. Алексеева. К слову сказать, у восточной границы Крылошевского конца обнаружена одна из древнейших (первая половина XII в.) церквей [113]. На территории самого конца рядом со зданием Духовской церкви 1765 г. выявлены остатки храма (рис. 42), время возведения которого И.М. Хозеров отнес к первой половине XII в., поскольку клейма на плинфе идентичны клеймам Борисоглебского собора [158, с. 335]. Таким образом, следует еще раз отметить, что мнение Л.В. Алексеева о второстепенности, значительном удалении Крылошевского конца от древнего ядра города, его слабой заселенности и позднем начале церковного строительства в нем безосновательно, тем более, что этот конец, тесно связанный с епископским землевладением, не мог страдать малочисленностью культовых построек.

Крылошевский конец обычно локализуют в восточной части города. П.В. Голубовский считал, что территория его распространялась по берегам рек Большой и Малой Рачевки [161, с. 58]. По мнению Л.В. Алексеева, Крылошевский конец «занимал всю низину над Днепром, на левом берегу Рачевки, и, возможно, заходил и на правую сторону, где есть домонгольские церкви» [123, с. 97; 124, с. 151]. Между тем территория конца определяется по документам XV–XVII вв. В уже упомянутом списке архиепископских и монастырских слобожан 1609 г. сказано, что жители Архиепископской слободы, а также слобожане Авраамиева и Духова монастырей должны были держать оборону в Крылошевском конце. Нужно отметить, что основным опорным пунктом обороны города была каменная крепость. Надо думать, что это распоряжение подразумевало оборону того района Крылошевского конца, который находился в пределах каменной крепости, а именно восточную часть «Старого города». Соборная гора, если не административно, то территориально входила в его пределы. На востоке Крылошев-

ский конец выходил за границу каменной крепости и простирался до нижнего течения р. Большой Рачевки. На его территории находилась пристань на Днепре, которая локализуется на песчаной косе к северо-востоку от Крылошевских ворот [241, с. 2, № 27]. По другую сторону р. Большой Рачевки лежали земли Архиепископской слободы (см. раздел о епископском землевладении данной главы), поэтому согласиться с мнением Л.В. Алексеева в этом вопросе нельзя. Возможно, что первоначально Крылошевский конец охватывал территорию, ограниченную лишь восточной частью «Старого города» (рис. 38).

Время возникновения городских концов в Смоленске при отсутствии ранних письменных источников установить очень сложно. По мнению С.П. Писарева, Смоленск, будучи подобием Новгорода, имел кончанское деление еще в начальный период своего существования. Естественная изрезанность рельефа города «обусловило изстари и деление его на улицы и братства. Каждое братство заботилось об охране и защите своего участка, особенно по берегу Днепра». Единственное подтверждение своей мысли С.П. Писарев видит в систематическом повторении наименований церквей, расположенных между «каждой из этих естественных преград не только в старинном городе, но и в княжеском (на Смядыни — *Н.С.*) и вообще в окрестностях Смоленска», что указывало на самостоятельную жизнь на каждом участке [237, с. 10, II]. Современные наблюдения за закономерностью размещения храмов с использованием последних археологических данных не подтверждают этой точки зрения, и не потому что названия большинства исследованных церквей неизвестны. С.П. Писарев, говоря о дублировании наименований храмов, рассматривал, видимо, разновременные сооружения. Например, Троицкий монастырь на Кловке (конец XII — начало XIII вв.) и Троицкий монастырь в каменной крепости (XVII в.); Ильинский храм в Заднепровье (XII в.) и одноименный ему храм в городе (XVI в.). Исключение составляют, пожалуй, Борисоглебские храмы XII в. на Смядыни и в районе Днепровских ворот. Но только значительно позже Г.К. Бугославскому удалось доказать существование последнего храма [142]. До него же исследователи предполагали наличие только одной Борисоглебской церкви на Смядыни.

Этого мнения придерживался и С.П. Писарев [237, с. 73]. Тем не менее идея С.П. Писарева о концах Смоленска как совокупности отдельных поселков находит аналогии в социальной топографии Новгорода [304, 310]. Вероятно, концы в Смоленске существуют с момента возникновения города. Пытаясь возродить гипотезу о переносе Смоленска из Гнёздова на свое современное место, Л.В. Алексеев сделал вывод, что городские концы в Смоленске образуются во второй половине XI в., то есть с момента, когда город утверждается на своем, якобы новом, месте [123, с. 98]. Отправной точкой этого процесса он считает 1054 г., когда «в Киеве возникло решение о создании самостоятельного смоленского княжения. Прежнее низинное место Смоленска, удобное для торговли, нового князя теперь уже не удовлетворяло. Его цитадель возникла в 10—12 км выше по Днепру... и перетянула к себе Гнездовское поселение». Признавая кончанскую сущность Смоленска XII в., Л.В. Алексеев, тем не менее отрицает наличие соответствующей

щих институтов в так называемом «Гнёздовском Смоленске» [123, с. 102, 103]. Таким образом, в данном случае кончанские институты становятся вторичным явлением по отношению к княжеской власти. Это противоречит ходу исторического развития средневекового общества. Именно кончанские, вечевые органы, будучи производными от первобытнообщинных институтов, на протяжении своего существования ведут борьбу с усилением новой классовой силы в лице князя. В концепции Л.В. Алексеева теряется значимость смоленских городских концов, так как в данном случае они являются простыми административно-территориальными единицами, частями целого, а не совокупностью отдельных поселков. Но предположим, что, как считал М.Х. Алешковский, кончанская структура была в неповрежденном виде перенесена из Гнёздова—Смоленска в новый город [127, с. 110]. Тогда князь должен был подавить, хотя бы на время, те вечевые институты, которые существовали в «Гнездовском Смоленске». Для этого, очевидно, была необходима сильная централизующая власть, способная на низведение до уровня простых исполнителей княжеской воли все кончанские органы. Власть эта должна была быть сосредоточенной на продолжении длительного времени в руках одного князя или княжеской династии, так как решение вопроса переноса города, причем с сохранением всех социальных институтов, было делом не одного года. Посмотрим, кто из князей, правивших в Смоленске, начиная с 1054 г., мог выступить в подобной роли.

После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. на смоленский стол садится его сын, Вячеслав Ярославич, который владел им до своей смерти, последовавшей в 1057 г. [84, с. 309]. Именно этим трехлетьем датирует Л.В. Алексеев акцию по переносу города. Основанием служит находка в Смоленске печати, принадлежавшей Вячеславу, который, по мнению Л.В. Алексеева, жил уже в новом Смоленске [124, с. 195]. Конечно, за такой срок можно было срубить город и даже заселить его, но с условием, что кончанские институты не оказывали никакого сопротивления, что вступает в противоречие с самой их природой. Город мог возникнуть как место княжеской резиденции, но и только. В городах же с вечевым строем чаще всего наблюдается вывод княжеской резиденции за пределы самого города под давлением кончанской администрации. Обратный процесс, связанный с тем, что кончанское население города переселяется в резиденцию князя, образуя тем самым новый город, который к тому же становится столицей княжества, неизвестен в истории Древней Руси. Следует отметить, что эта печать была найдена не на территории самого города, а на Смядыни, где находилась резиденция смоленских князей, что вполне подтверждает мнение о существовании резиденции князя вне города уже в это время и свидетельствует против теории переноса Смоленска. Правда, как уже отмечалось, Л.В. Алексеев относил возникновение концов в Смоленске ко времени, последовавшим за переносом города, однако, кончанско-вечевые институты, уходящие своей основой в глубокую древность, не могли возникнуть на пустом месте, да и князь бы этого не допустил, учитывая противостояние этих двух систем, хорошо прослеженной на истории Новгорода. Но предположим все же, что нашелся такой князь, который

бы совершил это невероятное по своим масштабам предприятие. На протяжении всей второй половины XI в. такого князя нет. С 1057 по 1060 гг. в Смоленске сидит другой сын Ярослава — Игорь. После его смерти в 1060 г. «разделиша Ярославичи (Изяслав, Святослав, Всеволод — *Н.С.*) Смоленск на три части», причем та часть княжества, где находился Смоленск, была отдана Всеволоду [247, с. 50]. В 1078 г., с приходом на великокняжеский стол, Изяслав Ярославич сажает на Смоленское княжение Владимира Мономаха [84, с. 132]. С уходом в этом же году Мономаха на Черниговское княжение, город пытается присоединить к своим владениям Всеслав Полоцкий, однако ему удается только захватить и разорить город [84, с. 159]. До 1095 г. о судьбе смоленского стола ничего неизвестно, а в том же году городом правит уже Давид Святославич [84, с. 150]. Около 1096 г. смоленский стол пытался отнять у Давида его брат, Олег Святославич, однако «неприяша его смольняне» [84, с. 151]. Давид правит в Смоленске до Любечского съезда (1097 г.), после которого город, видимо, переходит вновь к Мономаху [247, с. 138]. Таким образом, после смерти Игоря Ярославича здесь не было постоянного княжения. В таких условиях смоленские князья меньше всего думали о переносе столицы.

Следовательно, момент возникновения поселков-концов в Смоленске, скорее всего, следует отнести к периоду, предшествовавшему сложению на территории Смоленска городского образования.

Остается неосвещенным вопрос о времени появления названий концов. Топоним «Пятницкий» возникает не ранее 1013 г. — официальной даты крещения Смоленской земли, а «Крылошевский», вероятно, появился в еще более позднее время и связан с учреждением в 1136 г. в Смоленске местной епископии и расселением представителей церковного причта в этой части города.

Городские владения князя

Вопрос о княжеском землевладении в Смоленске представляется наиболее сложным, поскольку он тесно связан с начальными этапами формирования и развития города и проблемой взаимоотношений кончанской и княжеской администраций. Первым попытался решить ее П.В. Голубовский, которому удалось на основании Уставной грамоты 1136 г. локализовать некоторые пункты, упоминаемые в грамоте [161]. В настоящее время этому вопросу посвящен ряд работ Л.В. Алексеева, попытавшегося установить границы домена князя Ростислава Мстиславича [121, 122, 124, с. 125—132]. В них автор приходит к выводу, что начало формирования княжеского домена относится к XI в., когда подобные образования возникали и в других древнерусских землях. Это явление одновременно процессу сложения Смоленского княжества. Исходя из положения, что домен князя — это его личные владения, «которые остаются за ним вне зависимости от занимаемого им княжеского стола и являются, следовательно, наследственной собственностью» [124, с. 125], Л.В. Алексеев тем не менее предполагает, что

какие-то владения могли существовать уже у первого смоленского князя Станислава, поставленного на княжение в Смоленск в 988 г. Владимиром Святославичем. Интересен подмеченный автором факт, что домен Ростислава Мстиславича не был компактным образованием, поскольку земли вокруг Смоленска к тому времени уже были захвачены родовой знатью [121, с. 91; 122, с. 56]. Следует отметить, что, к сожалению, этот очень важный вывод Л.В. Алексеев оставляет без внимания, не предпринимая никаких попыток выяснить взаимоотношение кончанской и княжеской администраций в вопросе переноса Смоленска.

Надо сказать, что для нас особый интерес представляет удельный вес княжеского землевладения на территории самого города. Попытаемся рассмотреть этот вопрос, который пока еще исследователями не затрагивался, основываясь на тех же немногочисленных источниках и, в первую очередь, на Уставной грамоте Ростислава. В 1101 г. Владимир Мономах возводит в Смоленске городской Успенский собор на одной из гор города, которая стала называться Соборной. Из жалованной грамоты 1190 г. Ростислава Мстиславича смоленской епископии известно, что Владимир Мономах передал часть горы переяславскому епископу специально под это строительство. В 1136 г. Ростислав уже при учреждении местной епископии, независимой от переяславского епископа, отдает владыке на Соборной горе «огород с капустником, и с женою и з детми», а в Заднепровье — участок в своих охотничьих угодьях «с тетеревином с женою и з детми» [108, с. 144]. Ряд исследователей помещает княжеские тетеревиные садки в районе Петропавловской церкви середины XII в. [198, с. 68; 281, с. 229]. Но можно предположить, что охотничьи угодья Ростислава располагались в ином месте. В Заднепровье, еще в начале XX в. местность к востоку от Круповского ручья именовалась «Садки». Не воспоминание ли это о том, что именно здесь и находились когда-то княжеские охотничьи угодья? Правда, в конце XIX в. было высказано предположение, что ранее тут располагались сады, что и дало название этой местности [225]. Но уменьшительная форма от слова «сад» — «сабочек», «садик», а «садок» или «садик» означает «всякое устройство, для содержания в неволе животных» [167, с. 128]. В связи с этим можно считать, что наименование местности произошло от нахождения здесь княжеских охотничьих угодий, которые располагались не в районе церкви Петра и Павла, а недалеко от Круповского ручья.

В 1150 г. Ростислав Мстиславич, подтверждая право смоленской епископии на Соборную гору, передает ей еще один из холмов, что вызывает естественный вопрос об источнике этих земельных пожалований. Л.В. Алексеев установил, что земельный домен Ростислава на территории Смоленского княжества был явлением вторичным по отношению к землевладению родовых старейшин, впоследствии представителей кончанской городской организации, что распространялось и на территорию, видимо, самого Смоленска. В это время в городе, как уже отмечалось, существовали две административно-территориальные системы: боярская, кончанская — первичная, и сотенная, княжеская — вторичная. Первая, как отметил М.Х. Алешковский на примере Новгорода, возникла в момент об-

разования поселков — концов, жители которых составляли замкнутую общину; вторая — в момент появления княжеской администрации — и служила интересам той части населения, которая не входила поначалу в общину бояр [128, с. 24]. Существование такой структуры отразилось на системе строительства.

Сотенное население возводило церкви либо на местах, не принадлежащих кончанскому населению, либо на общегородских землях, каким, в частности, был городской Торг. Возможно, поэтому смоленский князь в XII в., как и в Новгороде, являлся патроном-ктитором строящихся для сотенного населения церквей. Так, церковь Иоанна Богослова построена между 1160—1180 гг. Романом Ростиславичем поблизости от предполагаемого места городского Торга на загородной территории, выделенной под княжескую резиденцию. Аналогичный случай постройки князем храма на Торгу или рядом с ним известен из псковской истории и относится к 1453 г. [128, с. 24].

В этом отношении интересна судьба церкви Петра и Павла. В ходе исследования храма было установлено, что первоначально он был задуман как княжеский, так как под хорами были предусмотрены аркосолии для погребения членов княжеского дома, а на хорах — отдельная капелла с особым ходом в нее из дворца. В повести о Меркурии Смоленском, описывающей события начала XIII в., говорится, что Меркурий приходил в храм Воздвижения креста «молится за мир зовомый Петровскаго ста» [50, с. 75], отождествляемый обычно с церковью Петра и Павла. Каким образом можно связать загородную княжескую церковь с купеческой организацией подобной «Иваньскому ста» в Новгороде? Раскопки показали, что в конце XII в. облик храма меняется, что было обусловлено переходом его в обладание сотенной организации [151, с. 89]. Следовательно, грамоты 1136 и 1150 гг. сообщают сведения о распределении городских земель между двумя категориями населения — кончанским и сотенным. Князь распоряжался землями, принадлежавшими, по-видимому, только сотенной организации или входящих в его домен за пределами города. Аналогичная ситуация отмечена в Новгороде [303, с. 46; 307, с. 60—79; 309, с. 241—249; 310, с. 79—95]. Вероятно, и в более ранний период (рубеж XI—XII — середина XII вв.) смоленский князь не имел земельной собственности в городе. Факт передачи огорода и холма епископии от имени князя объясняется тем, что он был главой исполнительной власти, то есть выражал в данном случае волю кончанских законодательных органов. Следовательно, передачу по существу производил не князь, а сам город.

Большой интерес в этом отношении представляют собой руины гражданской постройки середины XII в., раскопанной Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом на Соборной горе. Исследователи интерпретировали ее как остатки княжеского терема [158, с. 103—108]. Однако, исходя из всего выше сказанного видно, что обнаруженные руины являлись, скорее всего, остатками епископских палат. Примечательно то, что они возводятся почти одновременно с Борисоглебским собором на Смядыни, который становится храмом династии Ростиславичей.

В эпоху Ярослава Мудрого резиденция новгородского князя находилась за пределами городских укреплений, а в детинце располагался владычный двор

[310, с. 88]. Позднее, на рубеже XI–XII вв. с ростом территории города княжеская резиденция переносится на Городище [302, с. 62]. Как видим, в Смоленске в середине XII в. княжеской резиденцией становится Смядынь. Подобное положение прослеживается и в других городах Древней Руси. В Полоцке в середине XII в. резиденция князей находилась не в детинце, а в удалении от города на 2–3 км. Верхний же замок был предоставлен в распоряжение епископа [294, с. 18]. Вывод княжеского двора за пределы Полоцка произошел, по мнению Г.В.Штыхова, в то же время, что и в Новгороде, то есть на рубеже XI–XII вв. [293, с. 201]. Факт вывода резиденции князя из Новгорода на Городище В.Л. Янин связывает с процессом возникновения посадничества нового типа в форме боярского представительства общегородского веча [302, с. 54–62].

В связи с затронутой проблемой следует подробнее остановиться на той роли, которую играла Смядынь в жизни древнего Смоленска. Она впервые упоминается в летописях под 1015 г. в сообщении об убийстве князя Глеба. Сведения о ней противоречивы. По одним данным она была в это время еще пустынной и глухой: здесь пасли скот, купеческие же суда проходили мимо без остановок [76, т. 9, с. 73]; по другим — это место «строино» [268, с. 359]. Видимо, нужно отдать предпочтение первому варианту, так как тело Глеба было брошено на берегу и пролежало там долгое время, что было бы маловероятно, если бы местность была заселена.

Гипотеза, отводящая Смядыни особую роль в жизни Смоленска, была выдвинута С.П. Писаревым. Проводя параллели с древним Новгородом, он делает вывод о том, что князь жил вне Смоленска [237, с. 6]. Однако, если в Новгороде Ярославово дворище, а затем Городище являлись местами княжеской резиденции, то в Смоленске Смядынь, по С.П. Писареву, была целым княжеским городом. Эту мысль развил в своих работах И.И. Орловский. Основой такого вывода послужили факт бурной строительной деятельности смоленских князей, «которые пытались создать из Смядыни подобие Вышгорода» [232, с. 225] и частое упоминание Смядыни в письменных источниках, освещающих политическую историю города.

По мнению С.П. Писарева, уже в конце XI — начале XII вв. Смядынь «была очень сильно заселена и застроена», особенно по берегу Днепра [237, с. 26]. Она являлась не только княжеским городом, но и центром смоленской внешней торговли. Смоленский князь с дружиной «сберегал жителей, как и себя самого от внезапных нападение врагов; защищал приезжих торговцев, или «гостей» в случае какой-либо неправды со стороны смолян. Сам князь и богатые дружинники были важными покупателями привозных товаров и продуктов; поэтому купцы и останавливались здесь, перед князем» [237, с. 27]. Через Смядынь проходили две дороги, контролируемые князем: на Оршу и Чернигов [237, с. 28]. Таким образом, «со времен Ростислава Смоленск окончательно разделяется подобно Новгороду, на две части: главный город, где был Успенский собор и торговый пригород, состоявший из княжеского «города» на Смядыни с княжескими храмами и пристанью» [292, с. 222]. Территория его была огромна. Крайними пунктами

на западе были русло р. Кловки с Троицким монастырем; на севере — Днепр; на востоке — русло р. Чуриловки; на юге — Спасский монастырь в бывшей деревне Чернушки. То есть, получалось, что по своей площади княжеский город превосходил территорию самого Смоленска.

В конце XI в. Смядынь, по мнению С.П. Писарева, еще не была укреплена. Он основывается на событиях 1078 г., когда Всеслав Полоцкий выжег посад, под которым С.П. Писарев подразумевал только Смядынь. Позднее он пересмотрел свою точку зрения и отнес возникновение княжеского города ко времени первых Мономашичей [237, с. 15; 238, с. II]. В свою очередь И.И. Орловский, разбирая вопрос, связанный со строительной деятельностью смоленских князей в XII в., отождествил «храм Бориса и Глеба в городе», упоминаемый в связи с восстанием смолян в 1440 г. против литовцев, с собором Борисоглебского монастыря. Отсюда сам собой напрашивался вывод, что уже в XII в. Смядынь была укреплена [232, с. 218]. Однако Г.К. Бугославский блестяще доказал, что в Смоленске, кроме храма на Смядыни, существовал еще один во имя Бориса и Глеба, который находился в самом городе [142]. Эту точку зрения разделяют все современные исследователи древнесмоленского зодчества [158, с. 338]. Таким образом, вопрос о наличии ранних укреплений Смядыни автоматически снимается. Но, может быть, она была укреплена позднее? В качестве подтверждения своей мысли И.И. Орловский приводит отрывок из «Описания Королевства Польского и Великого княжества Литовского» Целляриуса, который со ссылкой на предшествующих ему авторов сообщает, что Смоленск был защищен с одной стороны Днепром, а с другой — болотами и укреплениями из земли и камня с палисадами на них. «Целляриус понимает, — пишет И.И. Орловский, — не настоящую Смоленскую крепость (арх), а именно вспомогательные укрепления (prorignacula)» [232, с. 218]. Об этих укреплениях говорится в указе Сигизмунда III от 29 апреля 1625 г. об уничтожении на посадах крепостей [222, с. XXVII]. И.И. Орловский видел их остатки в валообразных насыпях «к югу от Борисоглебского монастыря, за теперешними Свирскими казармами» [231, с. 37; 232, с. 218]. Ранее С.П. Писарев также отмечал остатки валов, шедших по берегу р. Кловки до Спасского монастыря и в районе р. Смядынки [237, с. 28–30]. Уже в наше время эту точку зрения разделял И.Д. Белогорцев, который очертил границы не только внешних укреплений Смядыни, но и внутренних [138, с. 145], никак не аргументируя этот вывод.

Описание Смоленска Целляриусом носит компилятивный характер, это признает сам И.И. Орловский. Следует отметить, что он использовал при этом уже устаревшие источники, возникшие до 1602 г. В противном случае он бы отметил в городе наличие не дерево-земляных укреплений, а мощнейшей для своего времени каменной крепости. Предположим, что Целляриус подразумевал укрепления не самой крепости (арх), а посадские дерево-земляные (prorignacula). Выше уже отмечалось, что в начале XVII в. помимо каменной крепости, город имел в Заднепровье дерево-земляные, а возможно, частично и каменные оборонительные сооружения. В левобережной части города каменная крепость с запада

прикрывалась валом Пятницкого острога, который не заходил на территорию Смядынского предместья. Именно эти укрепления и имел в виду указ Сигизмунда III 1625 г. Ошибка исследователей заключалась в том, что они под термином «посад» подразумевали исключительно территорию Смядыни.

Что же касается остатков валов, которые наблюдали С.П. Писарев и И.И. Орловский в районе Борисоглебского монастыря и р. Кловки, то и этому есть свое объяснение. В период осады Смоленска 1609–1611 гг. в этих местах располагались огромные укрепленные лагеря поляков: в Троицком монастыре на Кловке был обширный лагерь польского короля, а в Борисоглебском — гетмана С. Жолкевского [51, с. 6]. В 1964 г. Н.Н. Воронин раскопал одну такую насыпь и выяснил, что это след какой-то планировки. Насыпь состояла из горизонтальных слоев глины и гумуса с обломками керамики XVI–XVII вв. [9, с. 35]. В итоге следует признать, что Смядынь не имела укреплений городского типа.

Возможность существования здесь большого неукрепленного поселения также опровергается. В 1958–1959 гг. Д.А. Авдусиным были заложены 27 шурфов и траншея у развалин Борисоглебского монастыря, у Свирской церкви и на Кловке. В шурфах между Борисоглебским собором и ц. Василия, где в прошлом веке было найдено несколько вислых печатей [238, с. 160], обнаружен сильно перемешанный культурный слой, почти не содержащий домонгольской керамики. Из других вещей этого периода были найдены обломок стеклянного браслета и две бусины. В части шурфов на самом дне встречены черепки чернолощеной керамики XV–XVII вв. Здесь же вскрыто четыре безынвентарных погребения (датировать которые не удалось), являвшиеся, возможно, остатками кладбища времени существования монастыря. Приблизительно те же результаты дали и другие шурфы у Свирской церкви и вокруг нее, а также в районе р. Кловки [102, с. 80, 81].

Незначительное количество древней керамики, отсутствие следов гражданских построек и древних вещей, нахождение на материке керамики XV–XVII вв. ставит под сомнение утверждение С.П. Писарева и И.И. Орловского об эксцентричном ядре Смоленска на Смядыни в XII–XIII вв., «так как крупный поселок, торговый центр, несомненно, оставил бы значительные следы своего существования» [115, с. 81]. Керамика XII–XIV вв. у Свирской церкви оставлена каким-то имевшимся здесь населением, но слои, содержащие ее, не подступают к Днепру, а отходят от него, что также противоречит мнению С.П. Писарева о преимущественной концентрации населения «княжеского города» по берегу Днепра. Скорее всего, это остатки двора князя Давида Ростиславича. Вислые печати, видимо, принадлежали монастырскому архиву.

Таким образом, говорить о каком-то особом княжеском городе на Смядыни нет никаких оснований, хотя и не следует отрицать того, что здесь было какое-то небольшое поселение, связанное с обслуживанием резиденции смоленского князя, которая, в свою очередь, могла иметь некоторые укрепления, отнюдь не городских масштабов. Выше шла речь о церкви Иоанна Богослова, которую многие исследователи Смоленска считают дворцовым храмом, расположенным на территории княжеского двора Романа Ростиславича. Основания для этого

есть. Ипатьевская летопись под 1180 г. (год кончины князя Романа) сообщает, что он «манастыри набдя и созда церковь камену Иоана, и украсив ю всяким строеньем церковным, и иконы златом и хиниптом украшены, память здевая роду своему, паче же и души своей оставление грехов прося» [62, с. 617]. Раскопки И.М. Хозерова (1924 г.) и Н.Н. Воронина (1967 г.) вокруг существующего здания храма позволили установить, что в пределах его погребались представители высшей знати Смоленска. Неординарные дорогие плиты саркофагов, тесанные из фиолетово-розового песчаника, остатки покровов на них, изготовленных из дорогой привозной ткани, богатство одежды погребенных, сшитой из золототканой парчи и шелка и украшенной жемчугом; фрагмент бляшки из тонкого листового золота [282, с. 170; 158, с. 116–139] с достаточной ясностью вскрывают социальную принадлежность погребенных, которые, скорее всего, являлись представителями княжеского рода.

В 1981–1982 гг. автором работы были предприняты раскопки внутри здания церкви, которые позволили судить о богатстве внутреннего убранства храма в древности. В центральной апсиде обнаружены остатки пола XII в., сложенного из многоцветных, поливных, необычных для территории Руси, сердцевидной формы плиток. Внутренняя часть синтрона содержала фресковую роспись типа «политии» [259, с. 85, 86].

Начиная с 1892 г., еще дважды, в 1909 и 1951 гг., при земляных работах, связанных с прокладкой коммуникаций вдоль южной границы Богословской улицы (часть современной ул. Большая Краснофлотская), были вскрыты руины какой-то стены домонгольского времени, сложенной из плинфы. В последний раз И.Д. Белогорцев проследил ее на 18 м в длину. Эти руины интерпретировались по-разному. Сейчас П.А. Раппопорт полагает, что они являлись остатками стены двора Романа Ростиславича [158, с. 134]. На виде 1627 г. (рис. 4) поблизости от церкви Иоанна Богослова изображен ряд каменных сооружений: на переднем плане показаны руины какой-то постройки, скорее всего, стены двора; восточнее — здание церкви; к юго-западу — руины ротонды; а к югу от церкви Иоанна Богослова — на склоне горы — полуразрушенное здание, вероятно, остатки княжеского терема.

В связи с подобной локализацией двора Романа Ростиславича возникает вопрос о назначении круглой каменной постройки — ротонды (2-я половина XII в.). О существовании в Смоленске к западу от церкви Иоанна Богослова какой-то древней постройки (рис. 42) было известно еще в середине XIX в. [176, с. 222]. В 1909 г. при прокладке водопровода рядом с церковью были обнаружены остатки кирпичного здания [175, с. 123]. В 1950 г. они были частично раскопаны И.Д. Белогорцевым [137, с. 106]. В 1955–1956 гг. П.Д. Барановский продолжил их изучение. В 1958 г. Д.А. Авдусин вновь, на этот раз полностью, раскопал здание [114].

Назначение ротонды до конца неясно. И.М. Красноперов считал, что рядом с церковью Иоанна Богослова стояла латинская божница, упоминаемая в торговом договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. [198, с. 92], но уже С.П. Пи-

сарев высказал предположение, основанное на неправильном толковании В.Н. Та-тищева, что это славяно-греко-латинское училище, основанное князем Романом [238, с. 117]. И.Д. Белогорцев, начав с предположения, что «эта постройка являлась в Смоленске первым школьным зданием; далее уже прямо называет ее «Академической школой», оговаривая, впрочем, что «здание школы одновременно могло служить и княжеской гридницей и таможней» [137, с. 106]. Д.А. Авдусин первым отметил сходство плана ротонды с некоторыми североевропейскими церквями. Однако, отсутствие апсиды и тесное расположение внутренних столбов заставили его отдать предпочтение мысли об оборонительном характере здания [114, с. 253]. П.А. Раппопорт снова вернулся к мысли о культовом назначении здания, считая его «немецкой божницей» [158, с. 145–150], служившей центром, заменявшим собой отсутствующий здесь общий торговый двор [278, с. 78].

Аргументы П.А. Раппопорта против отождествления ротонды с оборонительным сооружением сводятся к следующему: монументальные каменные оборонительные башни появляются на Руси только со второй половине XIII в., в это же время подобные сооружения распространяются и в Западной Европе; боевые башни с тесно поставленными внутренними столбами нигде неизвестны; «если бы это была оборонительная башня, ее несомненно поставили бы либо на плоскости берега Днепра, либо на вершине холмистой гряды, но никак не на середине между этими точками, у основания горы, т.е. в самых невыгодных для обороны условиях» [158, с. 146].

Древнейший каменный донжон в г. Лонге (Франция) датируется 955 г., а в 1097 г. была впервые построена шестиугольная в плане башня в замке Гизор (департамент Эр), являющаяся переходной формой к круглым оборонительным башням. С начала XII в. появляются первые круглые башни-донжоны [192, с. 54–56]. Таким образом, тип круглых боевых башен в Западной Европе появляется почти на полтора столетия ранее, чем считает П.А. Раппопорт. То, что такие сооружения не были известны на территории Древней Руси, еще не является аргументом против самого их существования, ведь до раскопок И.Д. Белогорцева и Д.А. Авдусина тип круглого здания не был известен в русской архитектуре, теперь же к смоленской ротонде прибавилась еще и киевская [140, с. 90–103].

В Западной Европе, особенно в ее северной части, в XII в. широкое распространение получили церкви-ротонды [192, с. 41; 199, с. 148–152]. Они были нескольких разновидностей: без внутренних столбов, с одним или несколькими столбами. Одна из таких церквей в Хагби (Юго-восточная Швеция) признается П.А. Раппопортом прямым аналогом смоленской ротонды. Основное отличие ее от смоленской выражается только в наличии апсиды. П.А. Раппопорт отмечает, что в Западной Европе, хотя и редко, но встречаются круглые церкви без апсиды. Однако, при археологических раскопках удастся установить, что ранее апсиды существовали [158, с. 146, 147].

Происхождение данного типа храмов очень древнее. Они возникли в Европе еще в дохристианский период как святилища-убежища древних германских пле-

мен. С принятием христианства в X в. к ним стали пристраивать алтарные апсиды. Позднее эти церкви развились в двухъярусные круглые храмы с центральной боевой башней меньшего диаметра, опорой которой служили массивные внутренние столбы первого яруса церкви. Храм совмещал в себе черты культового сооружения и убежища. На первом этаже во время опасности укрывались люди и скот, а боевая башня второго яруса служила складом для оружия. Верхняя кольцевая площадка была ограждена крепостными зубцами и служила для круговой обороны [199, с. 148, 149]. Таким образом, оборонительная функция подобного рода церквей не вызывает сомнения и, естественно, что она учитывалась при строительстве, возможно, наравне с их культовым значением.

Узкие окна-бойницы смоленской ротонды прямо говорят об их боевом назначении. Все эти доводы противоречат аргументации П.А. Раппопорта. Относительно неблагоприятного для обороны места расположения постройки можно сказать следующее. Сам П.А. Раппопорт, отождествляя ее с «немецкой божницей», отмечал, что был выбран тип храма, приспособленного к обороне. В данном случае его не занимает вопрос о неблагоприятной для ведения военных действий локализации церкви. И лишь пытаясь опровергнуть гипотезу Д.А. Авдусина об оборонительном назначении ротонды, он прибегает к этому аргументу [158, с. 149]. Между тем, располагаясь на средней террасе Казанской горы, она держала под контролем всю долину левобережной части Днепра вместе с дорогой, ведущей из города к Смядыни. Д.А. Авдусин отмечал: «трудно сказать какую оно играло роль в общей системе обороны Смоленска» [114, с. 253]. П.А. Раппопорт же, отрицая ее функцию оборонительной башни, рассматривал ротонду в системе общегородских укреплений. Нам представляется, что ротонда, выстроенная на княжеском дворе, могла быть оборонительным сооружением локального характера, тем более, что П.А. Раппопорт не отрицал ее оборонительных функций, помещая как немецкую божницу на немецкое подворье.

Следует привести и другие аргументы П.А. Раппопорта в пользу отождествления ротонды с немецкой церковью. Во-первых, улицы, расположенные рядом с церковью Иоанна Богослова до 1917 г. именовались «Немецкая» и «Немецкая гора»; во-вторых, в XIX в. рядом находилось немецкое кладбище, что, по мнению П.А. Раппопорта, было бы трудно объяснить, если бы здесь еще в XII в. не жили немецкие купцы, образуя немецкую слободу. Ссылаясь на предшествующих авторов, он считает, что косвенным подтверждением, говорящим о наличии здесь немецкой слободы, может служить тот факт, что у подножия Казанской горы жили специальные возчики для перевозки товаров со Смядынской пристани в немецкую слободу.

Действительно, в Смоленске до 1917 г. существовала Немецкая улица (современная ул. Студенческая), однако, получившая это название только в 1881 г. [225]. В XVI–XVII вв. она являлась западной частью Большой Проезжей улицы. О существовании улицы Немецкая гора ничего неизвестно, но была улица Казанская гора. Немецкое кладбище возникает здесь в самом начале XIX в. [232, с. 219, прим.]. Погребения, вскрытые в процессе раскопок, также относятся к

этому времени. Следов более ранних захоронений у ротонды не обнаружено [114, с. 244]. Так что говорить о традиционной преемственности в использовании этого участка города нет оснований, так как время появления здесь кладбища в начале XIX в. от времени постройки ротонды во второй половине XII в. отстоит почти семь веков.

Теперь о возчиках, обслуживающих, якобы, немецкую слободу. Здесь не будем специально останавливаться на этом вопросе, отметим только, что представление о ее существовании основано на неверном толковании исследователями некоторых документов начала XVII в. Подробнее об этом будет сказано ниже. Таким образом, факты свидетельствуют против отождествления ротонды с немецкой церковью. П.А. Раппопорт совершенно правильно отмечает, что замысел постройки немецкой церкви почти вплотную к княжескому храму остается необъяснимым. Действительно, ротонда находится в 30 м к западу от современного здания церкви. В XII в. вокруг основного объема храма шли галереи шириной около 6 м, которые были одновременны постройке самого здания [158, с. 135–138]. Таким образом, расстояние между храмом и ротондой сокращается до 24 м.

Обращает на себя внимание еще один факт. В пояснении к плану В. Гондиуса под № 63, которым обозначены эти две постройки, сказано, что это «две разрушенные русские церкви» [55, с. 14]. Называя ротонду «русской», В. Гондиус, скорее всего, знал, что эта постройка местного происхождения. Церковь же он назвал ее по аналогии с западноевропейскими башнями-церквями, которые, будучи придворным гравером польско-шведского короля Владислава IX, он неоднократно мог видеть.

В заключение следует признать, что ротонда по первоначальному замыслу являлась, скорее всего, гражданской, а не культовой постройкой, так как все древнерусские храмы более позднего времени строились по определенным и весьма строгим канонам. В расположении ротонды нужно выделить две очень важные особенности: она находится очень близко к церкви Иоанна Богослова и центр ее, что исследователями пока еще не учитывалось, лежит почти на одной прямой с продольной осью храма. Отклонение к северу незначительно — всего 50–60 см. Учитывая оборонительный характер сооружения, который не отрицается ни одним из исследователей, можно предполагать, что ротонда входила в комплекс зданий княжеского двора.

Теперь о назначении ротонды. Я.Е. Боровский и П.П. Толочко, раскопавшие подобную постройку в Киеве, полагают, что это могло быть дворцовое здание [140, с. 102, 103]. В.Г. Пуцко видит в ней католическую церковь [245, с. 230, 231]. Против этого есть возражения. Во-первых, у киевской ротонды не было апсиды. Вся поверхность стены членилась пилястрами, да и следов возможного примыкания апсиды не обнаружено. Во-вторых, не прослежено никаких остатков алтарной ниши, которая обязана быть при отсутствии наружной апсиды. Недавно Ю.С. Асеевым высказано предположение, что киевская постройка была связана с органами городского управления [133, с. 144].

Таким образом, и в Киеве ротонда представляла собой гражданское сооружение. Нам представляется, что смоленская ротонда была одной из построек двора Романа Ростиславича, которая к тому же имела дополнительные оборонительные функции. В конце XII в. княжеский двор переносится западнее, а территория, которую он занимал, переходит под юрисдикцию вечевых органов Смоленска.

В 1404 г., став феодальным сеньором города, литовский князь столкнулся с существовавшей в Смоленске социально-административной структурой, при которой власть князя в городе была вторичной по отношению к вечевым органам — это, скорее всего, не соответствовало его интересам. Вероятно, им были предприняты попытки изменения этого соотношения в свою пользу, что вызвало сопротивление со стороны кончанской оппозиции. Весной 1443 г., воспользовавшись борьбой за власть в Литве, последовавшей сразу за убийством великого литовского князя Сигизмунда, смоляне восстали против литовского владычества. В литературе обычно рассматривают это восстание только с этой точки зрения. Однако дело обстояло, видимо, несколько иначе.

Напомним вкратце суть происшедшего. Смоленский наместник Андрей Сакович, прослышав о смерти Сигизмунда, привел смолян к присяге на верность Литве. Однако, вскоре они решили избавиться от литовского наместника. Начался бунт черных людей, среди которых были кузнецы, кожевики, горшечники, мясники, котельники. Андрей Сакович обратился к смоленским боярам, и те пообещали помочь при условии, что литовские бояре будут изгнаны из города. Сакович, видимо, согласился, так как бунт черных людей был подавлен при участии местных бояр. Однако, чувствуя непрочность своего положения, Сакович и литовские паны под покровом ночи бежали, а восстание вспыхнуло с новой силой. Смоляне схватили и утопили в Днепре смоленского маршалка Петрика и выбрали своим воеводой Андрея Дмитриевича Дорогобужского. Но боярам эта кандидатура не подошла из-за того, «что не они сами избрали его, а простые люди» [106, с. 158], и они попросили помощи у Литвы. Узнав об этом, смоляне на вече решили обратиться за помощью к Мстиславскому князю Юрию Семеновичу Лунгвеневичу, прославившемуся в битве при Грюнвальде, где он командовал смоленскими полками. Юрий жестоко наказал бояр, поддерживавших Литву, а имения их конфисковал и роздал своим сторонникам. В конечном итоге восстание было подавлено новым литовским князем Казимиром, а Юрий вынужден был бежать в Новгород.

Из приведенного краткого описания можно видеть, что восстание происходило как бы в два этапа. На первом этапе восстания обращает на себя внимание позиция смоленского боярства. Сначала оно придерживалось нейтралитета в борьбе черных людей с литовским наместником. Когда же он обратился к ним за помощью, то они выдвинули свои условия, которые сводились к нейтрализации литовского боярства в управлении городом. После принятия этого требования они жестоко расправились с восставшими. В таком случае не было ли восстание черных людей инспирировано самой местной знатью для упрочения своих

позиций в борьбе за власть с пришлым литовским боярством. Подобные случаи в истории не единичны. Ущемленные в своих интересах политикой литовского князя и его наместника боярская оппозиция Смоленска вызвала недовольство черных людей и их руками попыталась добиться ограничения великокняжеской власти. Второй этап восстания характеризуется междоусобной борьбой местных боярских группировок. Движущими силами выступают также черные люди. Кандидатура Андрея Дорогобужского по какой-то причине не подошла одной из группировок. Когда же к власти пришел Юрий Лунгвенович, то начались репрессии против сторонников Литвы. Антилитовское движение смолян, а также борьба боярских группировок ослабили город, и в ноябре следующего года Смоленск вновь попадает под власть Литвы.

Борьба литовского князя и кончанских институтов, вероятно, привела к победе первого. В конце XV в. литовский князь выступает полновластным феодальным сеньором города, который контролирует городской земельный фонд и его перераспределение. Так, в 1497 г. Александр, в частности, изымает часть земель у смоленского епископа и взамен их дает ему пожалования на Рачевке [44, с. 167, № 144]. Обращает на себя внимание факт перехода к Александру земель в Пятницком и Крылошевском концах, что было бы невозможным, будь кончанские организации столь сильны, как в прежнее время. К этому времени кончанские институты теряют былое значение. Окончательный удар по их самостоятельности наносит Василий III, который с присоединением Смоленска к Московскому государству «бояром смоленским поместья подав на Москве, а москвичам в Смоленску поместья подавал» [58, с. 235]. Точно также поступил Иван III после присоединения Новгорода к Московскому государству.

Подводя итоги, надо отметить, что княжеское землевладение складывалось в борьбе с кончанско-вечевыми институтами города, которые на раннем этапе существования Смоленска были доминирующими и диктовали свои условия князю. Однако, с течением времени в борьбе с централизованной властью сначала литовского князя, а затем и московского кончанские органы управления отходят на задний план и вскоре совсем ослабевают. Князь же становится феодальным сеньором города, распоряжаясь фондом городских земель по своему усмотрению.

Территория сотен

Сотенная административно-территориальная система организации населения возникла в Смоленске, вероятно, с момента появления в городе княжеской администрации. Самое раннее упоминание ее относится к началу XIII в. Это «Петровское сто», отмеченное Житием Меркурия Смоленского [50, с. 75]. Но сотенная организация, конечно, возникает раньше, о чем свидетельствует история строительства церкви Петра и Павла. Сотский как представитель княжеской администрации впервые упоминается в торговом договоре Смоленска с Ригию и

Готским берегом 1229 г. [95, с. 20, 25, 30, 35, 40, 45]. Этот документ констатирует факт существования сотенного населения в XII–XIII вв., но не дает никакого представления о занимаемой им территории (Подробнее см. Приложение III). Об этом можно судить только на основании поздних источников конца XVI – начала XVII вв. Но в это время сотенная организация имела уже совершенно иной характер. Сотни становятся основными территориально-административными единицами, подчиненными центральной власти сначала московского князя, а затем и царя в лице их наместника. Деление же Смоленска на концы осуществляется, видимо, лишь по глубоко укоренившейся традиции. Тем не менее при рассмотрении социальной топографии города следует более подробно остановиться на этом вопросе для того, чтобы представить организацию посадского населения Смоленска в XVI – начале XVII вв.

Основными источниками по этой проблеме являются данные смоленской крестоприводной книги 1598 г. и документы смоленской Приказной избы начала XVII в. Следует отметить, что городские сотни в ряде документов именуются сохами или полусохами, то есть происходит замена одних понятий другими. Термином «сотня» обозначается определенная территориально-административная единица, тогда как термин «соха» или «полусоха» определяет единицу тяглого обложения определенной части посадского населения, проживающего на территории сотни. Подобная взаимозаменяемость понятий могла осуществляться лишь в том случае, если административная единица города совпадала с определенной тягловой – сохой или полусохой.

Удалось выявить названия семи сотен (Веденецкая, Везовеньская, Воровская, Воскресенская, Городенская, Крылошевская, Пятницкая) и локализовать некоторые из них (рис. 39).

Территориально сотни распределялись следующим образом. Пять сотен находилось в левобережной части города и две – в Заднепровье. Из них Воскресенская и Пятницкая сотни располагались на территории бывшего Пятницкого конца; Крылошевская сотня – на территории одноименного ей бывшего городского конца; Воровская и Веденецкая сотни сосредотачивались в районе рек Большой и Малой Рачевки, первая – к югу от Крылошевского конца, а вторая – к югу от Архиепископской слободы. В Заднепровье Городенская сотня находилась в междуречье Городянки и Ильинки и, возможно, территориально совпадала с бывшим «Городенским» концом. К востоку от нее, по течению р. Вязовеньки, располагались земли Вязовенской сотни.

Рассмотренные материалы иллюстрируют высказанное выше положение о том, что в конце XVI – начале XVII вв. в Смоленске основной территориально-административной единицей организации населения была сотня. Кончанская же система управления городом к началу XVI в. утратила свое первоначальное значение, деление Смоленска на концы становится просто традиционным и играет незначительную роль в его жизни, достаточно сказать, что Пятницкий и Крылошевский концы в период обороны Смоленска 1609–1611 гг. выделили для защиты города меньше всего людей.

Церковное землевладение

В литературе по истории Смоленска вопрос о церковном землевладении практически не рассматривался. Немногие работы, затрагивающие эту тему, связаны с изучением и разбором грамот смоленской епископии середины XII — начала XIII вв. и в большей степени посвящены исследованию земельного домена смоленского князя [161, с. 214–258; 238, с. 12; 296, 298, 121, 122]. Следует отметить немногочисленность источников по этому вопросу, которая присуща всем данным по социальной топографии города. Это в первую очередь грамоты смоленской епископии, а также ряд документов XV–XVII вв. Не последнее место занимают данные архитектурной археологии.

Церковное землевладение в Смоленске невозможно рассматривать лишь в рамках древних городских укреплений, при этом необходимо учитывать и смежные территории, которые в более позднее время административно вошли в черту города, хотя находились за пределами его стен. Связано это с тем, что они играли важную роль в истории города и в значительной мере повлияли на процесс образования городской территории.

Епископское землевладение

Официальная дата крещения Смоленской земли — 1013 г. [149, с. 6, прим. 4]. Очевидно, что уже с этого момента церковь начинает играть все усиливающуюся роль в жизни Смоленского княжества и, в первую очередь, его столицы. Данных о церковном землевладении этого периода нет, можно только предположить, что уже в то время в руки церковных организаций начинают попадать различные участки территории города, на которых стояли первые церкви.

В 1101 г. Владимир Мономах «заложил церковь у Смоленське, святое Богородице камяну епискупью» [62, с. 250]. В это время смоленский городской собор находился вплоть до 1136 г. под патронатом переяславского епископа. В жалованной записи 1150 г. князя Ростислава Мстиславича первому епископу Смоленска Мануилу говорится: «А се и еще и холм даю святей Богородицы и епископу, яко же дано дедом моим Володимиром Семеонови (переяславский епископ — *Н.С.*) прежде епископу строити наряд церковный и утверждение» [108, с. 146]. Было высказано предположение, что уже около 1101 г. под строительство городского собора Владимиром Мономахом переяславскому епископу был передан один из холмов города, ныне — Соборный [238, с. 12; 296, с. 46]. В 1136 г. в Смоленске учреждается собственная епископия во главе с Мануилом, что положило начало складыванию владычного земельного домена и выдвинуло смоленского епископа в число крупнейших феодальных землевладельцев. Помимо многочисленных пожалований в различных частях Смоленского княжества, упомянутых Уставной грамотой князя Ростислава, Мануилу отдается ряд территорий и в самом городе. К тому участку на Соборной горе, который был пожалован еще Влади-

миром Мономахом, присоединяется «огород с капустником, и с женою и з детьми». В Заднепровье епископия получает участок в охотничьих угодьях князя с «тетереvник с женою и з детьми» [108, с. 144].

По справедливому мнению Я.Н. Шапова, жалованная запись 1150 г. о передаче «холма», с одной стороны, может свидетельствовать об окончательном официальном закреплении за епископией Соборной горы, а с другой — о передаче ей какого-то другого холма в городе. Второе предположение представляется более вероятным. Во всех грамотах смоленской епископии XII—XIII вв. применительно к тому месту, где находился кафедральный собор, употребляется термин «гора». Здесь же использован термин «холм». Видимо, жалованную запись надо понимать следующим образом: Ростислав Мстиславич дает епископии «холм» в городе «строити наряд церковный и утверждение», как в свое время Владимир Мономах пожаловал участок на «горе» переяславской епископии. Думается, что в 1136 г. при учреждении епископии Ростислав передал ей тот же самый участок, а вместе с ним огород. Следует напомнить, что князь скорее выступает здесь как выразитель воли кончанской администрации, поскольку данные территории находились на землях концов. Я.Н. Шапов отождествляет «холм» со Спасской (Козловской) горой, где в 1939 г. И.М. Хозеровым были обнаружены остатки церкви XII в. [296, с. 46]. Но, может быть, здесь подразумевается и другой холм. В 1497 г. великий литовский князь Александр Казимирович производит перераспределение городских земель. Среди владений главы смоленской епископии и его предков упоминается Васильевская гора — старое название Вознесенской горы [44, с. 167, № 144]. Не этот ли «холм» передал в 1150 г. Ростислав Мстиславич смоленской епископии?

В документе 1497 г. говорится также о епископских землях в Пятницком и Крылошевском концах. Фраза «перед тым Церковь Божья и владыки Смоленские мели, предки его» свидетельствует о том, что эти земли перешли во владении епископии задолго до составления грамоты, может быть, вскоре после учреждения смоленской епископии [44, с. 167, № 144]. Установить местонахождение этих владений в Пятницком конце пока нельзя. Иначе обстоит дело с территориями в Крылошевском конце. В жалованной грамоте 1497 г. упомянуто «место церковное звечное» у пристани на Днепре, которая, как считается, располагалась на песчаной косе к северо-востоку от Крылошевских ворот крепости начала XVII в. [241, с. 2, № 27]. Примерно в 250 м к югу от нее в 1929 г. при земляных работах обнаружены руины церкви, как полагал И.М. Хозеров, первой половины XII в. [158, с. 335]. Возможно, что «место церковное звечное», принадлежащее епископу, располагалось именно здесь.

В полукилометре к востоку от его владений, в Крылошевском конце, были раскопаны остатки двух храмов середины-конца XII — первой половины XIII в. — церкви в Перекопном переулке и на Малой Рачевке [113, 158, с. 221—228]. Церковь в Перекопном переулке, по мнению П.А. Раппопорта, была княжеской и находилась в загородной резиденции князя Ростислава Мстиславича [158, с. 115], что вызывает некоторые сомнения. Удельный вес епископско-

го землевладения в восточной части Смоленска был столь велик, что этот район города получил название Крылошевского конца. Рассматриваемая же территория в XII—XIII вв., хотя и не входила в пределы этого конца, располагалась в непосредственной близости к нему. Это дает основание считать, что епископские владения охватывали и район расположения церкви в Перекопном переулке.

Кроме того, в 1497 г. в районе речки Малой Рачевки упомянуты епископские земли, которые, исходя из контекста грамоты, принадлежали смоленскому епископу ранее [44, с. 167, № 144]. Топографически этот район совпадает с местом расположения открытых церквей. Таким образом, можно полагать, что здесь была не княжеская загородная резиденция, а епископская, и зарождение Архиепископской слободы на Рачевке, хорошо известной по документам конца XV в., следует отнести к XII—XIII вв.

В замечательном литературном памятнике домонгольского времени Житии Авраамия Смоленского содержатся сведения по интересующему нас вопросу. В начале XIII в. смоленский епископ Игнатий решил создать церковь «в память себе» во имя Игнатия Богоносца. Для этого он скупает земли, занятые огородами за городом (здесь подразумевается территория за пределами укреплений) и на этом месте возводит каменную церковь. Однако, по каким-то причинам эта постройка его не удовлетворила, и ее разрушили. После чего епископ строит храм, посвященный «Положению риз богородицы» в ином месте. Этот храм становится монастырским собором, в котором игуменствовал после своего оправдания Авраамий [91, с. 154]. По мнению Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта, этот храм с большой долей вероятности можно отождествлять с огромным собором, раскопанным Н.Н. Ворониным в 1962—1963 гг. на восточной окраине Рачевки. Кроме даты постройки собора — конец XII — начало XIII вв. — в пользу этого отождествления говорит сделанная на стене южной галереи запись-граффити о «врагах-игуменах», связанная с гонениями на Авраамия в первые годы XIII в. [158, с. 327; 254, с. 179].

На рубеже XII—XIII вв. епископия, вероятно, приобретает землю к северу от Соборной горы (вдоль современной ул. Соболева). Здесь исследователи города локализуют два храма (рис. 42), построенных в честь смоленских епископов Симеона (упом. в 1197 г.) и Лазаря (упом. ок. 1220 г.), названия которых позднее дали имена башням каменной крепости [158, с. 336, 337].

На улице Соболева были заложены раскопы УС-VIII, IX, XI, которые вскрыли остатки городской застройки. Обращает на себя внимание тот факт, что с середины XII в. происходит перепланировка этой территории [134, с. 12]. По наблюдениям Н.И. Асташовой, с конца 90-х гг. XII в. происходит резкое сокращение встречаемости светских вещей, в частности, полностью исчезают предметы вооружения и конского снаряжения. На усадьбах А и Б в слоях, соответственно, конца XII в. и 90-х гг. XII в. (15 ярус) были найдены две берестяные грамоты — синодики, то есть записи с именами умерших или здравствовавших, предназначенные для поминания во время богослужения [116, с. 189—193; 117, с. 70]. В грамоте 7 наряду с другими именами упоминается имя «Геремей». Л.В. Алексеевым

была высказана интересная мысль, что Геремей грамоты и Геремей, упомянутый в торговом договоре 1229 г. как участник посольства Мстислава Давыдовича на о. Готланд и в Ригу, одно и то же лицо [124, с. 30]. Действительно, в тексте договора среди членов посольства упомянут «лучший поп Еремей» [95, с. 20]. Если это так, то грамоту следует рассматривать как запись с именами здравствующих людей.

В слоях 14 яруса (рубеж XII–XIII вв.) отмечена находка воздвизального креста, которым благословляли молящихся в праздник Воздвижения [264, вып. 2, с. 285]¹. Это вещь сугубо культового назначения.

Совокупность археологических данных и нахождение двух епископских храмов на участке, расположенном к северу от Соборной горы, свидетельствует, таким образом, о переходе этого района города на рубеже XII–XIII вв. под контроль епископии. Это последнее приобретение епископии. Эта территория и владения у пристани располагались в границах Крылошевского конца. Существовавшая в это время в Смоленске кончанско-сотенная организация населения не позволяла князю производить пожалования из фонда земель, принадлежащих концам. Следовательно, можно предположить, что эти территории были приобретены епископом у администрации Крылошевского конца путем совершения пожалования или путем купли, как это произошло в случае с епископом Игнатием.

О росте епископского домена в XIV в. ничего не известно. Документы, характеризующие дальнейший рост городских епископских владений, относятся уже к самому концу XV в. В 1497 г. князем Александром смоленскому наместнику Юрию Глебовичу выдается грамота, подтверждающая право епископа Иосифа Солтана на пустующие земли, пожалованные в свое время великим князем Казимиром смоленскому владыке Михаилу «на двадцать человек, на чом бы мог их посадити и двory бы тым люди могли себе збудовати з огороды» [70, с. 172]. В это время рост богатств епископии не ограничивается княжескими пожалованиями. Так, Иосиф покупает в Смоленске Дедковский сад у своего боярина Пахома [44, с. 172, № 148]. Выше уже упоминалась грамота 1497 г., отражающая процесс перераспределения городских владычных земель. Эта акция, возможно, была направлена на укрепление обороноспособности города в связи с непрекращающимися претензиями на него со стороны Московского государства. При этом епископские владения, находящиеся в Пятницком (на Васильевской горе) и Крылошевском концах и за Днепром, переходили князю. За епископом в городе сохранялись только территория владычного двора на Соборной горе и «еще в городе дали есмо церкви Божьей и владыце мети осьмь дворов его людей церковных звечных». Вместо отторгнутых владений ему передавались земли за р. Большой Рачевкой, где уже в XII–XIII вв. была заложена основа будущей Архиепископской слободы. К этим, пока еще небольшим владениям присовокупляется огромный в масштабе города земельный массив (около 40 га). Границы его примерно следующие. Начинаясь на западе от русла р. Б. Рачевки, он шел по

¹ Выражаю благодарность Н.И. Асташовой, атрибутировавшей крест.

обе стороны «дороги великое» (восточный участок совр. ул. Соболева), северной его границей был Днепр. Далее он простирался за р. М. Рачевку «до двора где воля сидит нашое великое княгини Олены» [44, с. 167, № 144], располагавшегося в районе современного Окопного кладбища [238, с. 172]. Это было одно из самых значительных владений епископии в Смоленске. Достаточно сказать, что перед осадой города поляками в 1609 г. Архиепископская слобода для обороны города предоставила 178 человек, то есть больше, чем такие крупные смоленские монастыри как Авраамиевский (21 чел.), Спасский (18 чел.), Михаило-Архангельский (21 чел.), Петровский (37 чел.), Покровский (3 чел.), Духовской (10 чел.), Троицкий (2 чел.) вместе взятые [81, с. 158, № 233]. Да и в другое время Архиепископская слобода выделяла на различные городские нужды больше всего людей [81, с. 13, № 17; с. 79, № 136].

В XVII в. по окончанию строительства каменной крепости часть территории Крылошевского конца (Крылошевская сотня), находящаяся за ее границами, Архиепископская и монастырские (Еленская, Духовская, Авраамиевская) слободы, а также земли Воровской и Веденецкой сотен были реорганизованы в Рачевский посад.

Данные археологических исследований в совокупности с поздними письменными источниками в состоянии помочь выявить участки городской территории, которые в ранний период смоленской истории входили в состав епископского домена.

Другая жалованная грамота Александра епископу Иосифу Солтану (1497 г.) упоминает как давно принадлежащее епископу место «в Чуриловичах на горах» [44, с. 168, № 145]. Чуриловская слобода располагалась на правом берегу р. Чуриловки и тянулась с юга на север до Днепра. П.П. Свиньин считал, что территория Чуриловской слободы не ограничивалась правобережьем р. Чуриловки, а имела продолжение и на западном ее берегу, вплоть до церкви Михаила Архангела (Свирской). Эта ее часть в более позднее время получила название Свирской слободы [260, с. 310]. Однако Чуриловскую слободу следует ограничивать, видимо, только правобережной частью реки, поскольку в документах XV–XVII вв. имеется в виду сравнительно небольшая территория, подверженная к тому же периодическим отливам и приливам населения.

Впервые поселение на р. Чуриловке упоминается под 1457 г. и характеризуется как «Чурилово сельцо пустое» [70, с. 43], то есть к этому времени оно испытывало упадок, вызванный, скорее всего, политикой литовской администрации, уделявшей больше внимания городу, а не пригородам; сравнительно недавним (1440 г.) волнениям смолян против Литвы, а также опустошительным наводнением, последовавшим в 1443 г. Употребление источниками термина «сельцо» свидетельствует о сравнительно малых размерах поселения. Упоминание «Чуриловичей на горах» подразумевает, что поселение распространялось и на низинную часть, вплоть до берега Днепра. Таким образом, уже в конце XV в. Чуриловская слобода занимала пространство от истоков р. Чуриловки до ее устья.

Для обозначения этого поселения источники употребляют наименования

«Чурилово сельцо» и «Чуриловичи». Известно, что в славянских языках имена с окончаниями «ичи» или «овичи» имеют патронимное происхождение, означая не что иное, как «сыновья» или «дети» [196, с. III]. В древнерусском языке имя Чурило идентично имени Кирилл. Таким образом, поселение названо именем какого-то Чурилы-Кирилла или его детей. Все это свидетельствует о большой древности Чуриловской слободы. Исследователи полагают, что на наименование реки перешло название церкви конца XII — первой половины XIII вв., раскопанной в устье р. Чуриловки, а затем на само поселение [158, с. 238]. Оно существовало здесь еще до постройки церкви, на что указывает наличие культурного слоя XII в., предшествующего закладке храма. С ростом городской территории низинная часть Чуриловского поселения вошла в пределы Пятницкого конца, а затем и острога. Это произошло, скорее всего, в самом конце XII в., когда резиденция смоленского князя переносится при Давиде Ростиславе в район Смядыни, а ее центром становится храм Михаила Архангела, возведенный в начале 90-х гг. XII в. Мнение Л.В. Алексеева, рассматривающего район Чуриловки как место сосредоточения дворов членов семьи Ростиславичей, не находит, таким образом, подтверждения [124, с. 152–154].

В отличие от князя епископ мог иметь свои владения на территориях, находящихся под юрисдикцией концов, однако, грамота 1497 г. поясняет, что Иосиф Солтан имел пожалования не просто на Чуриловке, а именно «на Горах», следовательно, это место нужно искать в верховьях р. Чуриловки, то есть за пределами городских укреплений. Здесь же, видимо, находился и епископский двор. В конце XIX в. на ул. Дальняя или Богословская Козинка (современная ул. Пушкина) С.П. Писарев обнаружил следы древнего храма — плинфовую кладку и фрагменты фресковой росписи [236, 237, с. 25; 238, с. 154]. В настоящее время остатки храма не найдены, но недалеко от этого места П.А. Раппопортом в 1974 г. была раскопана кирпичеобжигательная печь (конец XII — начало XIII вв.), возможно, изготовлявшая плинфу для строительства церкви на епископском дворе [252, с. 75]. Можно полагать, что эта церковь фигурирует в поздних источниках под названием Богоматеринской [44, с. 170, № 145 П; 93, с. 31]. Владения епископа в этом месте были значительны. Помимо двора самого епископа, ему в конце XV в. принадлежали пашенные земли, бобровые гоны на речке Чуриловке и бортницы [44, с. 169, 170, № 145 П]. Тут же располагались и владения других крупных феодалов, границы которых постоянно оспаривались, в связи с чем приходилось прибегать к решению верховной власти литовского князя [44, с. 167, 168, № 144]. С окончанием строительства новой каменной крепости слободы по р. Чуриловке, как и слободы на Рачевке, начинающиеся «в сажнях десяти» от городской стены, были приписаны к «подгородным посадам», на основании того, что здесь проживали «торговые мещане, а не пашенные люди» [222, прилож. с. 60, 61]. Но уже в документе 1680 г. на этом месте упоминается лишь «слободка Чуриловка, где жили крестьяне» [56, с. 43, 45], то есть к концу XVII в. эта территория становится сугубо сельскохозяйственным пригородом Смоленска.

В 1621 г. уже во времена польского владычества в Смоленске польский король

Сигизмунд III дает привилей епископу Сергию на смоленскую архиепископию: «Также придает к тому и слободу за Днепром з церковью мурованной заложения святых апостол Петра и Павла, зо всеми до тых двор и слободы принадлежностями» [266, с. XVII]. Следовательно, в начале XVII в. архиепископ получает земли и в Заднепровье, в районе церкви Петра и Павла. Другой, более поздний документ (1633 г.), относящийся к правлению Владислава IV, более точно очерчивает границы пожалования. Здесь упоминается «млын (мельница — Н.С.) на речце Городной и вес грунт меж речкою Городною и Шклянною, на котором была слобода при владыцтве Смоленском» [266, с. XXXIII]. Под этим подразумевается слобода между речками Городянкой и Шклянной, существовавших еще в то время, когда Смоленск принадлежал Русскому государству, то есть до 1611 г. В документах смоленской Приказной избы 1609–1611 гг. упомянуты люди «Новой загородской льготной слободы» или «Новой слободы из-за Городни» [42, т. 2, с. 310, 311, № 259; 81, с. 157, 158, № 232; с. 213, № 248; с. 216, № 250]. Исследователи Смоленска помещали эту слободу как раз в этом междуречье, однако она считалась просто новообразованием, возникшим на посаде, и не получила никакой социальной интерпретации [238, с. 42; 232, с. 241, прим.; 281, с. 230]. В источниках применительно к этой слободе употреблено определение «новая». Следовательно, она возникла незадолго до 1609 г., видимо, в конце XVI в. Весьма важно, что это была льготная слобода, то есть поселение, жители которого были освобождены от несения тягла вместе с черными посадскими людьми. Такие беломестные слободы в большинстве случаев принадлежали церковным организациям. Можно предположить, что грамоты 1621 и 1633 гг. только подтверждают право владения епископом этой слободой. Сама же она возникает в конце XVI в. именно как собственность смоленского владыки.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что смоленский епископ был одним из крупнейших феодалов княжества. Рост владычных богатств начинается на рубеже XI–XII вв., когда Владимир Мономах решает построить каменный Успенский собор. Но, можно полагать, что церковь имела владения в городе задолго до возведения нового Успенского собора, так как он строился, скорее всего, на месте старого деревянного храма. В противном случае пришлось бы считать, что до 1101 г. Смоленск не имел городского собора, что маловероятно. Интенсивный рост епископских владений начинается с учреждения независимой от переяславской местной епископии. В левобережной части города владыке переходит Соборная гора, территория к северу от нее, Спасская или Вознесенская горы. В восточной части города закладываются основы будущей Архиепископской слободы, а в западной епископ приобретает участок по берегу р. Чуриловки с пашенными землями бортым деревом и бобровыми гонами. На правом берегу Днепра — в Заднепровье — епископия получает от Ростислава Мстиславича часть его охотничьих угодий.

К концу XV в., в результате перераспределения городских земель, на Рачевке возникает огромная Архиепископская слобода, которая существовала здесь очень долго. В конце XVI в. в Заднепровье, в междуречье Городни и Шклянной, основывается Новая льготная слобода.

Способы, какими епископ приумножал свои богатства, были многочисленны. Однако, местные источники позволяют выделить только три из них. Это, в первую очередь, княжеские пожалования; во-вторых, покупка земель у города; в-третьих, приобретение недвижимого имущества путем покупки его у других землевладельцев.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода отмечен интенсивный рост епископского землевладения (рис. 40), который вывел смоленского владыку в число крупнейших и богатейших феодалов княжества.

Монастырское землевладение

Другим крупнейшим феодалом являлся смоленский архимандрит. Город был окружен кольцом монастырей, многие из которых возникли еще в домонгольское время. Используя данные различных категорий источников, удалось установить названия и местоположение 13 смоленских монастырей: Борисоглебского, Петровского, Михаило-Архангельского, Троицкого, Спасского, Еленского, Ризоположенского, Авраамиевского, Покровского, Печерского, Крестовоздвиженского, Пятницкого, Духова — которые существовали в рассматриваемый период (рис. 41)¹.

В литературе бытует мнение, что в Смоленске существовали еще два монастыря: Козьмодемьянский и Богородицкий, которые связывают с остатками одной и той же церкви конца XII — начала XIII вв., расположенной на Богословской улице (современная ул. Большая Краснофлотская). Большинство историков, рассматривавших этот памятник, считали его остатками церкви Козьмодемьянского монастыря, построенного в 1146 г. Это отождествление основывалось на сообщении Никоновской летописи. И.И. Орловский доказал, что известие о постройке в 1146 г. четырех храмов, среди которых упоминается и Козьмодемьянский в Новгороде, ошибочно перенесены на Смоленск. Однако, по инерции сам И.И. Орловский и другие исследователи продолжали связывать эти руины с Козьмодемьянским монастырем [292, с. 228, прим. 2, с. 239; 137, с. 89; 138, с. 142; 181, с. 91].

Используя данные позднего источника, П.А. Раппопорт сделал попытку отождествить церковь с остатками Богородицкого монастыря. В этом документе говорится, что в 1609 г. лагерь польских войск был устроен между тремя каменными монастырями — Троицким, Спасским и Богородицким [158, с. 281]. Упоминание Богородицкого монастыря есть и в дневнике С. Маскевича, бывшего очевидцем осады Смоленска [72, с. 17]. Однако другой очевидец и, видимо, участник осады города, пишет, что лагеря польских войск располагались в Троицком, Борисоглебском, Михайловском и Спасском монастырях [51, с. 6]. В отписке 1609 г. царю Василию Шуйскому смоленских воевод Б. Шеина и П. Гор-

¹ Описание монастырей см. Приложение IV.

чакова о приходе польского короля Сигизмунда под Смоленск сказано: «пришед под Смоленск, стали в Троецком и в Спасском и в Борисоглебском и в Органгельском и в Духовском монастырях» [42, т. 2, с. 318, № 266]. Следует подчеркнуть, что этот источник заслуживает наибольшего доверия, так как оставлен руководителями и организаторами обороны города, но и здесь нет никакого упоминания о Богородицком монастыре. Появления сведения о нем, видимо, связано с недостаточным знанием местности иностранцами, современниками осады Смоленска. Таким образом, достоверно можно говорить о существовании в городе и вокруг него 13 монастырей, причем все они, скорее всего, существовали и в домонгольский период.

За месяц до начала осады города поляками был составлен список слобожан Архиепископской и монастырских слобод, оставшихся за осадной росписью. «Архиепископли слободы слобожан 178 человек, быти з Битяговским в Крылошевском конце. Аврамьева монастыря слобожан 21 человек, быти з Битяговским (то есть в Крылошевском конце — *Н.С.*), Спасского монастыря слобожан 18 человек, быти в Пятницком конце. Архангельского монастыря слобожан 21 человек, быти в Пятницком конце. Петровского монастыря слобожан 37 человек, быти за Днепром. Покровского монастыря слобожан 3 человека, быти за Днепром. Духова монастыря 10 человек, быти з Битяговским (в Крылошевском конце — *Н.С.*). Троецкого монастыря 2 человека, быти в Пятницком конце» [81, с. 158, № 233].

В этом списке упомянуты семь из тринадцати монастырей. Слобожане остальных пяти монастырей (Борисоглебского, Печерского, Еленского и Пятницкого), по-видимому, вошли в осадную роспись. Монастырь, условно названный Ризоположенским, к этому времени уже не существовал, как, впрочем, и Крестовоздвиженский.

Обращает на себя внимание тот факт, что каждой административно-территориальной единице Смоленска соответствуют свои монастыри. К Крылошевскому концу приписаны Авраамиевский и Духов монастыри; к Пятницкому — Спасский, Архангельский и Троицкий; к «Городенскому» — Петровский и Покровский. Эта взаимосвязь монастырей и концов, скорее всего, прослеживается и в более ранний период. Монастыри, расположенные в западной части города и его предместьях, были приписаны к Пятницкому концу; в восточной части — к Крылошевскому, в Заднепровье — к «Городенскому», то есть являлись, по существу, кончанскими монастырями. Если наши наблюдения верны, то с каждым городским концом было связано по четыре монастыря. В Пятницком — это Спасский, Михаило-Архангельский, Троицкий, Пятницкий; в Крылошевском — Авраамиевский, Духов, Еленский, Ризоположенский; в «Городенском» — Петровский, Покровский, Печерский, Крестовоздвиженский.

Особняком стоит Борисоглебский монастырь. Территориально он должен был бы находиться под юрисдикцией Пятницкого конца. Но старейший смоленский монастырь, возникший в самом начале XII в., а затем возвысившийся в годы правления Ростислава Мстиславича, по существу, переходит под покров-

вительство династии смоленских князей. Позднее здесь находится резиденция смоленского архимандрита [93, с. 29], что стало возможным, когда, по-видимому, в конце XII — начале XIII вв. княжеская династия ослабла, и право юрисдикции над монастырем перешло к городу. Такие явления в Смоленске не единичны в этот период (например, история церкви Петра и Павла). Таким образом, Борисоглебский монастырь становится общегородским. Именно поэтому здесь находилась резиденция архимандрита. Подобная закономерность распределения монастырей между соответствующими концами была отмечена В.Л. Яниным в Новгороде, где каждому из концов соответствовали свои определенные монастыри, находившиеся под их юрисдикцией. Юрьев же — резиденция новгородского архимандрита — был среди них главным, общегородским и находился под юрисдикцией всего города [307, с. 136—140]. В связи с этим возникает вопрос, не был ли смоленский архимандрит, подобно новгородскому, одним из городских магистратов, который выбирался из числа игуменов кончанских монастырей, образовавших при нем особый совет [307, с. 141—148].

В связи с затронутой проблемой следует особо остановиться на характеристике еще одного монастыря — Вознесенского, который, как считают, был основан Василием III в 1515 г. [222, с. 157; 231, с. 29; 277, с. 122]. По непонятным причинам он не упоминается в документах смоленской Приказной избы. Находясь на территории Пятницкого конца, он, таким образом, нарушает предложенную схему взаимосвязи концов и монастырей. Но, во-первых, количество монастырей, находящихся под юрисдикцией соответствующих концов, не обязательно должно было быть одинаковым. Во-вторых, в городе могли существовать и другие монастыри, сведения о которых не сохранились. И, наконец, в-третьих, и это основное, если упомянутые выше монастыри возникли в эпоху существования кончанско-вечевого строя в Смоленске (что и объясняло их зависимость от соответствующих концов), то Вознесенский монастырь был основан тогда, когда кончанской структуре города Василием III был положен конец и, соответственно, связь старых монастырей с концами осуществлялась по традиции. Именно поэтому Вознесенский монастырь и не вписывается в предложенную схему.

Переходя к вопросу о земельных владениях смоленских монастырей, нужно отметить, что определить их местоположение на территории города, за редким исключением, невозможно из-за очень скромного объема источников, которые к тому же относятся к началу XVII в.

Существуют данные на 11 монастырей. Местоположение слобод с зависимым от монастыря населением, являвшихся основным видом монастырских владений в городе, установить трудно. Но, предполагая определенную зависимость самих монастырей от концов, можно считать, что их слободы располагались на участках, подведомственных городским концам. Лишь Борисоглебский монастырь в силу своего особого положения мог иметь владения в любой части Смоленска. Документы начала XVII в. упоминают крестьян Борисоглебского монастыря и принадлежавшую ему слободу [42, т. 2, с. 174, № 148; с. 276, № 233; с. 291, № 245; 81, с. 79, № 136]. В Пятницком конце существовали слободы Архангельского [81,

с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233], Троицкого [81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233], Спасского [81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233] монастырей, но определить их местонахождение нельзя. Лишь одну из слободок, принадлежавших Спасскому монастырю, можно отождествить со «Спасской слободкой на Воскресенской горе», расположенной внутри каменной крепости [81, с. 39, № 67].

В Крылошевском конце известны слободы, принадлежавшие Еленскому [81, с. 13, № 17], Духову [42, т. 2, с. 313, № 260; 81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233] и Авраамиевскому [42, т. 2, с. 313, № 260; 81, с. 13, № 17; с. 132, № 224; с. 158, № 233] монастырям. Местоположение их неизвестно, хотя И.И. Орловский считал, что Авраамиевская слобода находилась в районе поздней Офицерской слободы конца XVIII в., к юго-востоку от стен каменной крепости [232, с. 241, прим.]. Это предположение основано лишь на непосредственной близости места Офицерской слободы от Авраамиевского монастыря. Можно также предположить, что одна из слобод Еленского монастыря располагалась на месте села, принадлежавшего в XV в. княгине Елене Ивановне.

В «Городенском» конце в Заднепровье отмечены слободы Печерского [81, с. 79, № 136], Покровского и Петровского [81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233] монастырей, местоположение которых неизвестно. Предположительно, слобода Петровского монастыря находилась рядом с Новой льготной слободой смоленского владыки.

Другой формой феодальной собственности на землю было право монастырей иметь на территории города дворы и подворья, где жили зависимые от монастырей ремесленники и торговцы, именовавшиеся дворниками. Население монастырских дворов было освобождено от несения тягла вместе с посадскими черными людьми, а доходы с них поступали в княжескую казну в форме оброка. Наиболее значительный рост монастырского дворовладения наблюдается на протяжении XIV–XV вв., что было связано с развитием промыслов и торговли во владениях духовных феодалов [285, с. 356]. Л.В. Черепнин на примере городов Северо-восточной Руси выделил пять основных способов, с помощью которых монастыри заводили частную недвижимую собственность в городах: монастыри получали от князя места под дворы, на которых возводили жилые постройки; получали от князя уже застроенные дворы на «белых местах», то есть на земле, освобожденной от посадского тягла; покупали принадлежавшие князьям и боярам «беломестные» дворы; в ряде случаев к монастырям переходили черные дворы путем получения у князя права на покупку их у черных посадских людей; иногда тяглые городские дворы отходили к монастырям в качестве вклада со стороны их владельцев [285, с. 357, 358].

О монастырском дворовладении в Смоленске в рассматриваемый период пока можно судить только по документам смоленской Приказной избы. В конце XVI — начале XVII вв. в пределах каменной крепости Михаило-Архангельский монастырь имел три двора [81, с. 86, № 148; с. 160, № 234; с. 233, № 260]. По одному двору имели Борисоглебский [81, с. 170, № 238] и Духов [81, с. 37,

№ 64] монастыри. Больше всего дворов — три двора и одно подворье — числилось за Троицким монастырем [81, с. 159, № 234; с. 200, № 243]. Относительно количества дворов, принадлежавших этому монастырю, возникают некоторые сомнения. Один из Троицких дворов локализуется на Воскресенской горе. Еще в 1598 г. здесь существовала церковь Живоначальной Троицы [93, с. 31], которой и могла принадлежать часть перечисленных дворов. Троицкое подворье, несомненно, находилось во владении Троицкого монастыря. Если же перечисленные дворы и, в частности, двор на Воскресенской горе, были монастырскими, то в расположении монастырских дворов, как и слобод, выявляется определенная закономерность. Иначе говоря, монастырские дворы находились на землях тех концов, к которым были приписаны сами монастыри.

Данные о монастырском дворовладении неполные, так как дворы могли располагаться на обширных посадах города, которые к началу осады Смоленска были полностью выжжены самими жителями. Видимо, по этой же причине источники упоминают дворы, принадлежавшие лишь четырем монастырям. Подтверждением этому служат сведения второй половины XVII в. относительно числа дворов, принадлежащих Авраамиевскому монастырю. Если в 1678 г. их в Смоленском уезде насчитывалось 93, то в 1700 г. дворов уже было 148 [151, с. 91, 92]. Несомненно, часть из них находилась и на территории Смоленска. Можно предположить, что и в рассматриваемый период этот монастырь имел какое-то число дворов в Смоленске.

Помимо обладания слободами и дворами существовали и иные категории монастырского землевладения. К примеру, в начале XVII в. Троицкому монастырю в городе принадлежали сады [81, с. 159, № 234; с. 201, № 243].

Следует отметить, что помимо городских монастырей свои дворы и подворья имели в Смоленске и монастыри, в частности, Болдинский и Шиловский, расположенные за пределами стольного города [81, с. 233, 235, № 260], которые, вполне возможно, в свое время могли быть приписаны соответствующим концам.

Таким образом, смоленские монастыри, владея слободами, дворами, подворьями и землями, занятыми под сады, являлись крупным феодальным собственником. Главенствующим среди них был Борисоглебский монастырь с резиденцией архимандрита, который, вероятно, имел право на владения в любой части города; тогда как остальные монастыри обладали недвижимостью лишь в каком-то одном и вполне определенном конце Смоленска.

Землевладение приходских церквей

Структура организации смоленских приходских церквей находилась в прямой зависимости от социальной организации населения города, что обусловило деление этих церквей на две категории — кончанские и сотенные. Ктиторами первых являлись либо весь конец целиком — таким общекончанским приходским собором считается храм на Воскресенской горе, принадлежащий Пятниц-

кому концу [158, с. 250] — либо отдельные представители боярской кончанской верхушки. Ктиторами сотенных приходских церквей выступали либо вся сотня как единое целое, либо сотенные торгово-ремесленные организации типа «Петровского ста», либо отдельные представители сотенного населения города — крупные землевладельцы и феодалы — которые, однако, не входили в состав городских концов. Особенность социальной организации смоленского населения предопределила и топографию приходских церквей, характерной чертой которой являлось строительство сотенных храмов либо на общегородских, либо на землях, не принадлежащих городским концам [257, с. 58]. Своеобразную категорию приходских церквей составляли уличанские храмы, ктиторами которых выступало население одной из городских улиц. Особенность их состояла в том, что население той или иной улицы могло включать представителей обеих категорий населения города — как кончанского, так и сотенного.

Земельная собственность приходских церквей складывалась, в основном, из пожалований прихожан-землевладельцев. Княжеские же церкви, обычно, существовали за счет ежегодной руги (денежного или натурального вклада) и очень редко — земельного пожалования [283, с. 169–174].

Дошедшие до нашего времени документы, как правило, относятся к позднему периоду смоленской истории и практически не содержат интересующих нас сведений не только о церковном дворовладении или принадлежности храмов той или иной организации, но даже о самом их местоположении. Документы смоленской Приказной избы сообщают о дворовладении трех-четырёх церквей, места которых определяются, в свою очередь, ориентировочно. Это церковь Богородицы Гончарской, имевшей три двора на территории Воскресенской сотни; Богородицкая церковь, владевшая одним двором на землях Воскресенской сотни (возможно, церковь Богородицы Гончарской и Богородицкая — это одна и та же церковь); церковь Благовещенская (один двор на территории Воскресенской сотни); церковь Ярославских чудотворцев (один двор в Пятницком конце).

Конечно, в Смоленске существовали и другие приходские храмы, владевшие дворами в различных частях города, однако никаких дополнительных сведений о них нет.

Тем не менее весьма скромный объем исторических сведений, содержащихся в источниках, позволяет все же выявить еще одну категорию представителей смоленского класса феодалов — это приходские церкви, которым принадлежали дворы с зависимым от них населением. Сами же члены церковного приходского причта проживали, как правило, при церквях, на так называемых «белых землях» [246, с. 48].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смоленск имеет длительную и сложную историю, которую в пределах рассматриваемого хронологического периода можно условно подразделить на три неравномерных по протяженности этапа.

Первый охватывает историю города с момента его возникновения и до захвата в 1404 г. литовцами; второй этап характеризуется господством литовцев в Смоленске вплоть до 1514 г., когда город был воссоединен с Русским государством; и третий охватывает время нахождения его в составе России до захвата в 1611 г. поляками.

Политическая история Смоленска находилась в тесной связи с социально-экономической и культурной жизнью самого города и округа, что, в свою очередь, повлияло на процесс формирования его топографии, который представляется возможным условно делить на три периода, характеризующих изменяющуюся роль города и место его в системе других городов средневековой Руси.

Наиболее длительным по времени является ранний период, включавший этапы возникновения, становления и превращения Смоленска в столицу обширного Смоленского княжества.

Картографируя разновременные поселения вокруг Смоленска, Е.А. Шмидт пришел к выводу, что в IX–X вв. численность их в этом районе резко возрастает, что свидетельствует о возникновении и существовании здесь крупного ремесленно-торгового пункта городского типа [291, с. 43–61]. Это заключение согласуется с указанием летописей, которые упоминают Смоленск уже в IX в. Но данные его топографии не в состоянии прояснить вопросы ранней истории города, в частности, местоположения первоначального поселения и времени его возникновения. В основном они характеризуют более поздние периоды его жизни.

Смоленск возник как город крупной ветви кривичей и, вероятно, в первое время одной из его функций была консолидация кривичского населения, а также освоение и присоединение части земель, занятых другими летописными племенами (вятичи, радимичи) к Смоленской земле. В X–XI вв. Смоленская земля является составной частью Древнерусского государства: киевские князья пользуются правом сбора полюдя среди кривичей [48, с. 273]. Но с развитием

феодализма набирает силу местная знать, что вызвало необходимость иметь собственного князя. Для обеспечения эксплуатации и повиновения смердов и защиты территории Смоленской земли от посягательств соседних Новгородской и Полоцкой земель [226, с. 165]. Ранняя история Смоленска характеризуется борьбой за обособление и независимость от Киева. Политическая обособленность Смоленской земли особенно явно начала проявляться в годы правления князя Ростислава Мстиславича (1125–1159 гг.), с которым связано ее территориальное расширение и возвышение. В это время она оказывает значительное влияние на общерусские дела, а одной из основных задач Смоленска в начале XII в. стало укрепление княжеской администрации во вновь освоенных районах и защита его интересов от посягательств других князей.

В ранний период территория и население города имели сложную организационную структуру. Источники в целом указывают на кончанско-вечевой характер управления городом, что, вероятно, нашло отражение в существовании в Смоленске, как это было в Новгороде, двух административно-территориальных систем: боярской-кончанской и сотенной-княжеской — повлиявших на распределение фонда городских земель. В связи с этим в настоящей работе предпринята попытка уточнить границы смоленских концов, упомянутых в поздних источниках, что невозможно сделать без рассмотрения оборонительных сооружений, очерчивавших территорию города.

Древнейшие укрепления Смоленска так же, как и место его первоначального поселения, неизвестны. Можно реконструировать лишь более поздние оборонительные сооружения, так называемого «Старого города», возведенные, вероятно, уже в начале XII в. Прибрежная северная часть его представляла собой деревянную крепость, а с напольной южной стороны была возведена система валов. Крепость была дополнительно усилена башнями (минимум четыре известно в северной и одна в южной ее части). Площадь укрепленной городской территории, таким образом, была равна, примерно, 65 га, а протяженность оборонительной линии составляла более 3,5 км.

По-видимому, во второй половине XII в. (до 1197 г.) к западной части крепости пристраивают укрепления Пятницкого острога, которые по своей мощи уступали оборонительным сооружениям «Старого города», но были достаточно протяженными (1,6 км). Следует отметить, что в пределах этих линий обороны на раннем этапе истории города существовало более одиннадцати улиц, из которых две, связывавшие западную — восточную и северную — южную части Смоленска, были наиболее важными. На трассировку улиц в целом большое влияние оказал сложный рельеф города, вынуждавший ориентировать их в соответствии с общим направлением оврагов.

Всю западную часть территории «Старого города» охватывал Пятницкий конец, его юрисдикции подлежал, скорее всего, и Пятницкий острог. К Крылошевскому концу относились, вероятно, вся восточная часть «Старого города» и районы вдоль берега Днепра, вплоть до нижнего течения р. Большой Рачевки. Третий гипотетично выделенный конец города, условно названный «Городен-

ским» располагался, вероятно, в заднепровской части Смоленска. Поселение здесь возникает, по-видимому, уже с XII в. Постепенно разрастаясь, оно к началу XV в. обносится мощным укреплением — «Острогом». В Заднепровье установлено существование как минимум двух улиц, шедших в направлении с запада на восток.

Скудость источников не позволяет решать на их материале проблемы возникновения и становления кончанского устройства Смоленска, но по аналогии с Новгородом можно предположить, что возникновение первоначальных поселков — концов, за исключением «Городенского», следует отнести, скорее всего, к периоду, предшествовавшему сложению на территории Смоленска городского образования. Население концов состояло из местной феодальной знати и зависимого от нее населения. Впоследствии в городе появляется князь со своей администрацией и возникает, вероятно, сотенная административно-территориальная система организации населения. Население сотен было, видимо, относительно независимым и, в конечном итоге, в более позднее время оно способствовало изживанию феодального характера города.

Вторичность княжеской власти обусловила порядок распределения городских земель. Князь, очевидно, распоряжался лишь землями, принадлежащими сотенной организации и не имел земельной собственности в пределах «Старого города». Факт передачи князем епископу участков в «Старом городе», зарегистрированный в грамотах 1136 и 1150 гг., объясняется тем, что он, как глава исполнительной власти, выражал в данном случае волю кончанских органов управления.

Часть земель в городе принадлежала церкви, в частности, крупным феодалом был местный епископ, владения которого складываются с момента учреждения в 1136 г. смоленской епископии, которой передали Соборную гору и часть земель в Заднепровье. В 1150 г. к ним присоединяется Вознесенская гора, позже — земли на правом берегу р. Большой Рачевки, на рубеже XII—XIII вв. — участки к северу от Соборной горы. В распоряжении епископии находились, видимо, и земли в верхнем течении р. Чуриловки.

Некоторые городские земли принадлежали монастырям, в положении которых выявляется определенная закономерность. Похоже, что они находились под юрисдикцией тех концов, на территории которых располагались. Исключение составляет Борисоглебский монастырь, который, вероятно, был общегородским и являлся резиденцией архимандрита. Определенный процент городских земель, безусловно, принадлежал приходским церквям, которых в Смоленске было довольно много.

Многообразным функциям Смоленска как центра феодального господства должна была соответствовать и определенная структура его органов, тем более, что он осуществлял задачи политического и административно-хозяйственного управления как входившими в состав княжества землями, так и самим городом. Следует отметить, что, говоря об управлении городом, надо иметь в виду и его сельскохозяйственную округу, так как понятия «город» и «волость» давно уже

оказались тесно связанными, что само собой вытекает из характера летописных документов, в которых обладание каким-то городом всегда идентично обладанию... и его округой — волостью [182, с. 43].

Немногочисленность данных не позволяет определить местонахождение всех смоленских органов управления и административно-хозяйственных комплексов. Установлено лишь место Владычного двора (Соборная гора), который располагался там с момента учреждения смоленской епископии. Владычный двор выполнял задачи управления обширными владениями епископа, а также всеми религиозными делами Смоленской земли.

Многочисленные административно-хозяйственные функции осуществлял Большой городской торг, бывший сосредоточением общественной жизни Смоленска и располагавшийся, видимо, на территории Пятницкого и Крылошевского концов у главных (Днепровских) ворот крепости «Старого города». Можно полагать, что именно здесь собиралось смоленское вече, игравшее достаточно серьезную роль в жизни города, хотя характер его, так же как и состав не нашли отражения в источниках. Что касается кончанских институтов управления, о существовании которых в Смоленске можно лишь догадываться, то их структуру и механизм действия определить не удастся.

Наличие княжеского аппарата управления в городе было результатом сформировавшейся системы феодализма и явлением, вероятно, вторичным по отношению к более древней кончанско-вечевой организации. Надо полагать, что княжеская администрация располагалась в резиденциях смоленских князей, которые, по крайней мере со второй половины XII в., находились за городом — рядом с Борисоглебским монастырем, у церкви Иоанна Богослова и Михаила Архангела. Летописные данные свидетельствуют о каких-то столкновениях между двумя административно-территориальными системами в Смоленске, так как интересы княжеской власти и местных бояр-землевладельцев совпадали далеко не всегда. В целом же развитие общественных отношений постепенно вело к снижению роли древней системы управления, хотя в условиях феодализма обе системы способствовали в конечном счете его укреплению, поскольку в вече главенствующее значение имели, вероятно, бояре.

Интересы городских низов, зависимого и относительно свободного населения в виде торгово-ремесленной прослойки, были, вероятно, противоположны, за нечастым исключением, стремлениям главенствующих политических сил, что нашло смутное отражение в Житии Авраамия Смоленского. Авраамий обращался «к малым же и к великим, рабам же и свободным и рукодельникам» [92, с. 10] с проповедью, направленной против все возрастающего богатства церкви. Хотя, по Уставной грамоте Ростислава, преступления против церкви подлежали рассмотрению судом епископа [108, с. 144], Авраамия, обвиненного в ереси, вызвали на княжеский суд, происходивший, правда, на Владычном дворе (возможно, что такую форму имел сместной суд князя и епископа, упоминаемый Уставной грамотой Ростислава). Вероятно, проповеди Авраамия были направлены не только против церкви; трудно понять, почему князь и бояре оправдали

его. Одним из возможных объяснений может быть опасный размах движения Авраамия, так как волнения на этом не кончились — «мнози же мечницы на всех путех стрежааху, а неции разграблени быта». В этих волнениях, судя по всему, принимали участие непривилегированные слои городского населения, которых в первую очередь должна была тронуть проповедь Авраамия, и среди них — «рукодельники» — по мнению М.Н. Тихомирова [270, с. 196], ремесленники. Таким образом, события, нашедшие отражение в Житии, имеют оттенок классовой борьбы. Вряд ли подобные столкновения основных сил города, принимавшие разнообразные формы, были единичны, но других сведений о них нет.

В последующие, с 1404 г., 110 лет Смоленск находился в составе Литовского государства. Верховным сюзереном города считался великий князь литовский, а от его имени в Смоленске правил наместник. Судя по грамотам 90-х гг. XV в., князь становится практически единоличным владельцем городского земельного фонда и распоряжается им по своему усмотрению, пытаясь заручиться поддержкой некоторых представителей местной знати и, в первую очередь, духовенства. В это время в восточном предместье, Рачевке, возникает обширная (около 40 га) Архиепископская слобода, а на Чуриловке во владение епископа переходят пахотные земли, бобровые гоны и бортницы. Местный владыка, таким образом, становится одним из крупнейших землевладельцев в городе.

Очевидно, процесс концентрации феодальной власти в руках литовского князя вызывал серьезное недовольство у населения Смоленска, свидетельством чему служит крупное восстание 1440 г. Ход его, так же, как и цели различных слоев городского населения, принимавшего в нем участие, не совсем ясны. Вероятно, в этих событиях можно усматривать тенденции как освободительного, так и классового характера. В целом, социально-политическое развитие Смоленска в этот период привело, по-видимому, к подавлению и изживанию традиционно сложившихся и действовавших в течение длительного времени кончанско-вечевых институтов. В противном случае литовский князь не смог бы в таких масштабах распоряжаться крупными земельными участками в городе.

Основные действия литовской администрации по отношению к устройству Смоленска сводятся к ремонту его оборонительных сооружений и к поддержанию общественного порядка в городе путем предоставления его жителям некоторых льгот. Тем не менее, к середине XV в. расширяется территория Заднепровского посада, которая доходит до Покровской горы. Видимо, он при этом получает какие-то дополнительные укрепления, о характере которых на основе существующих данных судить трудно.

В 1514 г. Смоленск воссоединяется с Московским государством. Проводя целенаправленную централизаторскую политику, Василий III переселяет местных бояр под Москву, а крупных московских землевладельцев в Смоленск, нанеся тем самым окончательный удар по кончанской организации населения. С этого времени концы, потеряв прежние функции, становятся чисто топографической единицей, существующей лишь по традиции. Основной административно-территориальной единицей организации смоленского населения становятся сотни.

Как минимум пять из них размещались в левобережной части Смоленска и две — в Заднепровье. В связи с этим меняется и система органов управления городом — появляются новые административно-хозяйственные учреждения, главной задачей которых является проведение политики централизации.

На Вознесенской горе строится Государев двор — резиденция смоленского наместника — состоящий из комплекса административных, жилых и хозяйственных построек. Рядом с ним располагался Конюший двор. Центром воеводского управления городом являлась Приказная изба, находившаяся в западной части «Нового большого города». На Большом городском торгу помещались Земская и Таможенная избы, Житный двор, «Кружало» и Большие тюрьмы. В Заднепровье вдоль дороги на Москву основывается Ямская слобода, в этой же части города продолжают существовать Литовский гостиный двор и Заднепровский торг.

Особое значение в этот период придается повышению обороноспособности Смоленска как важной пограничной крепости и форпосту Русского государства на западе.

В 30-х гг. XVI в. город в южной его части обносят новой линией земляных валов. Протяженность укреплений «Нового большого города» достигает 2,5 км; высота валов, по верху которых шел деревянный тын, колебалась от более чем 6 м до 10—12 м. Это сооружение было настолько мощным, что даже с возведением каменной крепости в 1596—1602 гг. поражало современников.

Усиливается и обороноспособность Заднепровского посада так, что иностранные путешественники принимали за город именно его. Укрепления «Острога» к концу XVI в. охватывали территорию площадью около 50 га, но часть населения размещалась и за его пределами. Впервые в истории Смоленска здесь возводятся каменные укрепления. В конце рассматриваемого периода в Заднепровье существовало три типа оборонительных сооружений: каменные и деревянные стены и башни, тын.

В левобережной части в пределах «Старого города», Пятницкого острога и «Нового большого города» существовала, по меньшей мере, 21 улица. Некоторые из них, возникшие в предшествующие периоды (Большая дорога — Молоховская или Щель), получают свое продолжение на новой территории. В Заднепровском «Острого» в это время фиксируется еще одна улица — Щекина.

Такой представляется в настоящий момент схема сложения исторической топографии Смоленска. В ней отсутствует целый ряд важных деталей, восполнить которые могут лишь широкомасштабные археологические исследования культурного слоя города. Наличие данных геологического бурения и настоящая работа, в которой намечены наиболее значимые в историческом отношении районы Смоленска, могут способствовать организации планомерных и целенаправленных археологических работ на территории одного из древнейших русских городов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архивные материалы

1. Авдусин Д.А. Отчет об археологических раскопках в г. Смоленске в 1951 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 618. 183 л.
2. Авдусин Д.А. Отчет об археологических раскопках в Смоленске и в Гнездове в 1955 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 1111. 49 л.
3. Авдусин Д.А. Отчет о работах Смоленской археологической экспедиции в 1965 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3138. 55 л.
4. Авдусин Д.А. Отчет о работах Смоленской археологической экспедиции в 1966 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3355. 54 л.
5. Авдусин Д.А. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3565. 29 л.
6. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Смоленской экспедиции в 1968г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3795. 42 л.
7. Авдусин Д.А. Отчет о работах Смоленской экспедиции в 1969 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3985. 73 л.
8. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездове Смоленской археологической экспедиции за 1974 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 5318. 131 л.
9. Воронин Н.Н. Отчет о раскопках в г. Смоленске за 1964 г. -Архив ИА АН СССР, р-1, № 2972. 55 л.
10. Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской архитектурно-археологической экспедиции за 1965 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 3064. 37 л.
11. Милонов Н.П. Ценные археологические памятники на территории Кремля в Смоленске // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1939, д. 39а. 6 л.
12. Сапожников Н.В. К вопросу об исторической топографии г. Смоленска. — Дипломная работа. Рукопись. Хранится на кафедре археологии МГУ. М., 1974. 96 с.
13. Урьева А.Ф. Стратиграфия и хронология раскопа У по ул. Соболева в г. Смоленске. // Дипломная работа. Рукопись, Хранится на кафедре археологии МГУ. М., 1974. 151 с.
14. Вид г. Смоленска начала XVII в. // ГИМ, Отдел изобразительных памятников, ед. хр. 8923.
15. Смоленск. Кремлевская стена с башней. // ГИМ, Отдел изобразительных памятников, ед. хр. 10290.
16. Hadfield. Ville de Smolensko. (1787 г.). // ГЭ, Отдел рисунка, ед. хр. 3814.
17. Маевский К. Зарисовки и обмеры древних крепостных сооружений г. Смоленска. 1868 г. Перспективный вид Никольской башни с внутренней стороны. // ГЭ, Отдел рисунка, ед.хр. 40981.
18. Медаль на взятие Смоленска Сигизмундом III в 1611 г. // СОМ, ед.хр. 16686/38, рис. 52.
19. Медаль на взятие Смоленска Сигизмундом III в 1611 г. // СОМ, ед. хр. 16686/33, рис. 53.

20. Медаль на победу под Смоленском Владислава IV в 1634 г. // СОМ, ед. хр. 16686/33, рис. 70.
21. П. Литографский камень с планом города Смоленска 1627 г. // СОМ, ед. хр. 1487.
22. Таблицы из серии гравюр В. Гондиуса «Осада Смоленска в 1632–1634 гг.» // СОМ, ед. хр. 16255/1–16.
23. План г. Смоленска 1730–1746 гг. // Альбом карт и чертежей крепостей Российской империи. // ЦГА ВМФ, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 937. л. 133, 134.
24. План г. Смоленска 1762 г. // Атлас планов крепостей Российской империи. // ЦГА ВМФ, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 958. л. 103 об., 104.
25. План Смоленска 1774 г. // Атлас планов и описаний крепостей Российской империи и карт укрепленных линий. ЦГИА ВМФ, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 938, л. 4 об., рис. 16.
26. План г. Смоленска 2-й половины XVIII в. // Атлас планов крепостей и укреплений России. ЦГА ВМФ, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 951, л. 103, 104.
27. План г. Смоленска 1796 г. // ЦГА ВМФ, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 946.
28. План г. Смоленска 1-ой половины XIX в. Планы русских крепостей. // ЦГА ВМФ, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 956, л. I, рис. 16.
29. План г. Смоленска с вокруг лежащей ситуациею, с историческим и фортификационным описанием 1773 г. // ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22597.
30. План г. Смоленска 1779 г. Планы городов Смоленского наместничества. // ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21583, л. 2.
31. План г. Смоленска 1780 г. // Атлас городов Смоленской губернии с описанием. // ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21584, л. 2.
32. План Смоленской крепости с лежащей около оной ситуациею 1793 г. // ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22598.
33. План г. Смоленска 2-й половины XVIII в. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22599, л. 2.
34. План Смоленска нынешнего положения 1816 г. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22600.
35. План Смоленской крепости 1778 г. // ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 168, ед. хр. 6.
36. План Смоленской крепости 1778 г. // ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. I, ед. хр. 757.
37. План Смоленской крепости 1779 г. // ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. I, ед. хр. 758.
38. План г. Губернского города Смоленска 1781 г. // Атлас Смоленского округа. ЦГИАЛ ф. 1350, оп. 312, ед. хр. 38, л. 2.
39. План г. Смоленска с показанием частей, взорванных неприятелем в 1812 г. (1816 г. – ?). // ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 4, ед. хр. 2.
40. План города Смоленска конца XIX в. // ЦГИАЛ, ф. 1424, оп. I, ед. хр. 271.

Источники

41. Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. // Памятники древнерусской литературы. — Пг., 1916. — Вып. 2. — Т. XXIII. — 304 с.
42. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. 1; 2. — 351; 438 с.
43. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Дополнения. — СПб., 1846. — Т. I. — 400 с.
44. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1846. — Т. I. — 375 с.
45. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. — СПб., 1836. — Т. 1 — 491 с.; т 2. — 392 с.
46. Алеппский П. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. — М., 1897-1900. — Вып. 1 — 154 с.; вып. 2 — 202 с.; вып. 3 — 204; вып. 4 — 195; вып. 5 — 207 с.
47. Арсений, архиепископ Алаассонский. Описание путешествия в Московию (1588-1589 гг.). — Историческая библиотека, 1879. — № 9. — С. 45-97.
48. Константин Багрянородный. Об управлении государством. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М.: Наука, 1982. — С. 269-320.
49. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. — Л.: Наука, 1971. — 275 с.
50. Белецкий Л.Т. Литературная история повести о Св. Меркурии Смоленском. — Сб. ОРЯС. — Пг.: АН СССР, 1922. — Т. 99. — № 8. — 93 с.
51. Вельский С. Дневник 1609 г. Самуила Вельского. // ЧОИДР. — 1848. — Кн. 6. — С. 1-24.
52. Варкоч Н. Описание путешествия в Москву посла Римского императора Николая Варкоча с 22-го июля 1593 года. // ЧОИДР. — 1874. — Кн. 4. — С. 1-36.
53. Воскресенская летопись. // ПСРЛ. — СПб., 1856, 1859. — Т. 7; 8 — 345; 301 с.
54. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. — СПб., 1908. — 382 с.
55. Гондиус В. Изображение атаки и обороны Смоленска. 1634. (MDCXXXIV). — СПб., 1847. — 64 с.
56. Документ деревни Чернушки 1680 г. // Смоленская старина. — Смоленск, 1911. — Вып. I. — Ч. 2. — С. 41-45.
57. Дорожные записки 1797 г. // Щукинский сборник. — М., 1903. — Вып. 2. — С. 216-227.
58. Евреиновская летопись. // ПСРЛ. — М.: Наука, 1980. — Т. 35. — С. 214-239.
59. Жолкевский С. Рукопись. Начало и успех Московской войны в царствование Е.В. Короля Сигизмунда III, под начальством Его Милости пана Станислава Жолкевского, воеводы киевского, напольного коронного гетмана / Изд. П. Мухановым. — М., 1835. — 348 с.

60. Инвентарь г. Смоленска 1654 г. // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси. — Вильна, 1904. — С. I-XX, 1-17.
61. Иоасафовская летопись. — М.: АН СССР, 1957. — 238 с.
62. Ипатьевская летопись. // ПСРЛ. — М.: Вост. лит., 1962. — Т. 2. — 938 с.
63. Кобенцель И. Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // ЖМНП, 1842. — № 9. — Ч. 35. — С. 127-153.
64. Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). — СПб., 1906. — 322 с.
65. Лаврентьевская летопись. // ПСРЛ. — М.: Вост. лит., 1962. — Т. I. — С. 1-286.
66. Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. — М.-Л.: АН СССР, 1963. — Т. 28. — С. 11-163.
67. Летопись великих князей литовских. / Изд. А.Н. Поповым. — СПб., 1854. — 50 с.
68. Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // ЖМНП. — 1837. — № 2. — Ч. 16. — С. 327-394.
69. Литовская метрика. // РИБ. — СПб., 1903. — Т. 20. — С. 1-1564.
70. Литовская метрика. // РИБ. — СПб., 1910. — Т. 27. — С. 1-872.
71. Львовская летопись. // ПСРЛ. — СПб., 1910-1914. — Т. 20. — Ч. I. 418 с.; ч. 2, с. 419-686.
72. Маскевич С. Записки. // Сказания современников о Димитрии Самозванце. — СПб., 1834. — Ч. 5. — 235 с.
73. Мейерберг А., фон. Донесение Августина Мейерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московию. // ЧОИДР, 1873. — Кн. 3. — С. 1-104; кн. 4. — С. 105-108; 1874. — Кн. I. — С. 169-2К.
74. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. — М.-Л.: АН СССР, 1936. — 288 с.
75. Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606-1608). — М., 1907. — 297 с.
76. Никоновская летопись. // ПСРЛ. — М.: Наука, 1965. — Т. 9. — 256 с.; т. 10. — 244 с.; т. II. — 254 с.; т. 12. — 266 с.; т. 13. — 532 с.
77. Новгородская первая летопись. — М.-Л.: АН СССР, 1950. — 641 с.
78. Новгородская вторая летопись. // ПСРЛ. — СПб., 1841. — Т. 3. — С. 115-201.
79. Новый летописец. // ПСРЛ. — М.: Наука, 1965. — Т. 14. — С. 23-154.
80. Отрывки из дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королем Владиславом. 1632-1634. // РИБ. — СПб., 1872. — Т. I. — С. 721-774.
81. Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг. / Под ред. Ю.В. Готье. // ЧОИДР, 1912. — Кн. I. — С. 1-299.
82. Пернштейн И. Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана II при московском дворе в 1575 г. — М., 1876. — 20 с.
83. Петров Н.И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. // ЧОИДР, 1897. — Кн. 2. — С. 1-128.
84. Повесть временных лет. / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — М.-Л.: Наука, 1950. — Т. I. — 405 с.

85. Поход его королевского величества в Москву (Россию) 1609 г. — РИБ. — СПб., 1872. — Т. I. — С. 427-719.
86. Принц Д. Начало и возвышение Москвы. Сочинение Даниила Принца из Бухова. // ЧОИДР. — 1876. — Кн. 4. — С. 1-46.
87. Пясецкий П. Смутное время и Московско-польская война. // Памятники древней письменности и искусства. — СПб., 1887. — Т. I. — 68-81 с.
88. Разрядная книга 1475-1598. — М.: Наука, 1966. — 614 с.
89. Разрядная книга 1550-1636. — М.: АН СССР, 1976. — Т. I. — 242 с.
90. Разрядная книга 1475-1605. — М.: АН СССР, 1981. — Т.2. — Ч. I. — 219 с.
91. Редков Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. // Смоленская старина. — Смоленск, 1909. — Вып. I. — Ч. I. — С. 1-176.
92. Розанов С.П. Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. // Памятники древнерусской литературы. — СПб., 1912. — Вып. I—XXVI. — 162 с.
93. Роспись выдаваемой от царицы Александры Федоровны руги смоленским церквам и монастырям из рославльских житниц. // Смоленская старина. — Смоленск, 1911. — Вып. I. — Ч. 2. — С. 29-34.
94. Смоленская крестоприводная книга 1598 г. // Источники по истории русского языка. — М.: Наука, 1976. — С. 131-167.
95. Смоленские грамоты XIII-XIV вв. — М.: АН СССР, 1963. — 139 с.
96. Софийская первая летопись. // ПСРЛ. — СПб., 1851, 1853. — Т. 5. — С. 75-275; т. 6. — С. 1-54.
97. Софийская вторая летопись. // ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 113-276.
98. Стадницкий М. История Димитрия царя московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской. Дневник Мартына Стадницкого. // РА. — 1906. — Кн. 2. — № 5. — С. 129-174; № 6. — С. 177-222.
99. Сумникова Т.А. «Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви» в кругу других смоленских источников XII в. // Восточно-славянские языки. Источники для их изучения. — М.: Наука, 1973. — С. 128-146.
100. Таннер Б.Л. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. — М., 1891. — 202 с.
101. Тверская летопись. // ПСРЛ. — М.: Наука, 1965. — Т. 15. — С. 1-504.
102. Тектандер фон дер Ябель Г. *Iter persicum* — краткое, но обстоятельное и правдивое описание путешествия в Персию, предпринятого в 1602 г. // ЧОИДР. 1896. — Кн. 2. — С. 1-54.
103. Толстой П.А. Путешествие стольника П.А.Толстого. // РА. — 1888. — Кн. I. — № 2. — С. 161-204.
104. Успенский сборник XII-XIII вв. — М.: Наука, 1971. — 754 с.
105. Устюжская летопись (Архангелогородский летописец). // ПСРЛ. — Л.: Наука, 1982. — Т. 37. — С. 56-103.
106. Хроника Быховца. // ПСРЛ. — М.: Наука, 1975. — Т. 32. — С. 128-173.

107. Хроника Литовская и Жмойтская. // ПСРЛ. — М.: Наука, 1975. — Т. 32. — С. 15-127.
108. Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. — М.: Наука, 1976. — 240 с.

Литература

109. Авдусин Д.А. Археологические раскопки в Смоленске. // Смоленский альманах. — Смоленск: Смолгиз, 1952. — Вып. 10. — С. 219-227.
110. Авдусин Д.А. Некоторые итоги и задачи археологического исследования в г.Смоленске. // Смоленский альманах. — Смоленск: Смолгиз, 1952. — Вып. II. — С. 196-204.
111. Авдусин Д.А. К вопросу о первоначальном месте Смоленска. // ВМУ. Сер. общ. наук. — 1953. — № 7. — С. 123-137.
112. Авдусин Д.А. Возникновение Смоленска. — Смоленск: Смол. книжное изд-во, 1957. — 56 с.
113. Авдусин Д.А. Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке). // СА. —1957. — № 2. — С. 228-238.
114. Авдусин Д.А. Смоленская ротонда. // Историко-археологический сборник, — М.: МГУ, 1962. — С. 243-253.
115. Авдусин Д.А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. — Смоленск: Смолгиз, 1967. — С. 36-85.
116. Авдусин Д.А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. // СА. —1969. — № 3. — С. 186-193.
117. Авдусин Д.А. Смоленская экспедиция. // Археологические открытия за 1968 год. — М.: Наука, 1969. — С. 70.
118. Авдусин Д.А., Асташова Н.И., Сапожников Н.В. Раскопки в Смоленске. // Археологические открытия за 1976 год. — М.: Наука, 1977. — С. 40-41.
119. Авдусин Д.А. О Гнездове и Смоленске. // ВМУ. Сер. 8. — История, 1979.— № 4. — С. 42-49.
120. Авдусин Д.А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). — Вопросы истории, 1980. — № 12. — С. 24-42.
121. Алексеев Л.В. Устав Ростислава Смоленского и процесс феодализации Смоленской земли. — In: Slowione w dziejach Ewropu. — Pozna`n, 1974, s. 85-113.
122. Алексеев Л.В. Домен Ростислава Смоленского. // Средневековая Русь. — М.: Наука, 1976. — С. 53-59.
123. Алексеев Л.В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии). // СА. —1977. — № I. — С. 83-103.
124. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. — М.: Наука, 1980. — 264 с.
125. Алешковский М.Х. Новгородский детинец 1044-1430 гг. // Архитектур-

ное наследство. — М.: Гос. изд-во литерат. по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. — № 14. — С. 3-26.

126. Алешковский М.Х. Повесть временных лет. — М.: Наука, 1971. — 136 с.

127. Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX-XV вв. // СА. — 1975. — № 3. — С. 100-111.

128. Алешковский М.Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории. // Реставрация и исследование памятников культуры. — М.: Стройиздат, 1975. — Вып. I. — С. 22-30.

129. Андреев Н.В., Маковский Д.П. Смоленский край в памятниках и источниках. — Смоленск: Смолгиз, 1949. — Ч. I. — 368 с.

130. Арнаут В.А. «Киевская» летопись Супрасльского сборника (к вопросу о смоленском летописании). // ИОРЯС. — СПб., 1910. — Т. 14. — Кн. 3. — С. 1-34.

131. Артезианские колодцы в Смоленске. // СГВ. — 1894. — № 17.

132. Арциховский А.В. Городские концы в Древней Руси. // Исторические записки. — М.: АН СССР, 1945. — № 16. — С. 3-13.

133. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. — Киев: Будівельник, 1982. — 160 с.

134. Асташова Н.И. Постройки древнего Смоленска. // Проблемы истории СССР. — М.: МГУ, 1979. — Вып. 8. — С. 3-14.

135. Асташова Н.И. Социально-экономическое развитие Смоленска по археологическим данным. // Научные известия 1980-1981 гг. — М., 1981. — С. 15-16. (Тезисы докладов /ГИМ).

136. Белецкий С.В. Раскопки Псковского городища в 1977-1978 гг. // Древнерусские города. — М.: Наука, 1981. — С. 40-62.

137. Белогорцев И.Д. Новые исследования древнесмоленского зодчества. // МИСО. — Смоленск: Смол. книжн. изд-во, 1952. — Вып. I. — С. 87-125.

138. Белогорцев И.Д. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. // МИС. — Смоленск: Смол. книжн. изд-во, 1963. — Вып. 5. — С. 129-145.

139. Белоцерковская И.В., Сапожников Н.В. О вятичских древностях из Смоленска. // СА. — 1980. — № 2. — С. 251-253.

140. Боровьский Я.Е., Толочко П.П. Київська ротонда. // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. — Київ: Наукова думка, 1979. — С. 90-103.

141. Бугославский Г. Вид г. Смоленска времен Петра I. // АИЗ. — 1896. — № 2, 3. — с. 48-52.

142. Бугославский Г. О Борисоглебской церкви г. Смоленска. // Смоленская старина. — Смоленск, 1909. — Вып. I. — Ч. I. — С. 177-194.

143. Бугославский Г. О результатах изучения Гнездовского могильника. // Смоленская старина. — Смоленск, 1909. — Вып. I. — Ч. I. — С. 3-16.

144. Бугославский Г. Смоленская земля в литовский период. // Смоленская старина. — Смоленск, 1914. — Вып. 3. — Ч. I. — с. 1-104.

145. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков. — Л.: ЛГУ, 1978. — 152 с.

146. Буров В.А. Социальная топография Новгорода XIV-XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1982. — 17 с.
147. Веселовский С.Б. Сошное письмо — М., 1915-1916. — Т. 1. — 442 с.; т. 2. — 716 с.
148. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. — М.-Л.: АН СССР, 1947. — Т. I. — 495 с.
149. Виноградов И.П. Исторический очерк Вязьмы с древнейших времен до XVII в. — М., 1890. — 140 с.
150. Вишневецкий Д. Несколько слов к начальной истории Смоленского Успенского кафедрального собора. // СЕВ. — 1898. — № 24. — С. 1385-1391.
151. Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во 2-й половине XVII — начале XVIII вв. // Историческая география России. XII — начало XX вв. — М.: Наука, 1975. — С. 70-96.
152. Воронин Н.Н. Поселение. // История культуры древней Руси. — М.-Л.: АН СССР, 1948. — Т. I. — С. 182-203.
153. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Смоленский детинец и его памятники. // СА, 1967. — № 3. — С. 287-302.
154. Воронин Н.Н. Следы раннего смоленского летописания. // Новое в археологии. — М.: МГУ, 1972. — С. 271-275.
155. Воронин Н.Н. Два смоленских отрывка в Устюжском летописном своде. // Вопросы истории. — 1975. — №2. — С. 206-208.
156. Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Древней Руси. — М.: Наука, 1976. — С. 69-79.
157. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Древний Смоленск. // СА. — 1979. — № I. — С. 73-88.
158. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. — Л.: Наука, 1979. — 416 с.
159. В церковно-археологическом комитете. // СВ. — 1916. — № 330.
160. Глазырина Г.В. Описание укреплений Полоцка в «Саге о Тидрике Бернском». // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. — Тарту: Инст. ист. АН ЭССР и ТГУ, 1982. — Ч. I. — С. 158-160.
161. Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV столетия. — Киев, 1895. — 334 с.
162. Грачев В.И. Смоленская стена. // РА. — 1900. Кн. 3. — № 12. — С. 577-595.
163. Грачев В.И. Иллюстрированный путеводитель по г. Смоленску. — Смоленск, 1908. — 105 с.
164. Грачев В.И. Осада Смоленска Сигизмундом III (1609, 1610, 1611 гг.). — Смоленск, 1909. — 42 с.
165. Грачев В.И. Смоленск и его губерния в 1812 г. — Смоленск, 1912. — 293 с.
166. Грачев В.И. План г. Смоленска с кратким историческим очерком города. — Смоленск, 1917. — 60 с.; план.

167. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб.-М., 1882. — Т. 4. — 683 с.
168. Даркевич В.П., Веретенников Н.Н., Фролов В.П., Чернецов А.В, Старорязанская экспедиция. // Археологические открытия за 1978 г. — М.: Наука, 1979. — С. 59-61.
169. Даркевич В.П. Исследования Старорязанской экспедиции. // Археологические открытия за 1979 г. — М.: Наука, 1980. — С. 52, 53.
170. Довгялло Д.И. Очерки бытовой жизни Смоленска в Польскую эпоху. // Смоленская старина. — Смоленск, 1911. — Вып. I. — Ч. 2. — С. 137-150.
171. Дондуков-Корсаков А.М. Вновь открытая русская старина. // Древности. (Труды /Московское археологическое общество, т. 4, вып. 3) — М., 1874. — С. 99-123.
172. Дубицкий И., Топтыга П. Исторические известия о геройском сопротивлении смолян полякам в 1609, 1610 и 1611 годах. // Памятная книжка Смоленской губернии на 1864 и 1865 гг. — Смоленск, 1865. — Ч. 2. — С. 1-43.
173. Загоруйский Э.М. Возникновение Минска. — Минск: БГУ, 1982. — 358 с.
174. Зимин А.А. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. // Памятники русского права. — М.: Госюриздат, 1953. — Вып. 2. — 442 с.
175. Известия археологической комиссии. — СПб., 1910. — Прибавление к вып. 34. — 231 с.
176. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. — СПб., 1864. — 384 с.
177. Исторический очерк Смоленска. — СПб., 1894. — 61 с.
178. Историческое и географическое описание города Смоленска, составленное к приезду императрицы Екатерины II в Смоленск в 1780 г. / Изд. С.П.Писаревым. — Смоленск, 1898. — 30 с.
179. Каменцева с.Н., Устюгов Н.В. Русская метрология. — М.: Высшая школа, 1975. — 328 с.
180. Каргер М.К. Древний Киев. — М.-Л.: АН СССР, 1958-1961. — Т. 1. — 579 с.; т. 2. — 661 с.
181. Каргер М.К. Зодчество древнего Смоленска XII-XIII вв. — Л.: ЛГУ, 1964. — 140 с.
182. Карлов В.В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья. // Русский город. — М.: МГУ, 1976. — С. 32-69.
183. Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии. // Русский город. — М.: МГУ. — Вып. 3. — С. 66-83.
184. Кириличев С.Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. — Киев: Наукова Думка, 1982. — 176 с.
185. Кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России. // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. — Л.: Наука, 1979. — С. 451-499.

186. Клетнова с.Н. Доклад Московскому археологическому обществу о раскопках на Смядыни, проведенных Смоленской ученой архивной комиссией в 1909 г. // Древности. (Труды. Комиссия по сохранению древних памятников, т. 4). — М., 1912. — С. 288-297.
187. Клетнова с.Н. О раскопках на Смядыни /Доклад в обществе изучения Смоленской губернии/. — ИАК. — СПб., 1910. — Прибавление к вып. 34. — С. 162-168.
188. Клетнова с.Н. Раскопки Гнездова Левобережного. // Смоленская старина. — Смоленск, 1916. — Вып. 3. — Ч. 2. — С. 33-41.
189. Клетнова с. Великий гнездовский могильник. — In: Niederluf(?) sbornik. — Praha, 1925, s.309-322.
190. Ключевский В.О. древнерусские жития святых как исторический источник. — М., 1871 — 465 с.
191. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — Пг., 1918. — 333 с.
192. Кожин Н.А., Сидоров А.А. Архитектура Средневековья. — М.: Гос. архит. изд-во АА СССР, 1940. — 163 с.
193. Козак Я., Полишенски И. Изображения городов СССР в иконографическом атласе *Civitates orbis terrarum*. — //:Русский город. — М.: МГУ, 1980. — Вып. 3. — С. 84-94.
194. Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. — М.: Наука, 1982. — С. 3-137.
195. Коробков Н.М. Стена Белого города. // Историко-археологический сборник — М.: НИИ Краеведения и музейной работы, 1948. — С. 12-42.
196. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. — М.: АН СССР 1963. — 219 с.
197. Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. — М.: Наука, 1964. — 176 с.
198. Красноперов И.М. Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV века. // Историческое обозрение. — СПб., 1894. — Т. 7. — С. 64-111.
199. Кузнецов А.В. Тектоника и конструкция центрических зданий. — М.: Госстройиздат, 1951. — 274 с.
200. Лабутина И.К. Историческая топография Пскова XIV-XV веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1972. — 36 с.
201. Лабутина И.К. К топографии городских концов Пскова в XV в. // Новое в археологии. — М.: МГУ, 1972. — С. 264-270.
202. Лабутина И.К. Продолжение охранных раскопок на ул. Ленина в Пскове. // Археологические открытия за 1978 г — М.: Наука, 1979. — С. 21-23.
203. Лабутина И.К., Колосова И.О. Раскопки на ул. Ленина в Пскове. // Археологические открытия за 1979 г. — М.: Наука, 1980. — С. 16, 17.
204. Лабутина И.К. Псковские летописи и грамоты как источники по исторической топографии Пскова XIV-XV веков. // Русский город. — М.: МГУ, 1982. — Вып. 5. — С. 102-115.

205. Лавровский Л. Новые данные для топографии Смоленска в начале XVII века. // СЕВ, 1914. — № 8. — С. 229-243; № 9. — С. 273-290.
206. Лавровский Л.Я. Погодные записки смоленских иезуитов. // Смоленская старина. — Смоленск, 1916. — Вып. 3. — Ч. 2. — С. 1-39.
207. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. — СПб., 1858. — Ч. I. — 318 с.
208. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Карты, планы, чертежи ко 2-ой части. — СПб., 1861. — 36 л.
209. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. — М., 1915. — 401 с.
210. Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. // Труды смоленских музеев. — Смоленск: Изд-во Смол. гос. музеев и Губоно, 1924. — Т. I. — С. 3-60.
211. Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. // Научные известия Смоленского государственного университета. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1926. — Т. 3, вып. 3. — С. 181-294.
212. Ляпушкин И.И. Гнездово и Смоленск. // Проблемы истории феодальной России. — Л.: ЛГУ 1971. — С. 33-37.
213. Маковский Д.П. Смоленск с древнейших времен до XVIII века. // Маковский Д.П., Орлов В.С. Смоленск с древнейших времен до XX века. — Смоленск: Огиз, 1948. — С. 5-157.
214. Маковский Д.П. Смоленское княжество. — Смоленск: Изд-во Смол. краевед, н.-исслед. института, 1948. — 271 с.
215. Маковский Д.П. К вопросу происхождения северных славян (кривичей). // МИСО. — Смоленск: Смол. книжн. изд-во, 1952. — Вып. 1. — С. 5-86.
216. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. — Смоленск: Смолгиз, 1940. — 420 с.
217. Мальцев В.П. Ключ государства Российского. // Исторические записки. — М.: АН СССР, 1940. — № 8. — С. 68-97.
218. Мельникова С.А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях. // Древнейшие государства на территории СССР. — М.: Наука, 1976. — С. 141-156.
219. Милонов Н.П. О результатах исследований в Смоленске на территории Кремля. // Историко-археологический сборник. — М.: НИИ Краеведения и музейной работы, 1948. — С. 211.
220. Михайлов И. Статистическое обозрение губернского города Смоленска. // ЖМВД. — 1838. — № 2. — Ч. 27. — С. 180-216.
221. Монгайт А.Л. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. // КСИИМК. — 1947. — № 17. — С. 28-37.
222. Мурзакевич Н.А. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. — Смоленск, 1804. — 222 с.; Прил. I-VI; 57 с.
223. Мурзакевич Н.Н. Достопамятности города Смоленска. // ЖМНП. — 1835. — № 12. — С. 503-530.

224. Мясникова Н.В. К дендрохронологии Смоленска (по материалам раскопа XI по ул. Соболева). // СА. — 1980. — № 2. — С. 246-251.
225. Названия смоленских улиц. // СВ. — 1905. — № 161.
226. Насонов М.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. — М.: АН СССР, 1951. — 261 с.
227. Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII веков. Очерки и исследования. — М.: Наука, 1969. — 555 с.
228. Неклюдов М.Н., Писарев С.П. О раскопках в Смоленске. — Смоленск, 1901. — 33 с.
229. Никитин П.Е. История города Смоленска. — М., 1848. — 316 с.; прил. — LXVI.
230. Орловский И.И. Смоленская стена 1602-1902 гг. — Смоленск, 1902. — 218 с.
231. Орловский И.И. Достопамятности Смоленска. — Смоленск, 1905. — 80 с.
232. Орловский И.И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. // Смоленская старина. — Смоленск, 1909. — Вып. I. — Ч. I. — С. 195-312.
233. Орловский И.И. Смоленск в истории дома Романовых. — Смоленск, 1913. — 53 с.
234. Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города. — История СССР, 1979. — № 4. — С. 100-112.
235. Писарев С.П. Рукописный памятник смоленского Авраамьевского монастыря и его литературное значение. — Филологические записки. — Воронеж, 1881. — Вып.1. — С. 1-14; вып.3. — С. 39-48; 1882. — Вып. 4. — С. 25-44; вып. 5. — С. 45-52.
236. Писарев С.П. Следы каменного здания XIII-XIV вв. в г. Смоленске. // СВ. — 1889. — № 2.
237. Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. — Смоленск, 1894. — 296 с.
238. Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска. — Смоленск, 1898. — 204 с.
239. Погуляев Д.И., Гроздов Б.В. Природа Смоленска и его окрестностей. — Смоленск: Московский рабочий, 1965. — 240 с.
240. Покрышкин П.П. Смоленская крепостная стена. // ИАК. — СПб., 1904. — Вып. 12. — С. 1-25.
241. Полесский-Щепилло М.П. Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины в восточном предместье Смоленска. // Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г. — Смоленск, 1870. — С. 1-42.
242. Поппэ А.В. Учредительная грамота смоленской епископии. // Археологический ежегодник за 1965 год. — М.: Наука, 1966. — С. 59-71.
243. Продажа валов возле Никольских ворот по Авраамьевской улице. // СВ. — 1898, 12 марта.
244. Протест гласного и местного археолога С.П. Писарева. // СВ. — 1898, 15 марта.

245. Пуцко В.Г. Каменный рельеф из киевских находок. // СА. — 1981. — № 2. — С. 223-232.
246. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. — М.: Наука, 1978. — 323 с.
247. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв. — М.: МГУ, 1977. — 263 с.
248. Раппопорт П.А. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. // Археологія. — Київ: Наукова думка, 1952. — Т. 7. — С. 142-149.
249. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // МИА. — М.-Л.: АН СССР, 1956. — № 52. — 184 с.
250. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо — восточной и Северо-западной Руси X-XV вв. — МИА. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — № 105. — 248 с.
251. Раппопорт П.А. Военное зодчество западно-русских земель X-XIV вв. // МИА. — Л.: Наука, 1967. — № 140. — 242 с.
252. Раппопорт П.А., Шолохова с.В. Смоленская архитектурно — археологическая экспедиция. // Археологические открытия за 1973 г. — М.: Наука, 1974. — С. 75.
253. Раппопорт П.А. Собор Духова монастыря в Смоленске — памятник зодчества XVI в. // Проблемы советской археологии. — М.: Наука, 1978. — С. 230-235.
254. Рыбаков Б.А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах-игуменах». // СА. — 1964. — № 2. — С. 179-187.
255. Рябков Г.Т. Города Смоленской губернии в последней четверти XVIII — начале XIX вв. см. // МИСО. — Смоленск: Смол, книжн. изд-во, 1957. — Вып. 2. — С. 404-429.
256. Сапожников Н.В. Раскопки городского вала в Смоленске. // Археологические открытия за 1978 г. — М.: Наука, 1979. — С. 87, 88.
257. Сапожников Н.В. Памятники архитектуры и древняя топография Смоленска. // ВМУ; Сер. 8. — История, 1979. — № 5. — С. 54-68.
258. Сапожников Н.В. «Литовский вал» в Смоленске. // КСИА. — 1980. — № 160. — С. 101-107.
259. Сапожников Н.В. О раскопках в г. Смоленске. // Археологические открытия за 1981 г. — М.: Наука, 1983. — С. 85, 86.
260. Свингин П.П. Взгляд на достопримечательные здания в Смоленске и об урочищах, находящихся в Смоленской губернии. // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 27. — Кн. 77. — С. 301-324.
261. Седов В.В. Смоленская земля. // Древнерусские княжества X-XIII вв. — М.: Наука, 1975. — С. 240-259.
262. Сербина К.Н. Устюжский летописный свод. // Исторические записки. — М.: АН СССР, 1946. — № 20. — С. 239-270.
263. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. // МАР. — СПб., 1902. — Вып. 8. — 136 с.

264. Словарь русского языка XI-XVII вв. — М.: Наука, 1975-1981. — Вып. 2. — 320 с.; вып. 4. — 404 с.; вып. 8. — 352 с.
265. Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках Сергеева. // ИАК. — СПб., 1905. — № 15. — С. 6-70.
266. Строганов П. Патриарший Бизюков монастырь. Опыт церковно-исторического исследования. — Могилев, 1914. — 212, LXXIX с.
267. Тарасенка В.Р. Археологічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне у 1926-1928гг. // «Працы археолёгічнай камісіі». — Мінск: АН БССР, 1930. — Т. 2. — С. 121-144.
268. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. — 2-е изд., перераб. — М.: Политиздат, 1956. — 477 с.
269. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М.: АН СССР, 1962. — 583 с.
270. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // Древняя Русь. — М.: Наука, 1975. — С. 42-232
271. Толочко П.П. До топографії древнього Києва. // Археологія. — Київ.: Наукова думка, 1965. — Т. 18. — С. 14-23.
272. Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Києва. // Вид. 2-е, стереотип. — Київ, Наукова думка, 1972. — 220 с.
273. Толочко П.П. Древний Киев. — Киев: Наукова думка, 1976. — 207 с.
274. Толочко П.П. Массовая застройка Киева X-XIII вв. // Древнерусский город. — М.: Наука, 1981. — С. 63-94.
275. Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности Древней Руси (30-е гг. XII — 30-е гг. XIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Киев, 1980. — 44 с.
276. Уваров А.С. Сборник мелких трудов. — М., 1910. — Т. 1. — 408 с.
277. Указатель церковных древностей Смоленска. — Смоленск, 1912. — 144 с.
278. Усачев Н.Н. К вопросу о немецком торговом дворе в древнем Смоленске. // Рефераты и тезисы докладов XI научной конференции Смоленского педагогического института. — Смоленск: СГПИ, 1960. — С. 78-30.
279. Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов. // Русский город. — М.: МГУ, 1976. — С. 17-31.
280. Хозеров И.М. Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска. — In: Semiarum Kondakovianum. — Praha, 1928. — V 2, s. 353-360.
281. Хозеров И.М. Город Смоленск в начале XVII в. // Смоленская оборона 1609-1611 гг. — Смоленск: Смолгиз, 1939. — С. 227-258.
282. Хозеров И.М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. // КСИИМК. — 1945. — Вып. II. — С. 20-26.
283. Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. — М.: МГУ, 1980. — 224 с.
284. Цебриков М. Материалы для географии и статистики России. Смоленская губерния. — Смоленск, 1862. — 405 с.
285. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. — М.: Изд-во соц.-эконом, лит-ры, 1960. — 900 с.

286. Шахматов А.А. О начальном киевском летописном своде. // ЧОИД. — 1897. — Кн. 3. — С. 1-58.
287. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. — М.-Л.: АН СССР, 1938. — 372 с.
288. Шеляпина Н.С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля. // СА. — 1972. — № I. — С. 200-214.
289. Ширяев С.Д. Смоленск и его социальный ландшафт в XVI-XVII вв — Смоленск: Западного обл.бюро краеведения, 1931. — 62 с.
290. Шмидт Е.А., Ходченков А.А. Археологические памятники и их охрана. // Памятники культуры Смоленской области. — Смоленск: Книжн. изд-во, 1961. — Вып. I. — 70 с.
291. Шмидт Е.А. Археологические памятники периода возникновения город Смоленска. // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. — Смоленск: Смолгиз, 1967. — С. 43-61.
292. Шмидт Е.А. Археологические памятники Смоленской области. — Смоленск: Московский рабочий. Смол. отделение, 1976. — 288 с.
293. Штыхов Г.В. Общие и отличительные черты политического строя древнего Новгорода и Полоцка. // Становление раннефеодальных славянских государств. — Киев: Наукова думка, 1972. — С. 194-228.
294. Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX-XIII вв. — Минск: Наука и техника, 1975. — 136 с.
295. Шупинский И. История города Смоленска к первому приезду в Смоленск императрицы Екатерины II с Римским императором Иосифом II 1780 г. июня 2 дня, составленная по приказанию преосвященного Парфения, епископа смоленского, Иеромонахом Иосифом Шупинским, по запискам от его преосвященства выданным. // СЕВ, 1876. — № 3. — С. 73-90.
296. Щапов Я.Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. // Археологический ежегодник за 1962 г. — М.: АН СССР, 1963. — С. 37-47.
297. Щапов Я.Н. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии — М.: МГУ, 1972. — С. 276-282.
298. Щапов. Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. — М.: Наука, 1972. — 340 с.
299. Щапов Я.Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОРДЛ. — Л.: АН СССР, 1974. — Т. 28. — С. 47-59.
300. Юркина Т.В. О чернолощенной керамике Смоленска XIV-XVII вв. // Проблемы истории СССР — М.: МГУ, 1976. — Вып. 5. — С. 56-71.
301. Янин В.Л. Из истории русской художественной и политической жизни XII века. // СА. — 1957. — № I. — С. 113-131.
302. Янин В.Л. Новгородские посадники. — М.: МГУ, 1962. — 387 с.
303. Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970. — № I. — С. 44-54.
304. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы). // История СССР. — 1971. — № 2. — С. 32-61.

305. Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. // Россия и Италия. — М.: Наука, 1972. — С. 69-85.
306. Янин В.Л. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода. // ВАН. — 1973. — № 8. — С. 65-75.
307. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. — М.: Высш. школа, 1977. — 240 с.
308. Янин В.Л. О принадлежности южных усадеб Неревского раскопа в Новгороде. // СА. — 1979. — № 4. — С. 86-94.
309. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. — М.: Наука, 1981. — 296 с.
310. Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований. // Новгородский исторический сборник. — Л.: Наука, 1982. — № I (II), с.

Рис. 1. Г. Келлер. План г. Смоленска, 1610 г. Вариант А

Рис. 2. Г. Келлер. План г. Смоленска, 1610 г. Вариант Б

Рис. 3. Г. Келлер. План г. Смоленска, 1610 г. Вариант В

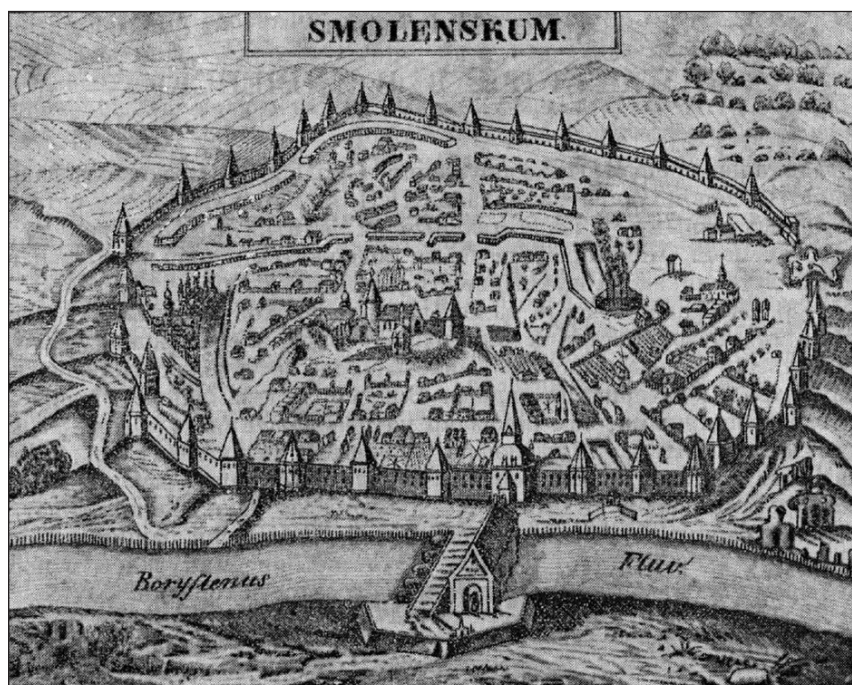

Рис. 4. Анонимный план г. Смоленска, 1627 г.

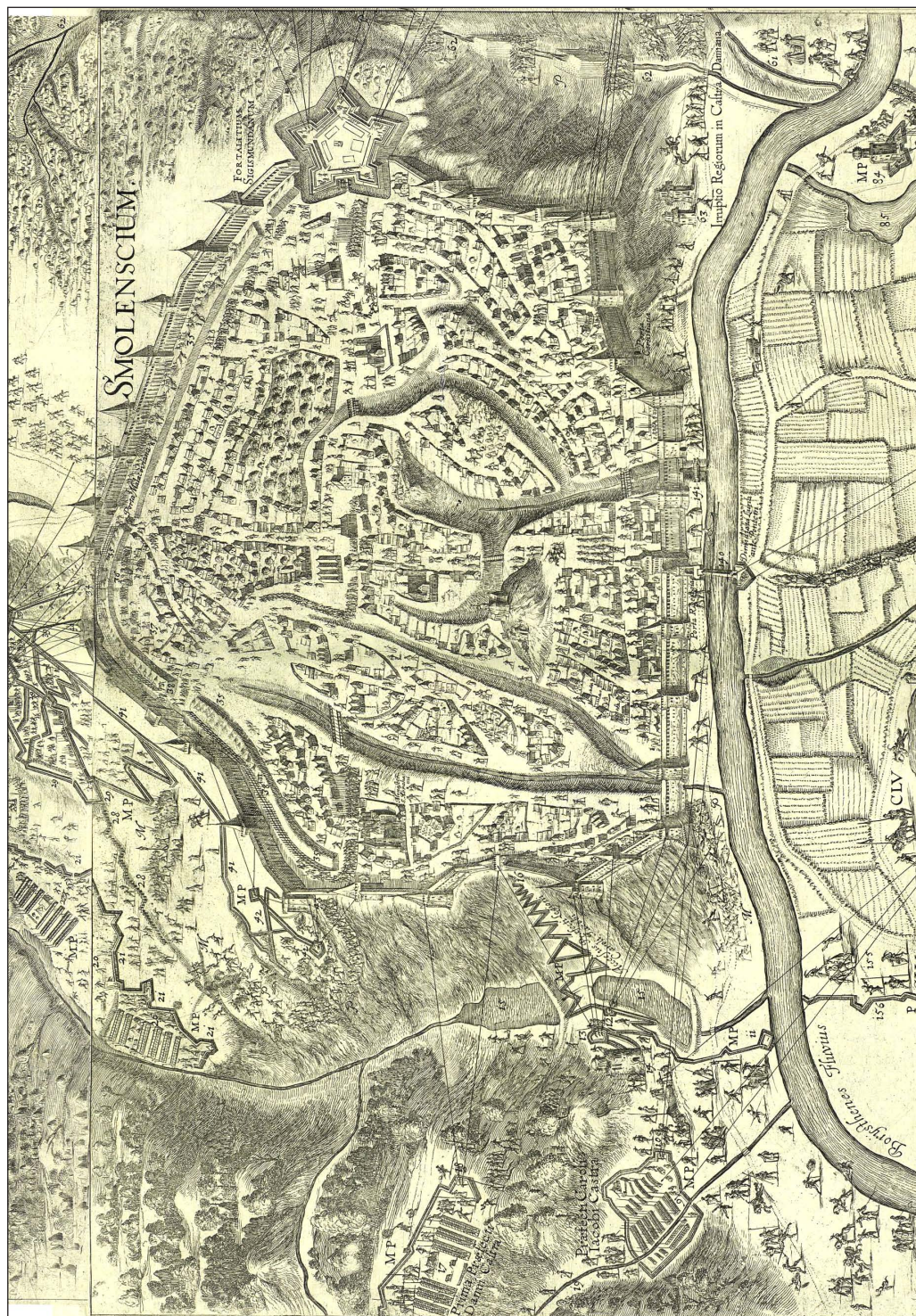

Рис. 5. В. Гондиус. План г. Смоленска, 1636 г. /л. 7/

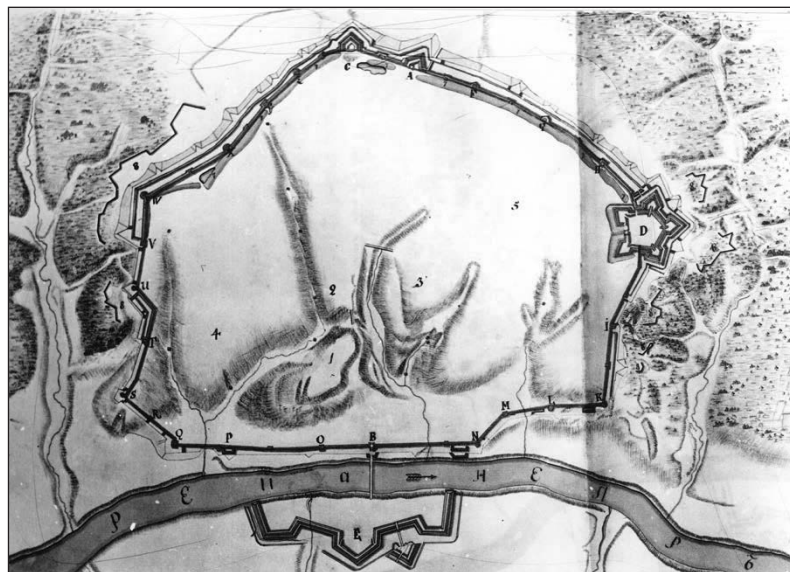

Рис. 6. План
г. Смоленска, 1762 г.
Фрагмент

Рис. 7. План
г. Смоленска, 1793 г.
Фрагмент

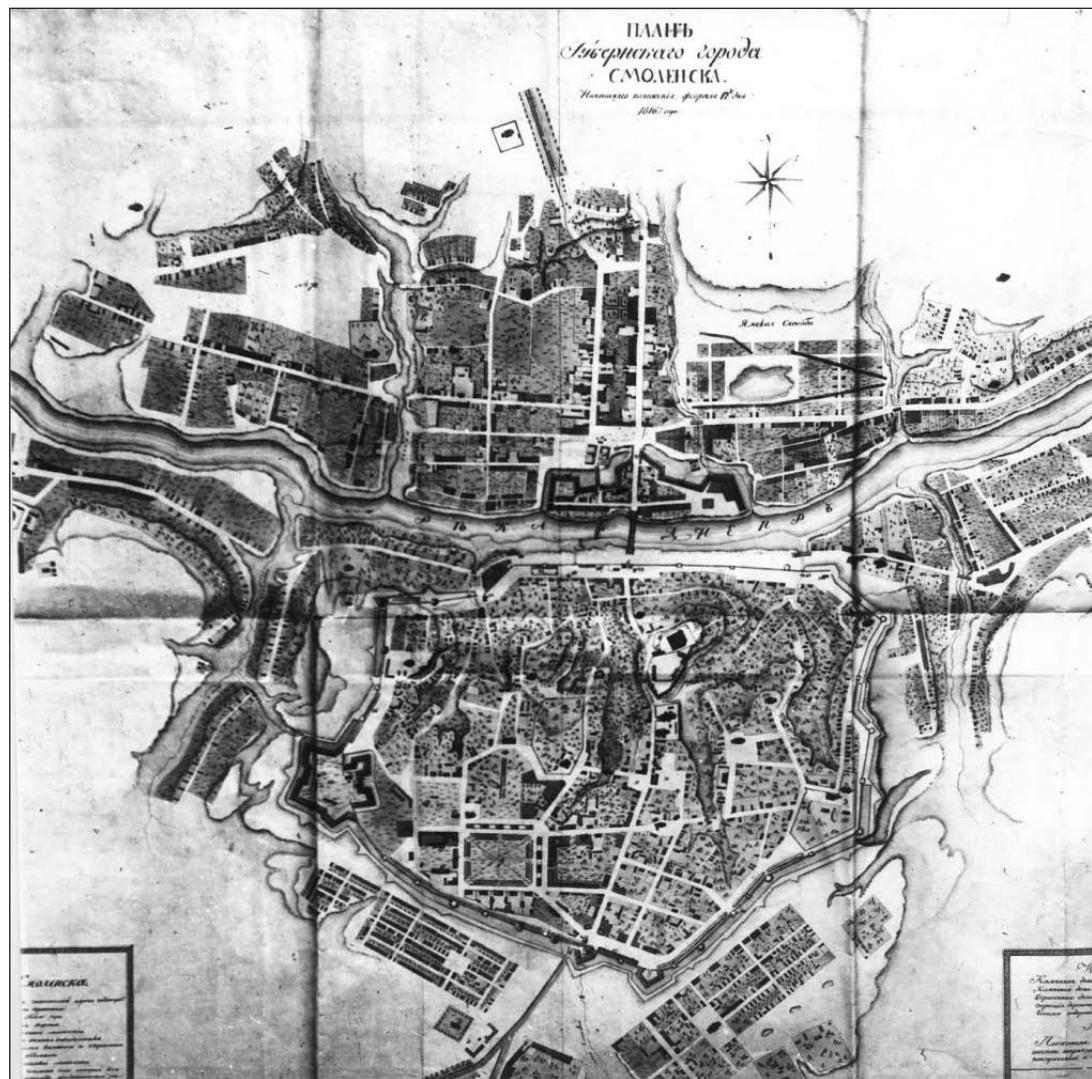

Рис. 8. План г. Смоленска, 1816 г. Фрагмент

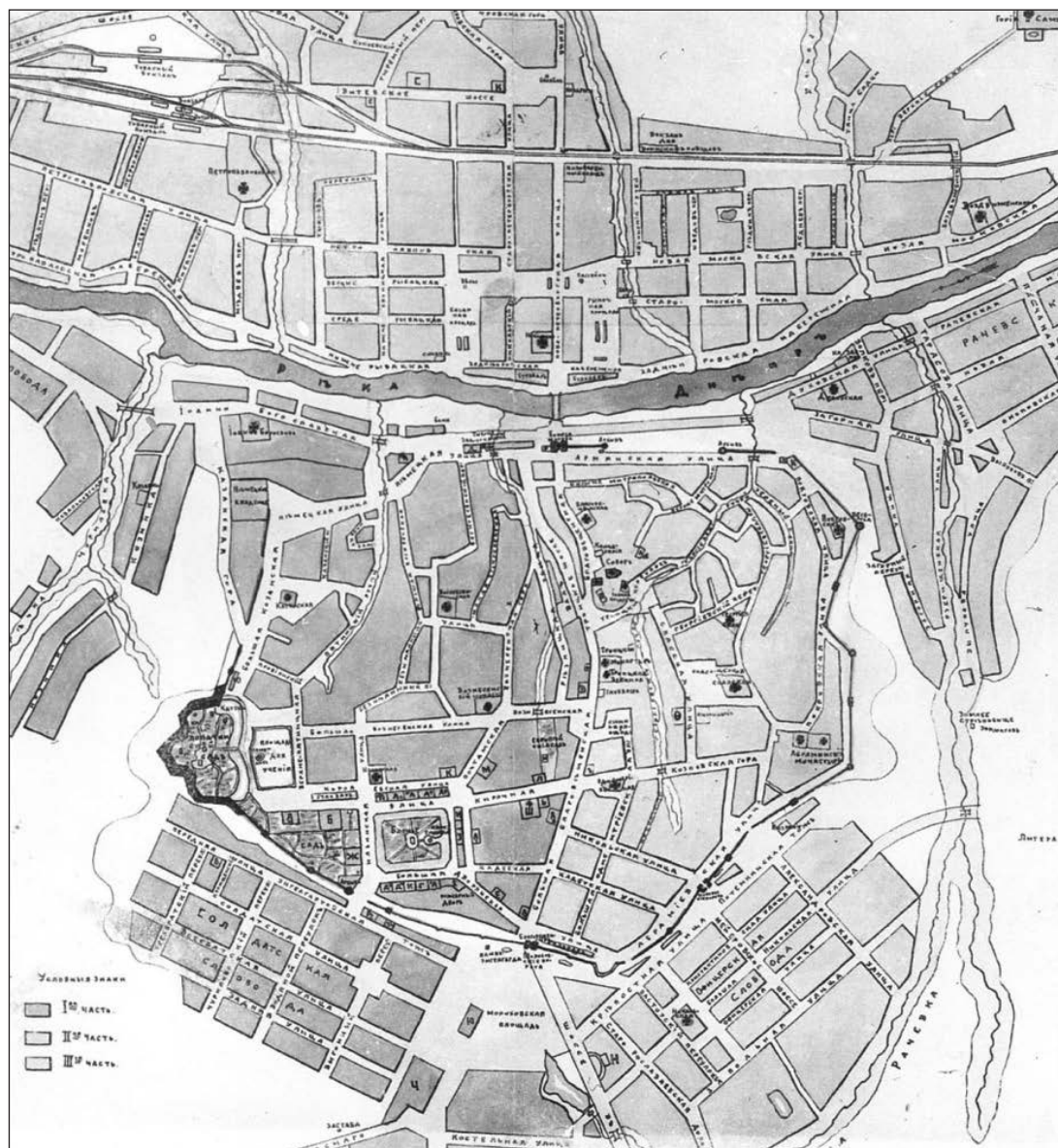

Рис. 9. План г. Смоленска, 2-я половина XIX в. Фрагмент

Рис. 11. Вид г. Смоленска
1710–1721 гг. на иконе
св. Авраамия и Меркурия
Смоленских из церкви
с. Сверчково

Рис. 12. У. Хадфилд. Город
Смоленск, 1787 г. Бумага,
акварель

Рис. 13. К. Маевский.
Перспективный вид
Никольской башни с
внутренней стороны, 1868 г.
Бумага, акварель

Рис. 14. Медаль за взятие
Смоленска Сигизмундом III в
1611 г. «Медаль А»

Рис.15. Медаль за взятие
Смоленска Сигизмундом III в
1611 г. «Медаль Б»

Рис.16. Медаль за взятие
Смоленска Сигизмундом III
в 1611 г.
«Сигизмундова медаль»

Рис. 17. Рельеф г. Смоленска и окружающей территории

- 1 – Шкляная гора; 2 – Тихвинская гора; 3 – Покровская гора; 4 – Кловская гора;
5 – Свирская гора; 6 – Казанская гора; 7 – Воскресенская гора; 8 – Вознесенская гора;
9 – Соборная гора; 10 – Бабья гора; 11 – 1-й Кловский овраг; 12 – 2-й Кловский овраг;
13 – Чуриловский овраг; 14 – Покровский овраг; 15 – Ильинский овраг; 16 – Чертов ров;
17 – Павринский овраг; 18 – Шейновский овраг

Рис. 18. Городище Соборная гора. Вид из Заднепровья. Фото Н.В. Сапожникова

Рис. 19. Городище Соборная гора. Вид от верховьев Георгиевского (Козловского) оврага.
Фото Н.В. Сапожникова

Рис. 20. Городище Соборная гора. План с указанием мест раскопок

А — Успенский собор (1677—1772 гг.); Б — Колокольня (1763—1772 гг.);

В — Богоявленский собор (1781—1787 гг.); Г — Архиерейский дом (80-е гг. XVIII в.);

Д — Митрополичьи палаты (20-е гг. XVIII в.); Е — Консистория (конец XVIII в.).

1. Шурф (А.Н. Лявданский, 1924 г.); 2. Шурф (А.Н. Лявданский, И.М. Хозеров, 1925 г.);

3. Раскоп Соб 1 (Д.А. Авдусин, 1951 г.); 4. Раскоп Соб 2 (Д.А. Авдусин, 1951 г.); 5. Бесстолпный

храм (Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт, 1964 г.); 6. Терем (Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт,

1965 г.); 7—11. Траншеи (Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт, 1965 г.);

12. Раскоп Согор X (Д.А. Авдусин, 1966 г.); 13. Шурф (Д.А. Авдусин, 1966 г.);

14. Раскоп Согор XII (Д.А. Авдусин, 1974 г.); 15. Раскоп Согор XIII (Д.А. Авдусин, 1974 г.);

16. Раскоп Согор XIV (Д.А. Авдусин, 1974 г.)

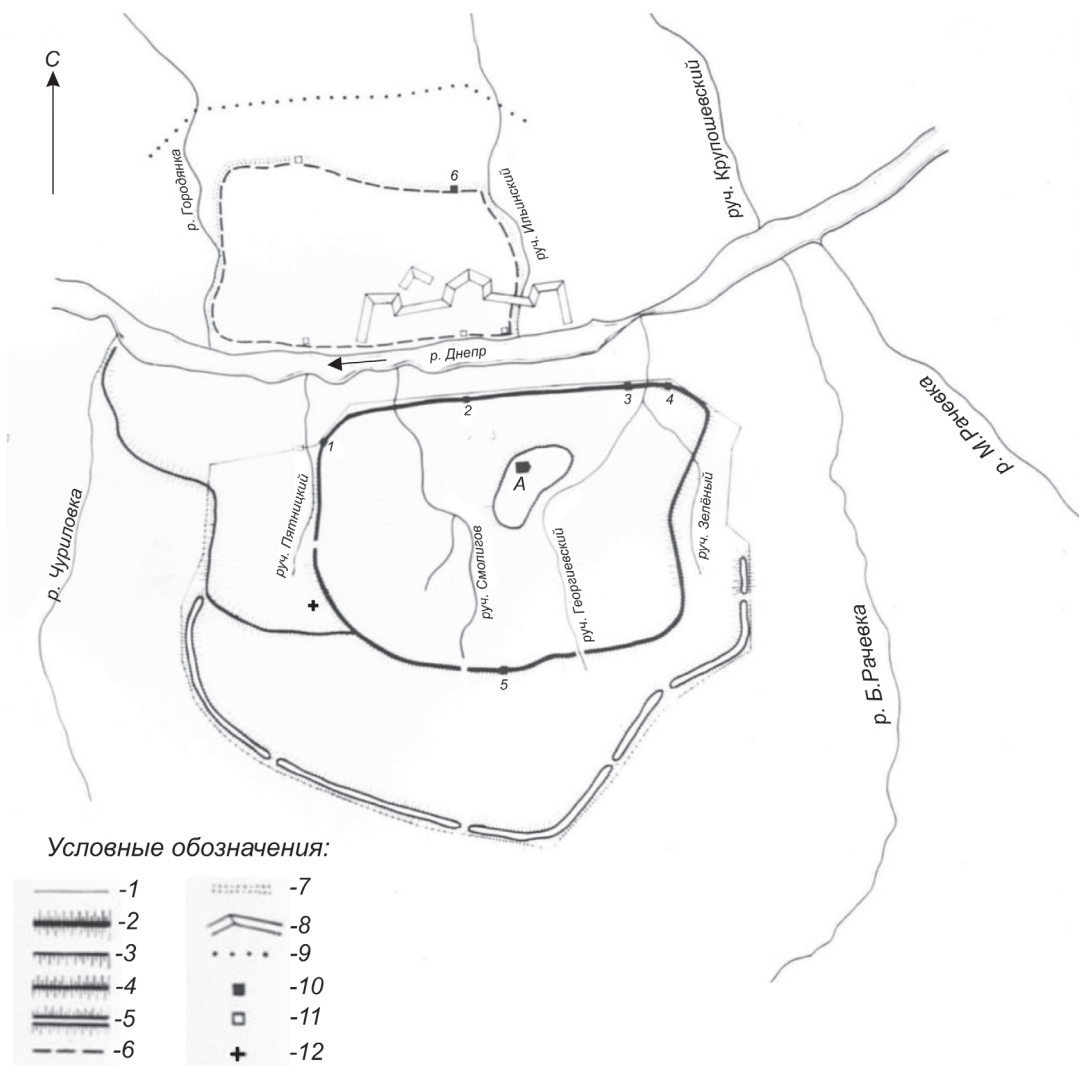

Рис. 21. Оборонительные сооружения г. Смоленска XII – начала XVIII вв.

Условные обозначения: 1 – границы крепости 1596–1602 гг.; 2 – «Старый город»; 3 – Соборная гора; 4 – Пятницкий острог; 5 – вал XVI в.; 6 – заднепровский острог к нач. XV в.; 7 – «Новая крепость» (кон. XVII в.); 8 – Кронверк (1706 г.); 9 – граница Заднепровского посада к 1443 г.; 10 – башни, известные по письменным источникам; 11 – возможные места башен; 12 – место находки вятического погребального комплекса.

А – Успенский собор 1. Пятницкие ворота 2. Днепровские ворота 3. Костеревские ворота 4. Крылошевские ворота 5. Духовские ворота 6. Заднепровские ворота

Рис. 22. Остатки свай под фундамент крепости (1596–1602 гг.), арх. Ф. Конь.
Ул. Соболева. Фото Н.В. Сапожникова

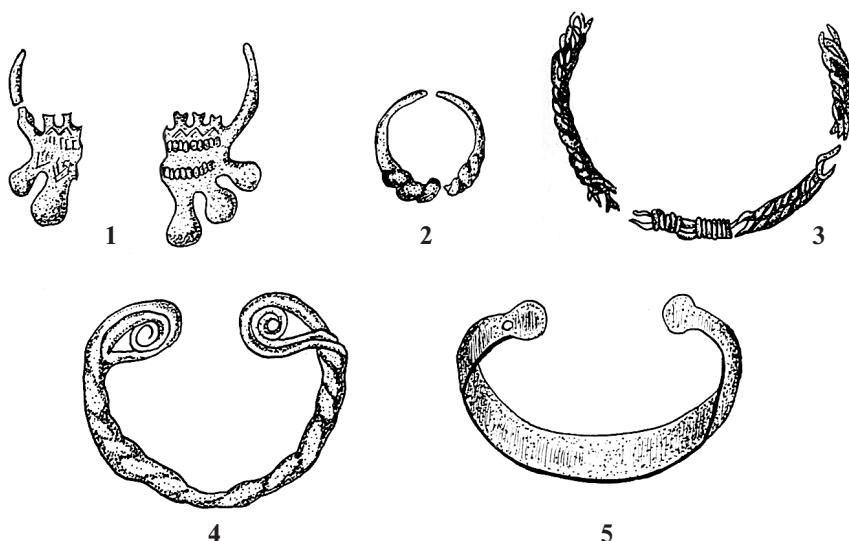

Рис. 23. Вятический погребальный комплекс начала–середины XII в. с территории
«усадьбы Станиславского» на Отцовой горе (ул. Ногина)
1 — два фрагмента лопастных височных колец; 2 — перстень;
3–5 — браслеты (плетеный, витой, пластинчатый)

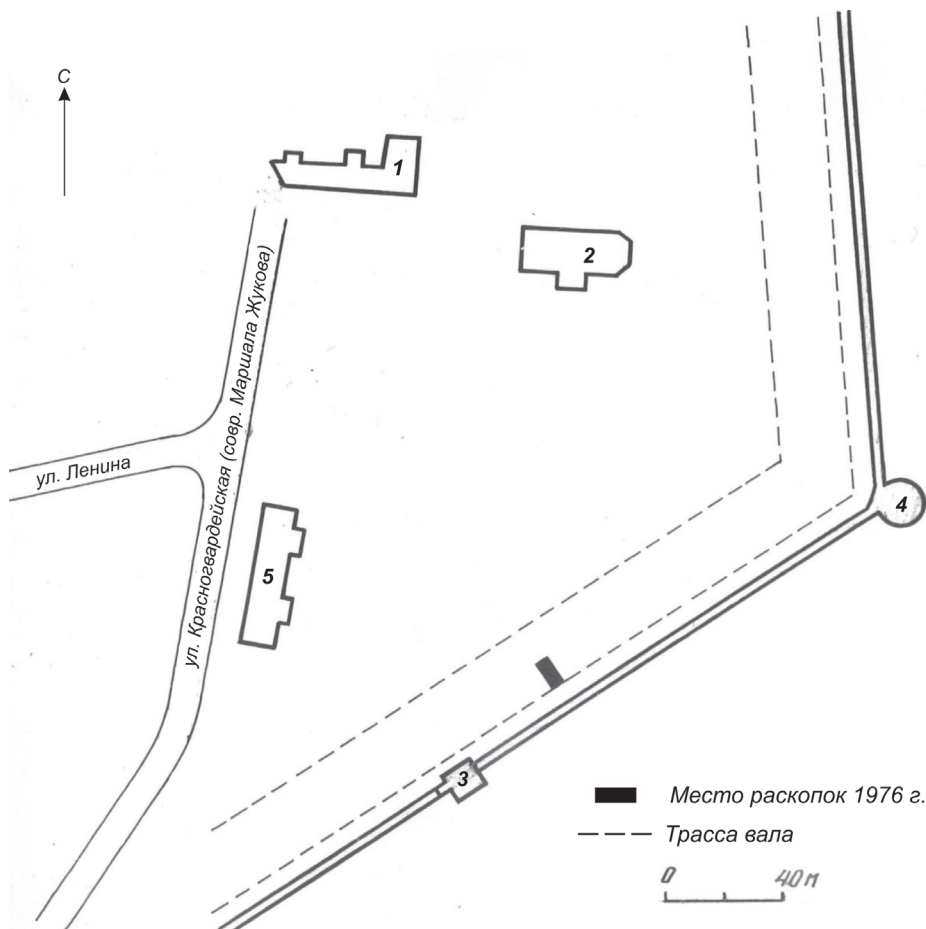

Рис. 24. Вал «Большого нового города» (XVI в.) у Авраамиевского монастыря.
Раскопки 1976 г.

1 — здание бывшей семинарии (XVIII в.); 2 — Спасо-Преображенский собор Авраамиевского монастыря (1765 г.); 3 — Воронина башня; 4 — Заалтарная башня; 5 — дом № 12.

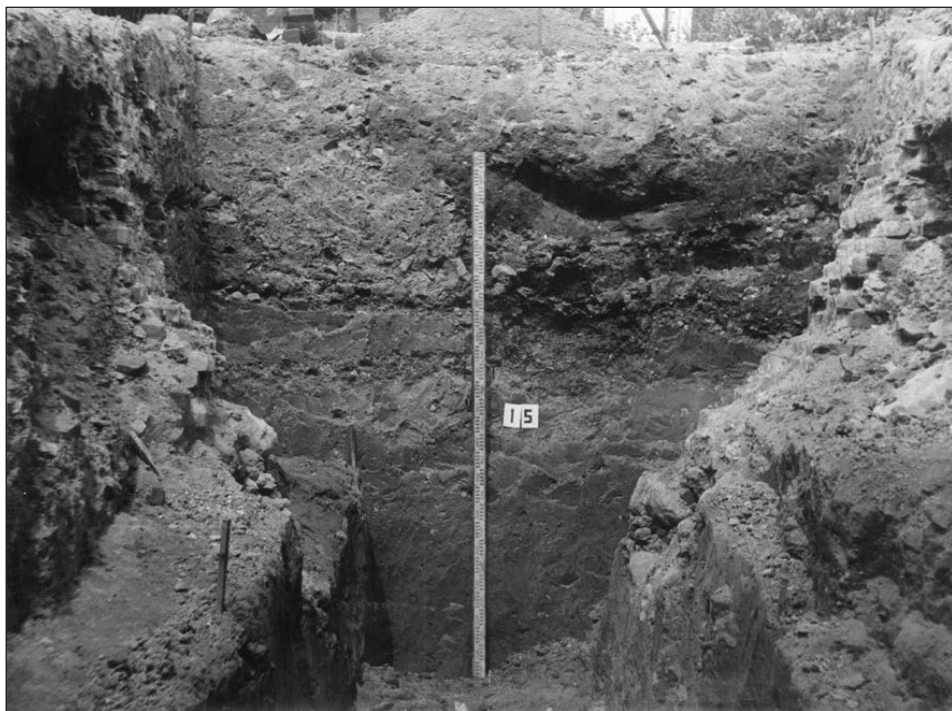

Рис. 25. Вал «Большого нового города» у Авраамиевского монастыря в процессе раскопок (1976 г.). Фото Н.В. Сапожникова

Рис. 26. Вал «Большого нового города» с внутренней стороны крепости Ф. Коня (в парке «Лопатинский сад»). Фото Н.В. Сапожникова

Рис. 27. Остатки земляного вала XVI в. у Копытецких ворот крепости Ф. Коня (в парке «Лопатинский сад»). Фото Н.В. Сапожникова

Рис. 28. Земляной вал XVI в. у Громовой башни крепости Ф. Коня.
Фото Н.В. Сапожникова

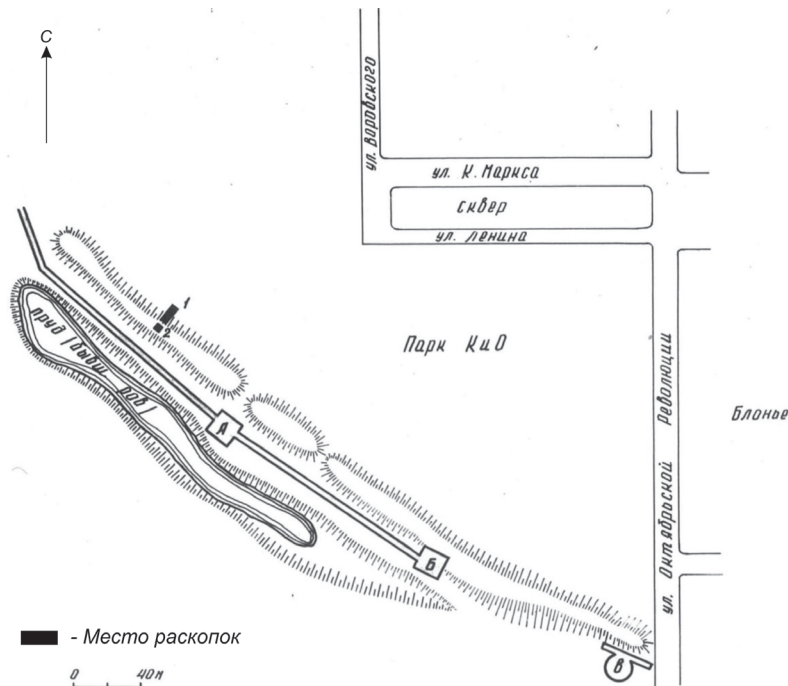

Рис. 29. Вал «Большого нового города» (XVI в.). План с нанесением места раскопок 1978 и 1981 гг.
1. Раскоп 1976 г.; 2. Раскоп 1981 г.
А – Копытецкие ворота; Б – башня Бублейка; В – башня Громовая.

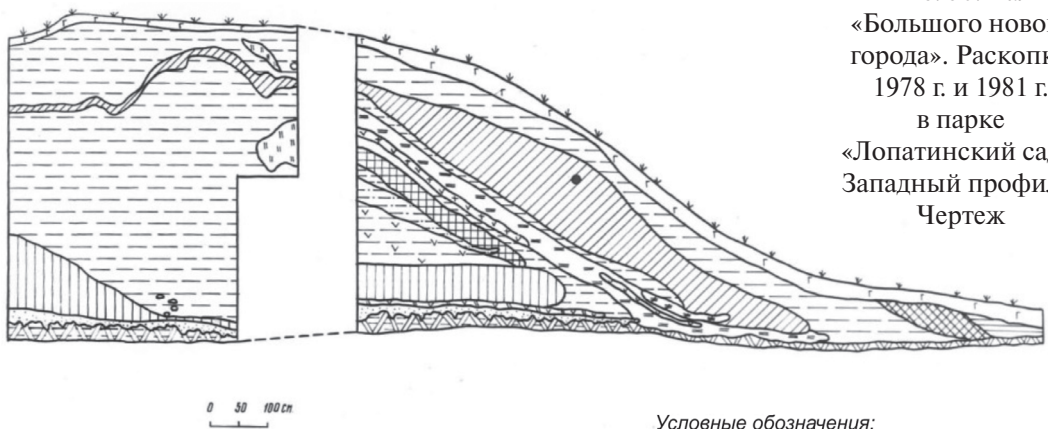

Рис. 30. Вал «Большого нового города». Раскопки 1978 г. и 1981 г. в парке «Лопатинский сад». Западный профиль. Чертеж

Условные обозначения:

	- Гумус		- Супесь белая (подзол)
	- Суглинок светло-коричневый		- Древесный уголь
	- Суглинок гумусированный светло-коричневый		- Зола
	- Глина серо-коричневая		- Земля чёрная
	- Суглинок серый		- Брёвно
	- Глина гумусированная темно-коричневая		- Земля серая
	- Суглинок рыжеватый		- Глина коричневая (материк)
	- Суглинок гумусированный светло-коричневый		- Отверстия со следами древесного тлена
	- Суглинок гумусированный светло-серый		- Раскопанные части вала

Рис. 31. Земляной вал
XVI в. Остатки деревянных
внутриральных конструкций.

Раскопки 1978 г.

Фото Н.В. Сапожникова

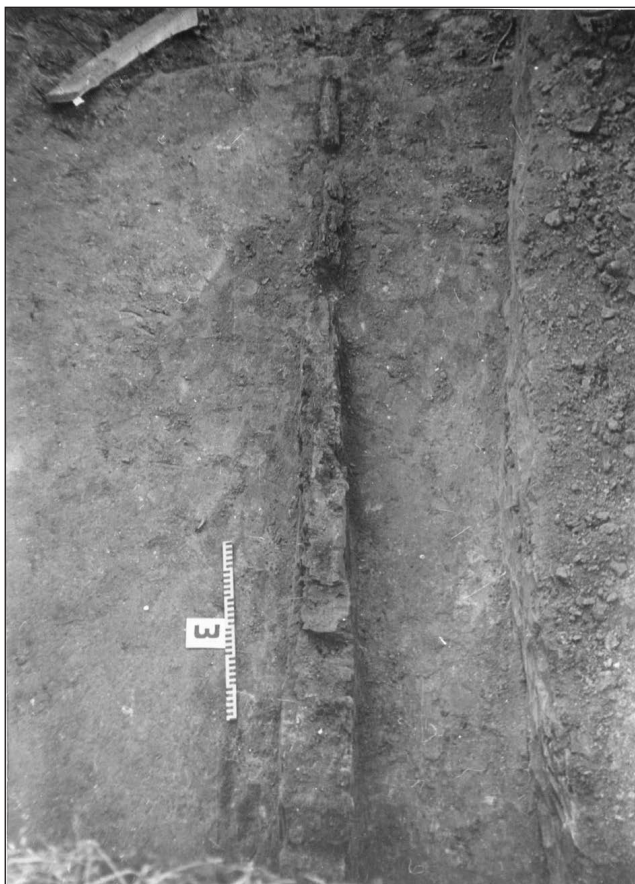

Рис. 32. Земляной
вал XVI в. Полости от
деревянных внутриральных
конструкций. Раскопки 1981 г.

Фото Н.В. Сапожникова

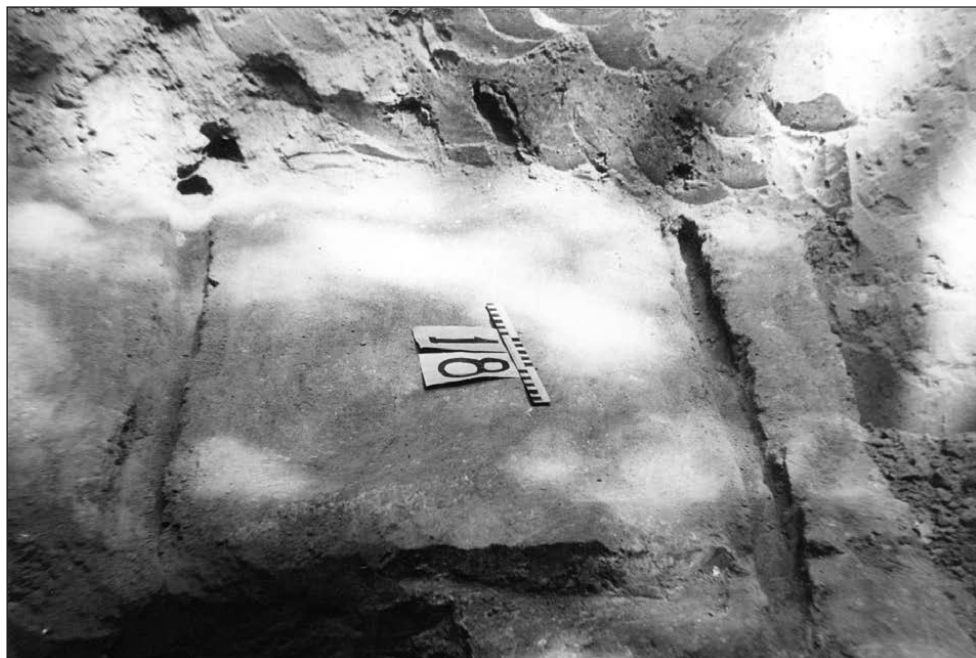

Рис. 33. Отверстия от жердей в насыпи вала XVI в. Раскопки 1981 г.
Фото Н.В. Сапожникова

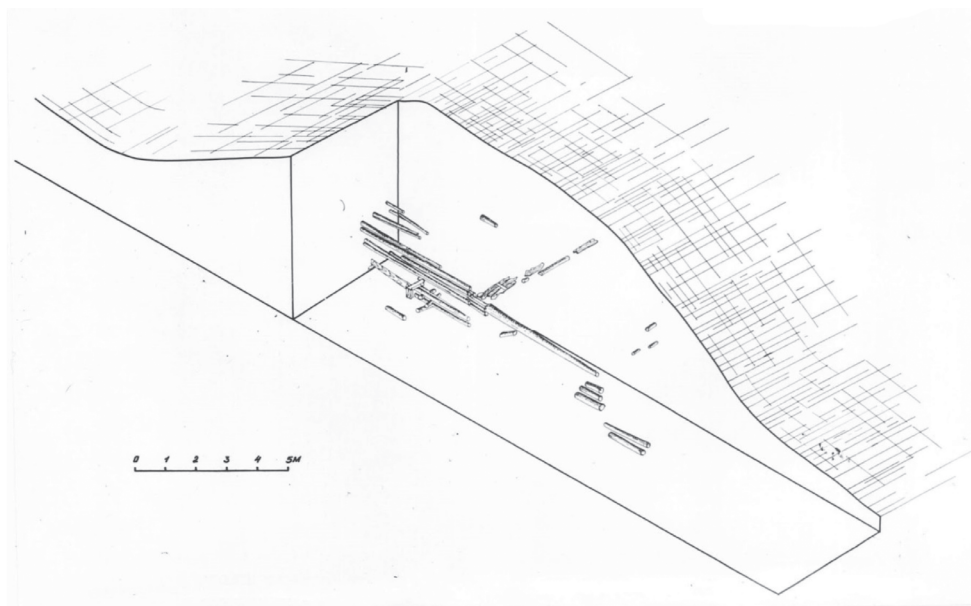

Рис. 34. Вал «Нового большого города» (XVI в.). Расположение остатков внутривальных конструкций. Раскопки в парке «Лопатинский сад», 1978 и 1981 гг. Аксонометрия

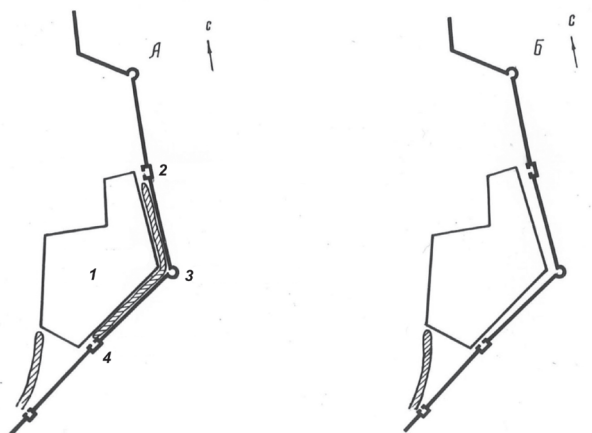
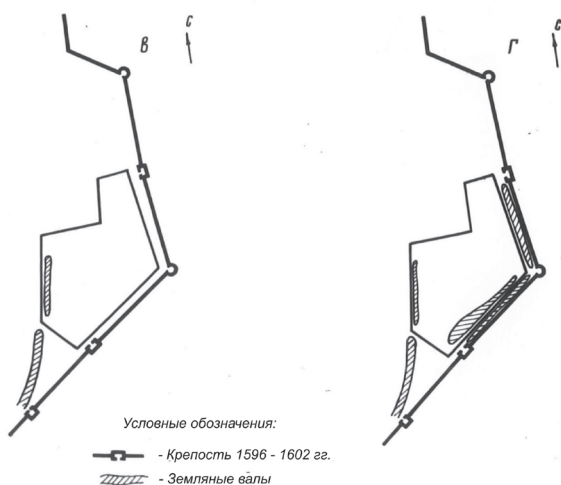

Рис. 35. Схема расположения земляных валов у Авраамиевского монастыря (по данным планов начала XVIII – начала XIX вв.)
1 – Авраамиевский монастырь;
2 – башня Авраамиевские ворота;
3 – башня Заалтарная;
4 – башня Воронина.

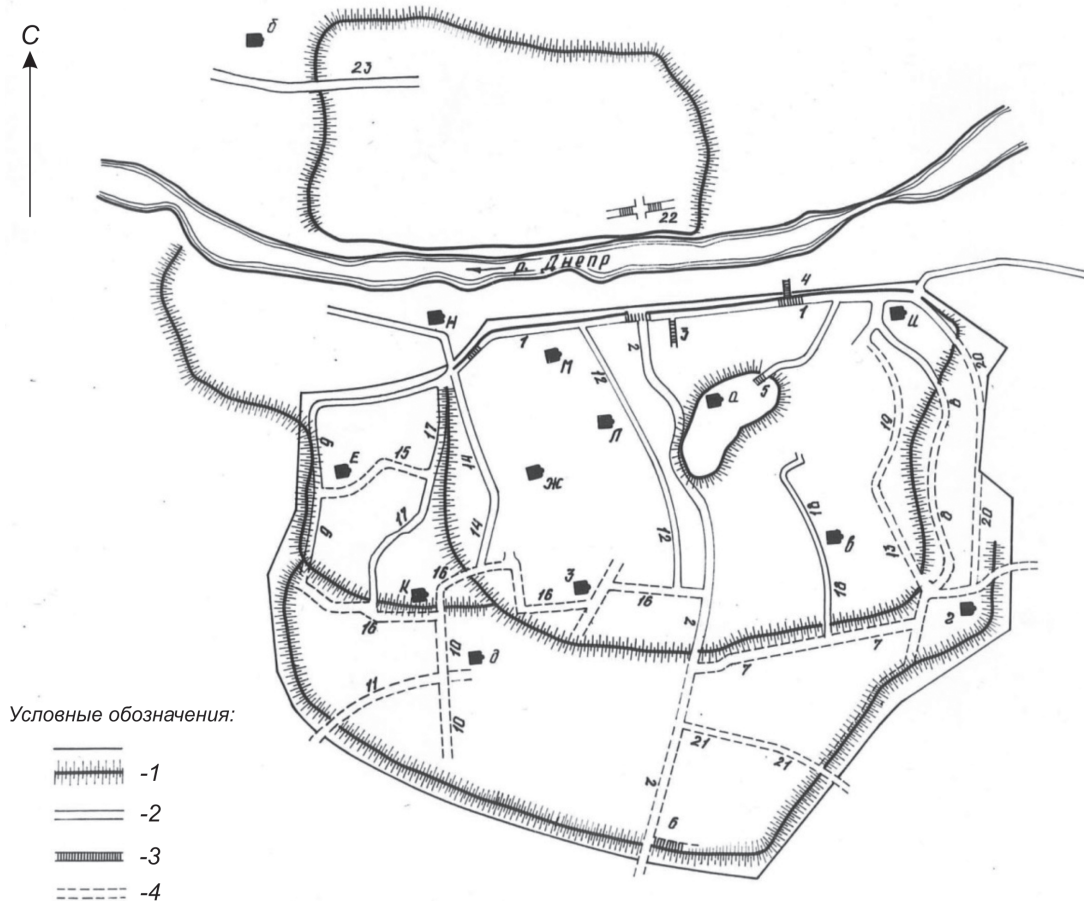

Рис. 36. Городская уличная сеть конца XI — начала XVII вв.

Условные обозначения: 1 — границы городских укреплений до XVII в.; 2 — улицы домонгольского времени; 3 — улицы, известные по данным археологии или наблюдались при различных земляных работах; 4 — улицы, возникшие в период XIV — кон. XVI вв.

Церкви: а — Успенский собор; б — церковь Петра и Павла; в — церковь Спасская; г — Авраамиевский монастырь; д — церковь Ильинская; е — церковь Богородицы Гончарской; ж — церковь Воскресенская; з — Вознесенский монастырь; и — церковь на пересечении Зеленого и Георгиевского ручья; к — Пятницкий монастырь; л — неизвестная церковь; м — малая «Пятницкая» церковь; н — «Пятницкая» церковь.

Названия улиц: 1 — Большая Проезжая улица; Большая дорога — Молоховская; 3 — неизвестная улица к востоку от совр. ул. Соборная гора; 4 — неизвестная улица в районе бывш. Лазаревских ворот; 5 — неизвестная улица на Соборной горе; 6 — неизвестная улица у кинотеатра «Смена»; 7 — неизвестная улица в районе ул. Козловская гора; 8 — Щель; 9 — ул. Отцовская гора; 10 — ул. Ильинская; 11 — ул. Богоявленская; 12 — ул. Резницкая; 13 — ул. Московская; 14 — ул. Воскресенская; 15 — ул. Казанская; 16 — ул. Вознесенская; 17 — ул. Пятницкая; 18 — ул. Спасская; 19 — ул. Егорьевская; 20 — ул. Покровская; 21 — ул. Никольская; 22 — ул. Щекина; 23. ул. Петропавловская

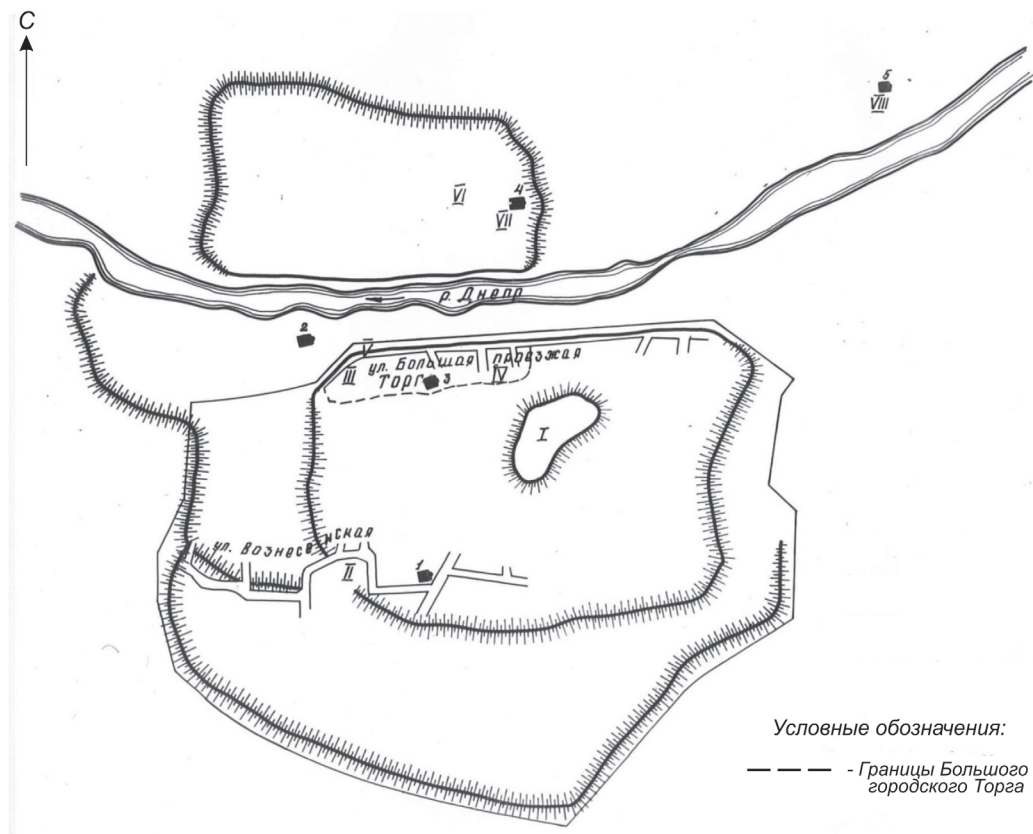

Рис. 37. Хозяйственно-административные учреждения Смоленска XII—XVI вв.

- 1 — Вознесенский монастырь; 2 — «Пятницкая» церковь; 3 — Пятницкая церковь;
 4 — Нижненикольская церковь; 5 — Крестовоздвиженский монастырь;
 I — Владычен двор на Соборной горе; II — Государев двор; III — Житный двор; IV — «Кружало»;
 V — Тюрьма; VI — Литовский гостиный двор; VII — Заднепровский торг; VIII — Ямская слобода

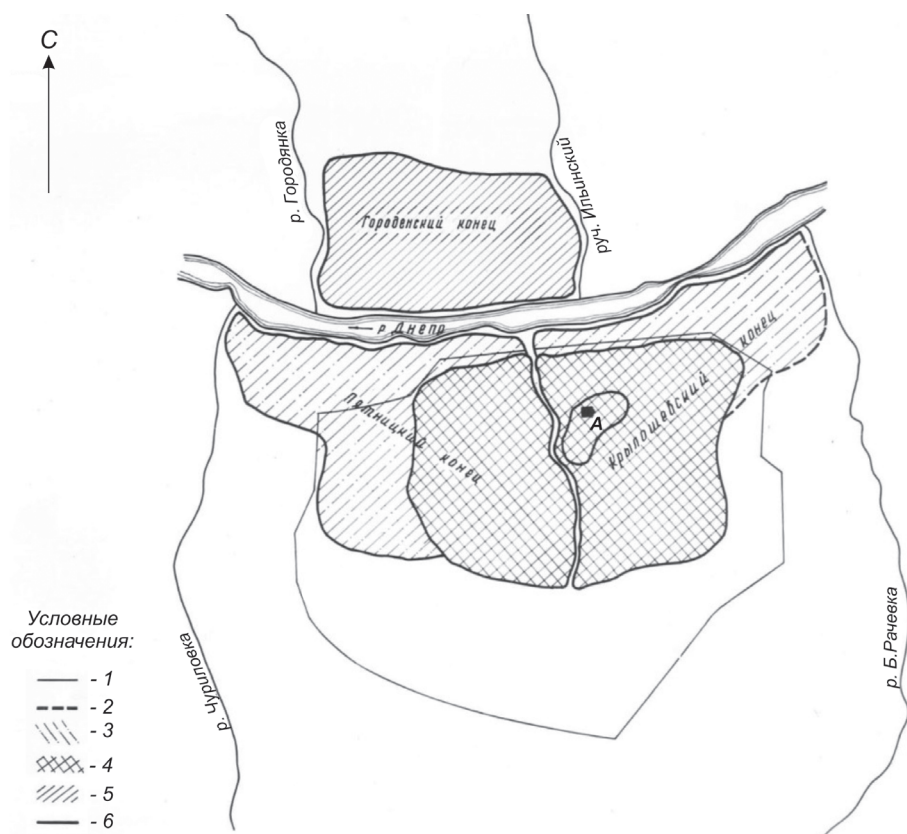

Рис. 38. Территория городских концов в XII–XV вв.

1 — граница крепости 1596–1602 гг.; 2 — возможные границы концов;
 3 — территория концов к концу XII в.; 4 — первоначальная территория концов;
 5 — территория концов к началу XV в.; 6 — границы концов.

А — Соборная гора

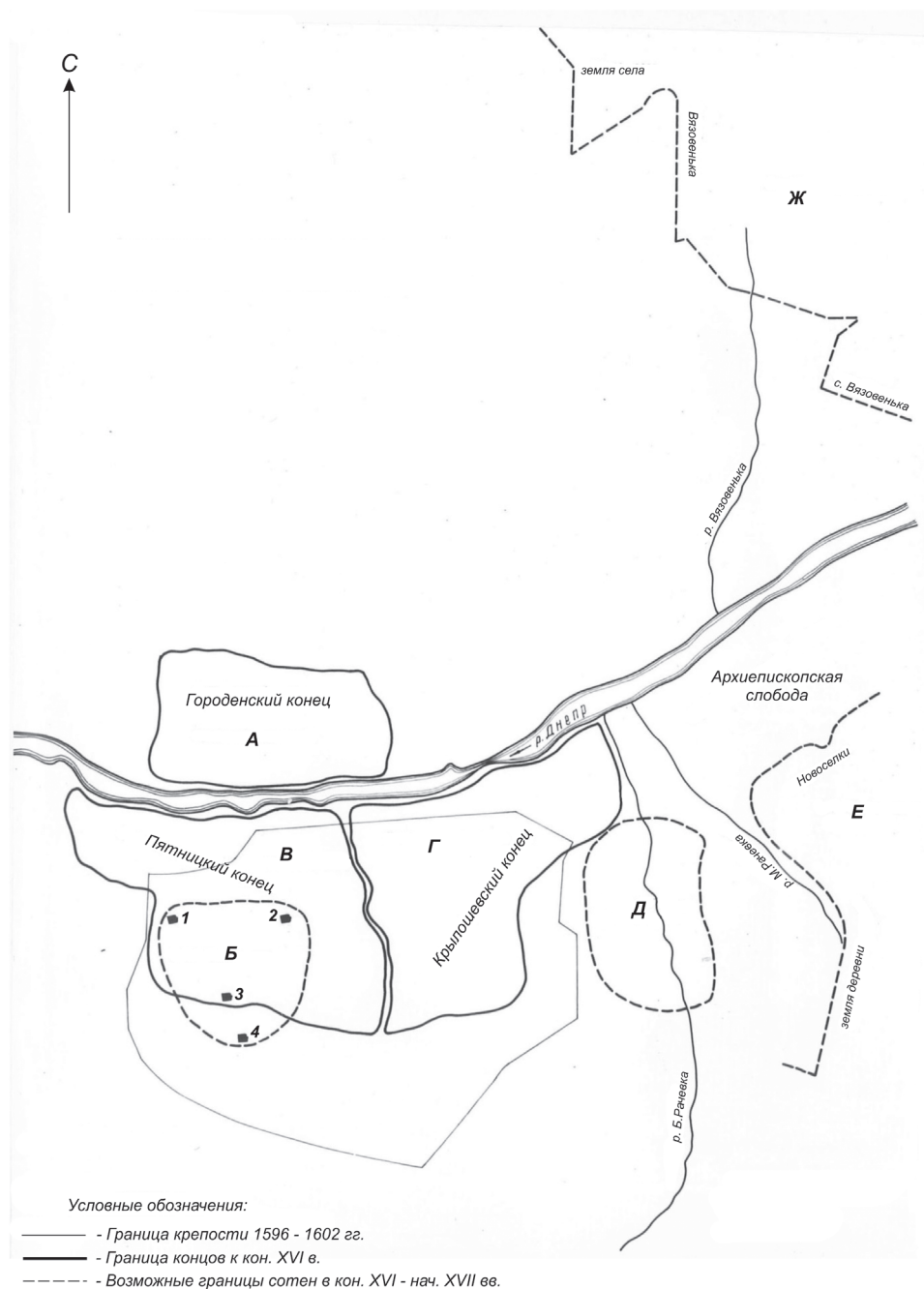

Рис. 39. Возможные места расположения сотен по данным конца XVI — конца XIX в.

А — Городенская сотня (?); Б — Воскресенская сотня; В — Пятницкая сотня (?);
Г — Крылошевская сотня (полусоха) — ?; Д — Воровская сотня (полусоха) — ?; Е — Веденская
сотня (полусоха); Ж — Везовенская сотня.

1 — церковь Богородицы Гончарской; 2 — Воскресенская церковь; 3 — Пятницкий монастырь;
4 — Ильинская церковь

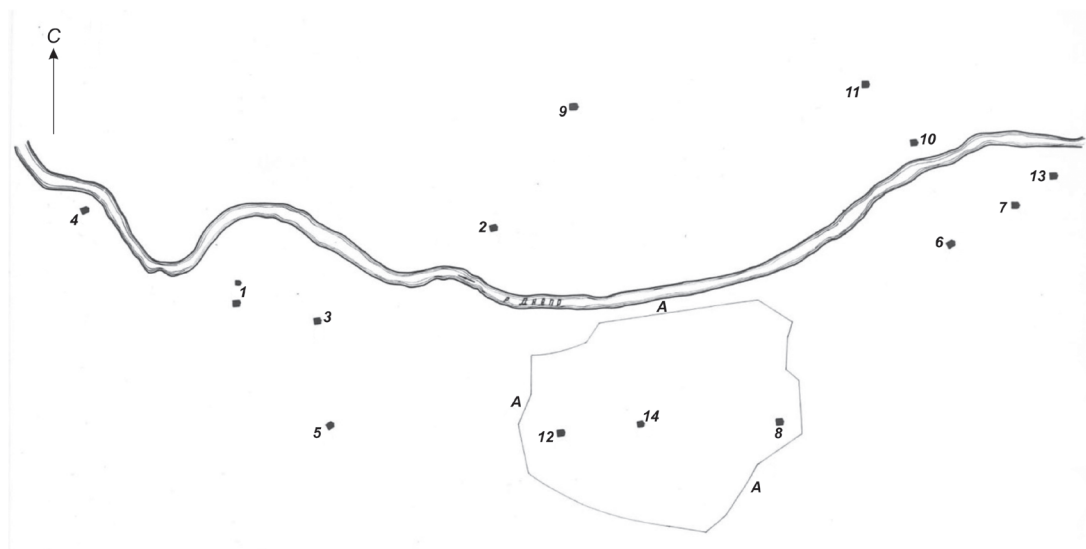

Рис. 41. Схема расположения смоленских монастырей в XII–XVI вв.

А — границы крепости 1596–1602 гг.

Монастыри: 1. Борисоглебский (1145); 2. Петровский (середина XII в.); 3. Михаило-Архангельский (90-е гг. XII в.); 4. Троицкий (90-е гг. XII в.); 5. Спасский (рубеж XII–XIII вв.); 6. Еленский (конец XII – нач. XIII вв.); 7. Ризположенский (конец XII – нач. XIII вв.); 8. Авраамиевский (нач. XIII в.); 9. Покровский (место и время неизвестны); 10. Печерский (нач. XIII в.); 11. Крестовоздвиженский (конец XII в.); 12. Пятницкий (XII–XIII); 13. Духов (конец XVI в., возможно, XII–XIII вв.); 14. Вознесенский (1515)

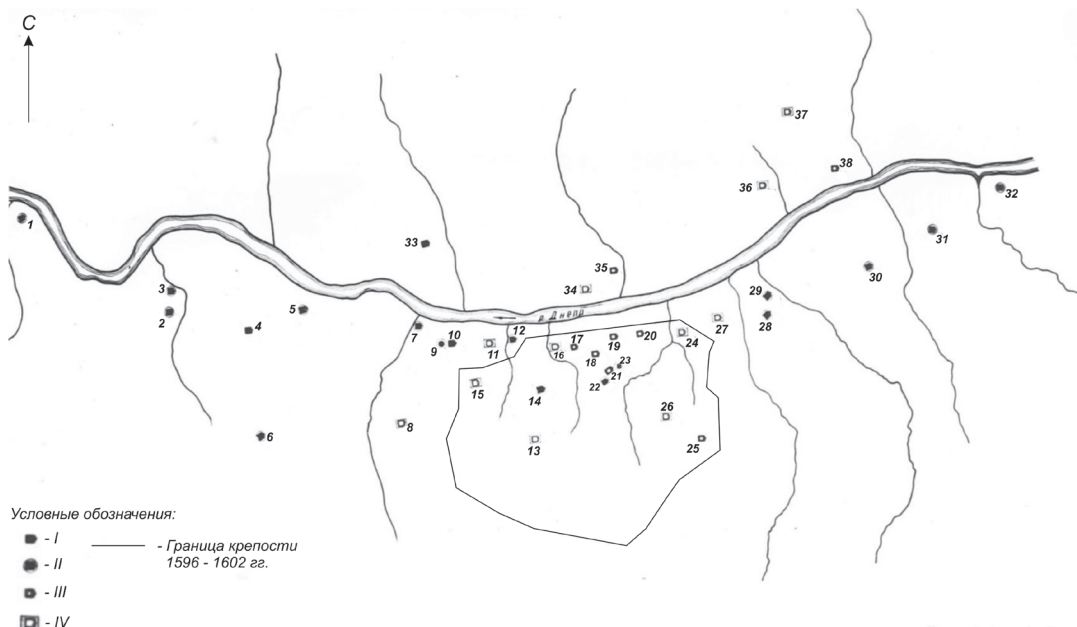

Рис. 42. Схема расположения памятников архитектуры XII–XVI вв.

Условные обозначения: I – сохранившиеся церкви; II – постройки, обследованные археологически; III – постройки, известные по письменным источникам; IV – постройки, известные по наблюдениям XIX–XX вв.

1. Собор Троицкого монастыря на Кловке. (Рубеж XII–XIII вв.). 2. Собор Борисоглебского монастыря на Смядыни (1145 г.). 3. Церковь Василия Борисоглебского монастыря. (Конец XII в.). 4. Церковь Михаила Архнгела. (Между 1180 и 1197 гг.). 5. Церковь на Б. Краснофлотской ул. (Конец XII – начало XIII вв.). 6. Собор Спасского монастыря у бывш. Д. Чернушки. (Рубеж XII–XIII вв.). 7. Церковь у устья р. Чуриловка. (Конец XII – 1-я пол. XIII вв.). 8. Церковь на ул. Богословская Казинка (совр. ул. Пушкина). (XII–XIII вв.). 9. Ротонда. (2-я пол. XII в.). 10. Церковь Иоанна Богослова. (Между 1160 и 1180 гг.). 11. Церковь Николы Полутелого (?). (XII–XIII вв.). 12. Церковь «Пятницкая» (?). (Конец XII в.). 13. «Башня кн. Ростислава», по И.Д. Белогорцеву. (1952). 14. Церковь на Воскресенской горе. (Конец XII – начало XIII вв.). 15. Церковь на пересечении улиц Войкова и Пржевальского. (XII–XIII вв.). 16. Церковь «Пятницкая» (?) на пересечении улиц Студенческая и Войкова. (XII–XIII вв.). 17. Церковь Бориса и Глеба (?). (XII–XIII вв.). 18. Церковь Фрола и Лавра (?). (XII–XIII вв.). 19. Церковь Симеона (?). (Конец XII в.). 20. Церковь Лазаревская (?). (Начало XIII вв.). 21. Успенский собор. (1101 г.). 22. Бесстолпный храм на Соборной горе. (Середина XII в.). 23. Терем. (Середина XII в.). 24. Церковь на углу улиц Покровской (совр. Тимирязева) и Зеленый ручей. (XII–XIII вв.). 25. Авраамиевский монастырь. (Начало XII в.). 26. Церковь Спасская. (XII в.). 27. Руины храма на месте бывш. Церкви Св. Духа на ул. Соболева. (Первая пол. XII в.). 28. Церковь в Перекопном переулке. (Середина XII в.). 29. Церковь на М. Рачевке. (Конец XII – начало XIII вв.). 30. Церковь на Окопном кладбище. (Конец XII – 1-я пол. XIII вв.). 31. Церковь Собор на Протоке. (Конец XII – начало XIII вв.). 32. Собор Духова монастыря. (XVI в.). 33. Церковь Петра и Павла. (Середина XII в.). 34. Руины у бывш. Нижненикольской церкви. (XII–XIII вв.). 35. Церковь Ильи. (XII–XIII вв.). 36. Церковь Екатерины. (XII–XIII вв.). 37. Остатки Крестовоздвиженского монастыря. (XII–XIII вв.). 38. Остатки Печерского монастыря. (XII–XIII вв.).

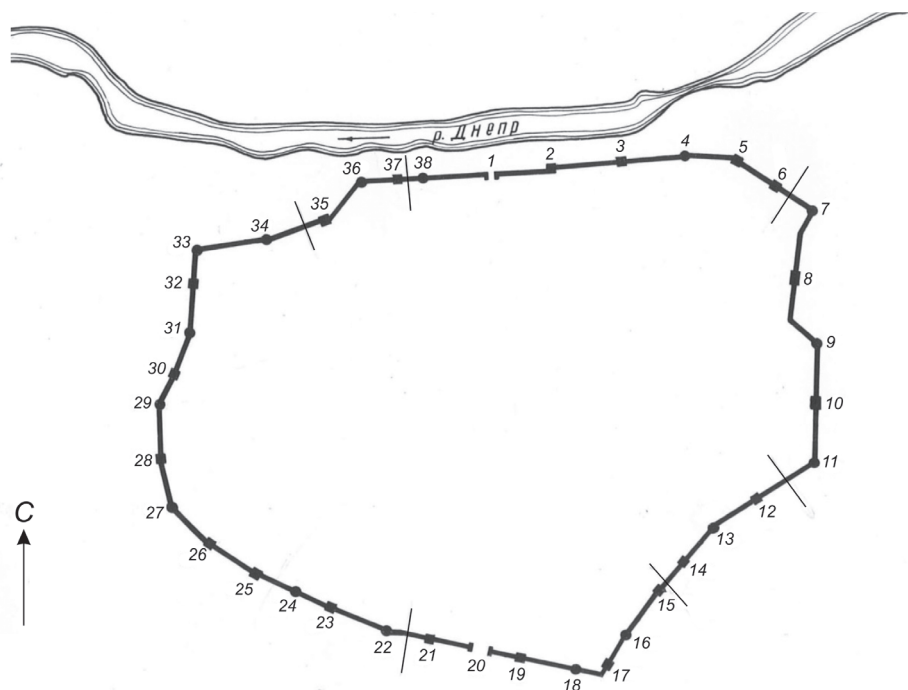

Рис. 43. План крепости (1596–1602) с перечнем башен по росписи М. Шеина 1609 г.

1. Днепровские (Фроловские) ворота; 2. Семеновская башня; 3. Лазаревская башня;
4. Крылошевская башня; 5. Крылошевские ворота; 6. Стефанская башня; 7. Лучинская башня;
8. Четырехугольная башня; 9. Городецкая башня; 10. Авраамиевские ворота; 11. Авраамиевская башня; 12. Четырехугольная башня; 13. Круглая башня; 14. Четырехугольная башня;
15. Еленские ворота; 16. Круглая башня; 17. Четырехугольная башня; 18. Круглая башня;
19. Четырехугольная башня; 20. Молоховские ворота; 21. Четырехугольная башня; 22. Круглая башня; 23. Четырехугольная башня; 24. Круглая башня; 25. Четырехугольная башня;
26. Копытенские (Копыцкие) ворота; 27. Круглая башня; 28. Четырехугольная башня;
29. Круглая башня; 30. Четырехугольная башня; 31. Круглая башня; 32. Четырехугольная башня; 33. Богословская башня; 34. Никольская башня; 35. Пятницкие ворота; 36. Иворская башня; 37. Пятницкие водяные ворота; 38. Городецкая башня

ГОРОДСКАЯ УЛИЧНАЯ СЕТЬ

А. Левобережная часть города (рис. 36)

1. Большая Проезжая улица (совр. улицы Соболева и Студенческая). Так в начале XVII в. называлась улица, которая шла в крепости от Пятницких ворот к Днепровским [81, с. 27, 28, №№ 45, 47]. По мнению С.Д. Ширяева, она составляла часть дороги из Литвы и Польши в Москву через Оршу, Красный, Дорогобуж и Вязьму, которая пересекала Торг, направляясь через Большой Днепровский мост на посад за Днепром [289, с. 39]. В XV в. она проходила несколько иначе: под Смоленском через Чуриловку, далее — по берегу Днепра через Пятницкие и Крылошевские ворота на перевоз на Днепре, расположенный против слободы смоленского епископа на Рачевке [44, с. 167 № 144]. Таким образом, Большая Проезжая улица располагалась вдоль северной границы крепости уже в XV в. Существовала она и ранее. В процессе планомерных археологических исследований и случайных земляных работ были вскрыты некоторые участки этой магистрали города. В частности, один из них в виде остатков деревянных мостовых наблюдался И.М. Хозеровым [281, с. 255] при прокладке водопровода на ул. Студенческой (западная часть Большой Проезжей улицы). В начале XX в. подобные настилы были выявлены напротив места бывших Лазаревских ворот крепости — многочисленные находки фрагментов стеклянных браслетов указывают на функционирование этого участка улицы еще в домонгольское время [228, с. 12, 16]. В раскопе УС-III, заложенном у Днепровских ворот каменной крепости (северная граница совр. ул. Соболева), прослежено 15 ярусов мостовых, последовательно сменявших друг друга с конца XI по XVII вв. [115, с. 85]. В 1973 г. на пересечении улиц Соболева и Большой Советской автором было отмечено несколько верхних настилов мостовых, относящихся к этой же улице. В связи со случайным характером земляных работ определить их хронологию не удалось. В целом, можно считать, что Большая Проезжая улица начинает функционировать, по крайней мере, с конца XI в.; причем, видимо, на всем протяжении от Пятницких — на западе — до Крылошевских — на востоке — ворот каменной крепости, поскольку этот участок городской территории уже в XII в. входил в границы «Старого города».

2. Большая дорога — Молоховская улица (совр. ул. Большая Советская) была главной улицей города в XVI—XVII вв. Шла от Днепровских ворот к Молоховским, проходя у Соборной горы по мосту, перекинутому через Сухой ров, что отмечено на видах Смоленска XVII в. Источники первой половины XVII в. называют ее «большой дорогой» [81, с. 46, № 81], а уже во второй половине XVII в. она именуется Молоховской [170, с. 140]. После незначительной перепланировки, проведенной Петром I, северная оконечность этой улицы стала именоваться улицей Соборная гора. Раскоп УС-V, заложенный у западной границы улицы к югу от Днепровских ворот, выявил четыре яруса мостовых, относящихся к XVI в.

[2, с. I; 112, с. 41; 13, с. 56, 85]. В более раннее время эта улица, видимо, проходила несколько восточнее. Пограничное положение между территориями двух концов города позволяет считать ее достаточно древней.

3. Неизвестная улица к востоку от ул. Соборная гора. Обнаружена при археологических исследованиях 1964–1968 гг. (раскоп УС-IX). Располагалась, приблизительно, в 83 м к востоку от ул. Соборная гора между домами № 2 и № 4 по современной ул. Соболева. Шла к югу от ул. Соболева, перпендикулярно ей. Прослежено 18 ярусов мостовых, нижний из которых датируется серединой 40-х — началом 50-х гг. XII в. Ширина настилов мостовой колеблется от 3 до 4,75 м. Просуществовала до начала XVII в. [3, 4, 5, 6, 7; 224, с. 247]. Уничтожение ее связано, скорее всего, с деятельностью польской администрации, направленной на ликвидацию последствий осады города и заключительного штурма.

4. Неизвестная улица в районе бывш. Лазаревских ворот. Восемь ярусов мостовых этой улицы было прослежено в начале XX в. при строительстве трамвайной электростанции; по находкам стеклянных браслетов можно полагать, что она возникла в домонгольское время. Проходя перпендикулярно линии крепостной стены, она шла от современной ул. Соболева вниз к Днепру за пределы городских укреплений [228, с. 12, 16].

5. Неизвестная улица на Соборной горе. Была выявлена при земляных работах в 1894 г. [131]; являлась, видимо, юго-западной конечностью бывшей ул. Верхне-Митропольской (совр. ул. Школьная). Учитывая значение и древность этого района города, можно полагать, что она возникает довольно рано. Заложный поблизости в 1951 г. раскоп (Соб П) дал дату нижнего слоя — XII в. [I]. Вероятно, существовала в это время и бывшая ул. Нижне-Митропольская (совр. ул. Металлистов). В таком случае улица, обнаруженная к востоку от ул. Соборная гора, соединяла Большую проезжую улицу с бывшей ул. Нижне-Митропольской.

6. Неизвестная улица у кинотеатра «Смена». Во время земляных работ у кинотеатра «Смена» под современной улицей Красногвардейской (ее южная оконечность), к востоку от пересечения с ул. Большой Советской, были вскрыты два яруса мостовых, которые наблюдал в 1972 г. Д.А. Авдусин. Обнаруженная здесь чернолощенная керамика конца первой трети XIV–XVI вв. дает основание предполагать, что улица в этом месте возникла, скорее всего, после возведения в XVI в. новой линии земляных валов.

7. Неизвестная улица в районе ул. Козловская гора (восточная часть совр. ул. Ленина). В документах смоленской Приказной избы упоминается дорога, шедшая «от Авраамиевских ворот по большую дорогу к Молоховским воротам» [31, с. 46, № 81]. На современном плане Смоленска ее направление совпадает с восточной частью ул. Ленина (бывш. ул. Козловская гора). Примечательным является то, что она полностью повторяет направление восточного участка вала «Старого города». Однако, до насыпки вала в XVI в. эта часть городской территории оставалась за пределами укреплений. Следовательно, рассматриваемая улица могла возникнуть не ранее начала XVI в. В более раннее время она прохо-

дила, вероятнее всего, либо к северу, либо к югу от центральной оси восточного участка современной ул. Ленина, о чем свидетельствуют результаты наблюдений за земляными работами на этой территории, которые не выявили слоев, древнее XVI в., связанных с этой улицей.

8. Щель (совр. ул. Зеленый ручей). В росписи караулов 1610 г., содержащейся в документах смоленской Приказной избы сказано: «ездити... от Крылошевоких ворот до Щели, а вверх до Авраамия, а Щелью до Еленских (Никольских — Н.С.) ворот» [81, с. 76, № 132]. Л.Я. Лавровский считал, что направление этой улицы совпадало с направлением более поздней улицы Зеленый ручей, которая начиналась у места слияния Зеленого и Георгиевского ручьев, далее шла вверх к Авраамиевскому монастырю и доходила до Еленских ворот крепости [205, № 8, с. 232]. То есть на протяжении от Авраамиевского монастыря до Еленских ворот она шла по северной части бывшей Авраамиевской улицы (совр. ул. Маршала Жукова). Именно этот участок улицы и именовался Щелью. И.М. Хозеров, однако, полагал, что Щелью именовалась вся улица на протяжении от северной границы крепости до Никольских ворот [281, с. 252], что подтверждается текстом документа. В свое время С.Д. Ширяевым было высказано предположение, что «Щель» означает название не улицы, а урочища [289, с. 42]. Однако, одно не противоречит другому, ведь урочище могло дать свое наименование улице. В развитии данной улицы, по всей видимости, можно выделить два хронологических этапа. Сначала она существовала на протяжении от слияния Зеленого и Георгиевских ручьев до пересечения ее с валом «Старого города» в районе Крылошевских ворот. Памятуя, что в древнерусском городе церковь обычно ставилась на уже сформировавшейся улице, следует попытаться найти здесь остатки церковных построек. В конце XIX в. С.П. Писаревым в северо-восточной части крепости, на углу улиц Покровской (совр. Тимирязева) и Зеленый Ручей, наблюдались следы трехалтарного храма, отнесенного им к домонгольскому времени [238, с. 169]. Отсюда можно полагать, что этот участок улицы возник в относительно ранний период. В XVI в. с возведением нового земляного вала или даже в XVII в. с окончанием строительства каменной крепости Щель получает свое продолжение и простирается до Никольских ворот.

9. Отцовская гора (возможно, совр. ул. Бакунина). Упоминается в документах смоленской Приказной избы под 1610 и 1611 гг. [81, с. 77, № 132; с. 106, № 176]. Л.Я. Лавровский убедительно доказал, что этот топоним является старым названием Казанской горы [205, № 8, с. 232], что видно из контекста документов. Той же точки зрения позднее придерживался и С.Д. Ширяев [289, с. 42]. Но, видимо, этот топоним мог обозначать не только название горы, но и улицы. Следует отметить, что употребление слова «гора» в названии улиц еще в конце XIX — начале XX в. было широко распространено в Смоленске, что объяснялось своеобразием рельефа города. В это время в левобережной части города существовали улицы: Козловская гора, Вознесенская гора, Соборная гора, Казанская гора; а в Заднепровье — Покровская гора [166, план]. Можно предполагать, что улица Отцовская

гора возникла уже в конце XII — начале XIII в., когда территория, на которой она находилась, была включена в пределы укреплений Пятницкого острога.

10. Ильинская улица (совр. ул. Октябрьской Революции). Она проходила в центральной части города в направлении север-юг и упоминается в документах смоленской Приказной избы под 1609 г. [81, с. 101, № 168]. Л.Я. Лавровский считал, что улица на этом месте существовала уже в XVI в. [205, № 9, с. 255]. В 1787 г. у северо-западного угла Блонья, на пересечении улиц Ильинской и Королевской (совр. ул. К. Маркса), строится каменное здание Ильинской церкви. Возможно, в XVI в. ей предшествовала одноименная церковь, поскольку на виде 1627 г. (рис. 4) в указанном месте изображен какой-то храм. Если это так, то временем возникновения Ильинской улицы можно считать период возведения новой линии земляных валов, то есть не позднее XVI в.

11. Богоявленская улица. Местонахождение ее неизвестно. Ориентировочно, она находилась недалеко от Ильинской улицы [81, с. 101, № 168]. Л.Я. Лавровский полагал, что Богоявленская улица одним концом упиралась в Ильинскую, а другим выходила к Копытецким воротам [205, № 9, с. 277]. После перепланировки города польской администрацией она исчезла с плана города, а на ее месте образовалась обширная площадь. Название улицы говорит о том, что где-то в этом месте находился одноименный храм, от которого она получила свое наименование. Об этом свидетельствуют и документы смоленской Приказной избы, упоминающие Богоявленского попа Семена, жившего в этом районе [81, с. 101, № 168; с. 237, № 260]. Время возникновения улицы следует связывать, скорее всего, с устройством «Большого нового города», то есть не ранее начала XVI в.

12. Резницкая улица (совр. ул. Парижской Коммуны). Начиналась в северной части крепости от западного участка Большой Проезжей улицы (совр. Студенческой), против прясла между Городецкой башней и Днепровскими воротами. Далее она шла вверх и своей южной оконечностью упиралась в улицу Малую Вознесенскую (совр. Козлова). В источниках под 1780 г. [178, с. 23] упоминается ручей с таким названием (другое наименование его — Смолигов). Историки города связывали название этой улицы с резней, которая произошла при заключительном штурме Смоленска в 1611 г. [229, с. 168; 237, с. 155]. Она, хотя и без упоминания названия, фигурирует в документах смоленской Приказной избы 1610 г. В уже упомянутой росписи караулов оказано: «от Пятницких водяных ворот до Больших Пятницких ворот, а вверх к Смолигову колодцу» [81, с. 77, № 132], проехать до которого, как справедливо считал Л.Я. Лавровский, можно только по этой улице [205, № 8, с. 233]. Таким образом, Резницкая улица существовала в интересующий нас период и, действительно, могла бы получить свое название в результате событий 1611 г. По мнению же С.Д. Ширяева, на названии улицы сказался производственный характер проживавшего здесь населения [289, с. 42] — резников (мясников), упомянутых в Привилее великого литовского князя Александра Смоленской земле 1905 г. [229, с. XIX–XX; 209, с. 371]. Резницкая улица находилась на территории древнейшей части Смоленска в пределах «Старого города». В срединной ее части, напротив Успенского

собора, в XIX в. наблюдались руины храма домонгольского времени [176, с. 231; 277, с. 72]. Все это свидетельствует о возникновении этой улицы еще в домонгольской период и позволяет считать ее одной из наиболее старых в Смоленске.

13. Московская улица. Возможно, что верхний участок Егорьевской улицы на пространстве «от Егорья к Оврамьеву монастырю» в какое-то время являлся частью Московской улицы, которая далее пересекаясь с улицей Щель у западной границы Авраамиевского монастыря, поворачивала на восток, а после пересечения с Покровской улицей шла к северо-востоку к Авраамиевским воротам и далее — к Рачевскому предместью, переходя в дорогу на Москву, которая в настоящее время не сохранилась. Впервые упоминается в Переписных книгах 1659 г. [237, с. 221; 238, с. 41]. Время ее возникновения неизвестно. Однако, входя в черту «Старого города» она могла возникнуть, по крайней мере, на протяжении от Георгиевской церкви до пересечения с валом «Старого города» у Авраамиевского монастыря задолго до первого упоминания ее источниками, именно в связи с тем, что служила выездом из города на Московский тракт. Достаточно вспомнить, что в 1513 г. во время второго похода на Смоленск войска Василия III подошли к Смоленску именно с этой стороны, а засевший в городе литовский гарнизон вышел из города для битвы «к Пречистое Аврамьевской».

14. Воскресенская улица (совр. ул. Ногина) начиналась от Пятницких ворот крепости и шла с севера на юг на верхние холмы города мимо Воскресенской горы [178, с. 23], где в 1765 г. построено каменное здание существующей ныне Воскресенской церкви. На виде города начала XVIII в. (рис. II) на этом месте изображена деревянная церковь, вероятно, того же названия [141, с. 48]. Можно полагать, что Воскресенская улица называлась так уже в конце XVII — начале XVIII вв. В ходе раскопок под зданием Воскресенской церкви найдены остатки неизвестного кирпичного храма конца XII — начала XIII вв. [158, с. 239–253]. Источник конца XVI в. упоминает церковь Живоначальной Троицы, «что на Воскресенской горе» [93, с. 30]. Возможно, что остатки здания XII–XIII вв. относятся именно к этому храму [138, с. 135]. Таким образом, последовательность строительства церкви на месте Воскресенского храма устанавливается в следующем порядке. В XII–XIII вв. здесь строится церковь Троицы, просуществовавшая, по мнению С.П. Писарева, до 1634 г. [237, с. 18]. Затем возводится деревянное здание Воскресенской церкви, которое в 1765 г. заменяется каменным. Факты переименования церкви через некоторое время, а также строительства на месте старой церкви новой с другим названием известны в истории архитектуры [288]. И в данном случае такое предположение могло иметь место, если бы название горы — Воскресенская — не свидетельствовало о вероятном нахождении здесь и другой церкви, по имени которой называлась гора; кроме того, одна из городских сотен, расположенных здесь в конце XVI — начале XVII вв., также называлась Воскресенской. Раскопанная церковь прекратила свое существование в XV–XVI вв. в результате какой-то катастрофы [158, с. 253]. Очень вероятно, что она была следствием осад Смоленска войсками Василия III. Тот факт, что

Воскресенская церковь на Воскресенской горе в росписи 1598 г. не упоминается, на наш взгляд, подтверждает принадлежность вскрытых руин именно этому храму. Можно, таким образом, полагать, что в XV–XVI вв. здесь находилось два храма — Воскресенский и Троицкий. Развалины XII–XIII вв. принадлежали первому храму. Остатки же Троицкой церкви, вероятно, деревянной, несмотря на археологические раскопки, не прослежены. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что уже в XII–XIII вв. здесь проходила улица со стоящей на ней Воскресенской церковью. О раннем использовании городским населением этого участка свидетельствуют следы культурного слоя, предшествующего постройке храма, с керамикой XII — начала XIII вв., а, возможно, и конца XI в. [10, с. 18]. Установить название улицы для этого времени невозможно, но впоследствии оно совпало с названием церкви.

15. Казанская улица (совр. С. Перовской). Шла с востока на запад, беря свое начало в среднем течении Пятницкого ручья (совр. ручей Воровского), западной оконечностью вливаясь в Большую Казанскую улицу (совр. Бакунина) напротив прясла крепостной стены между Безымянной и Шеиновой башнями [178, с. 23; 166, план]. На пересечении этих улиц находилась церковь Казанской богородицы, построенная в 1767 г., но храм, видимо, того же названия, изображенный на видах города начала XVII в. (рис. 4, 5, 16), был здесь и в более раннее время. Л.Я. Лавровский считал, что упоминаемая документами смоленской Приказной избы церковь Богородицы Гончарской и есть старая Казанская церковь [205, № 9, с. 273, 274]. Храм с таким названием мог появиться не ранее взятия Казани в 1552 г. Таким образом, и существовавшая здесь прежде улица стала именоваться так не ранее второй половины XVI в.

16. Вознесенская улица [178, с. 23]. Получила свое название, видимо, от Вознесенского монастыря, основанного в 1515 г. Василием III. В начале XX в. в Смоленске было три Вознесенских улицы: Большая, Вознесенская гора и Малая [166, план]. Однако, в 1816 г. улиц Большой и Малой Вознесенских еще не существовало, была единственная Вознесенская улица (рис. 8), которая в восточной части совпадала с более поздней ул. Малой Вознесенской (совр. Козлова), далее она включала в себя Безымянный переулок (южная оконечность совр. улиц Войкова и Ногина) и только после этого совпадала [34] с направлением западного участка поздней улицы Большой Вознесенской (совр. Пржевальского). В источниках Вознесенская улица упоминается впервые в 1677 г. [150, с. 1382, прим. 2], но, несмотря на это, можно полагать, что она существовала здесь уже в XVI в.

17. Пятницкая улица (совр. Воровского). Проходила от Пятницких ворот вверх по ручью того же названия до его истока, затем поворачивала на юго-запад и шла строго на юг до пересечения с совр. улицей К. Маркса [178, с. 23; 166, план]. Названа, вероятно, по имени Пятницкой церкви XII–XIII вв. Один из концов города именовался также либо по названию храма, либо Пятницкого монастыря, упоминаемого в начале XVII в. [81, с. 55, № 101; с. 122, № 206]. Топоним «Пятницкая» возник, вероятно, позже самой улицы, так как еще в начале XVII в. Пятницкий ручей, вдоль которого шла улица, именовался Рясной

[81, с. 77, № 132; с. 106, № 176; с. 109, № 183; с. 113, № 192 и др.] Возможно, ранее Рясной называлась и улица.

18. Спасская улица (совр. Реввоенсовета). Расположена в восточной части города [178, с. 27; 166, план]. Берет свое начало в бассейне Георгиевского ручья, затем, извиваясь, но придерживаясь направления север-юг, доходит до пересечения с совр. улицей Ленина. На своем пути она пересекает Спасскую гору, где в 1766 г. была воздвигнута церковь того же названия. Есть основания полагать, что здесь и в более раннее время существовала Спасская церковь, развалины которой обнаружены при земляных работах и датированы по клеймам на плинфе 40-ми гг. XII в. Под руинами храма выявлен культурный слой, отнесенный И.М. Хозеровым к IX–XI вв. [282, с. 24]. Вполне вероятно, что улица в этой части города существовала уже в XI–XII вв.

19. Егорьевская, или Георгиевская улица (совр. Фурманова). Шла в восточной части города в направлении север-юг, беря начало у слияния Георгиевского и Зеленого ручьев и заканчиваясь у стен Авраамиевского монастыря [178, с. 27; 166, план]. На протяжении от Георгиевской церкви и до монастыря в XVII именовалась Московской. Георгиевская улица получила название до постройки на ней в 1781 г. одноименной церкви. Ранее здесь стояла другая Георгиевская церковь. В источниках под 1605 г. упоминается деревянная Георгиевская церковь, которая в 1659 г. была возобновлена [231, с. 23]. Возможно, что храм Святого Юрия «оу городе», упомянутый в 1470 г. и есть эта Георгиевская церковь [70, с. 70]. Если это так, то можно полагать, что Егорьевская (Георгиевская) улица возникает не позднее 3-ей четверти XV в. Если же учесть, что она, по существу, является началом ул. Московской, то появление ее следует отнести к еще более раннему времени. Упомянутая в 1790 г. Нижне-Егорьевская улица должна была находиться, вероятно, в этом же районе [178, с. 27].

20. Покровская улица (совр. Тимирязева). Проходила вдоль восточной границы крепости, внутри ее, начинаясь недалеко от слияния Георгиевского и Зеленого ручьев и заканчиваясь у Авраамиевского монастыря [178, с. 27; 166, план]. В 1789 г. на ней строится каменная церковь того же названия, а до 1746 г. здесь существовала деревянная Покровская церковь с приделом «Живоносного источника» [231, с. 23]. Определить время появления улицы в данном месте трудно, так как она находилась за пределами укрепленной территории Смоленска, видимо, вплоть до постройки каменной крепости.

21. Никольская улица (совр. Тухачевского). Находится в северо-восточной части города. Берет начало от пересечения с ул. Богословской (совр. Большая Советская) и идет в юго-восточном направлении к Никольским (Еленским) воротам [178, с. 27; 166, план]. На пересечении Никольской улицы с Авраамиевской (совр. Маршала Жукова) перед Никольскими воротами находилась церковь того же названия, сгоревшая в 1812 г. [231, с. 24] Время возникновения этой улицы определить трудно. Скорее всего, она появилась после того, как эта территория в XVI в. была окружена новой чертой земляных укреплений. Первоначально она

именовалась как-то иначе, так как ворота, рядом с которыми она располагалась, еще в начале XVII назывались Еленскими (рис. 43). Переименование ворот и улицы, вероятно, связано с постройкой Никольского храма.

Б. Заднепровье (рис. 36)

22. Щекина (?) улица. Упоминается в «Наказе» смоленских воевод посадским старостам и объездным головам 1608 г., где сказано: «ездити в Смоленску на посаде и в слободах за Городнею, и от Городни до Щекиной» [43, с. 416, № 349]. Упоминание речки Городни указывает на Заднепровскую часть Смоленска. Можно предположить, что Щекина — это название какой-то улицы, так как одноименных речек или урочищ в городе нет. Местонахождение этой улицы неизвестно. Возможно, ей принадлежат деревянные настилы мостовых, которые наблюдал И.М. Хозеров при прокладке водопровода по ул. Заднепровская набережная напротив Старого моста через Днепр, ведущего к Днепровским воротам крепости [238, с. 255]. Время ее возникновения не установлено.

23. Петропавловская улица (совр. Кашена). Шла параллельно береговой линии Днепра с запада на восток [178, с. 29; 166, план]. Если брать ее положение на плане города применительно ко времени начала XVII в., то ее западная часть находилась бы на территории Новой загородной слободы, а восточная — на территории Острога. Улица получила наименование от стоящей на ней церкви Петра и Павла середины XII в. и возникла, вероятно, не позже этого времени.

ТЕРРИТОРИЯ СОТЕН (рис. 39)

1. Веденецкая сотня или полусоха [42, т. 2, с. 308, № 259; 81, с. 153, № 232] С.П. Писарев помещал ее в Рачевском предместье Смоленска вдоль берега Днепра, считая, что населяли ее «полумещане», то есть жители, занимавшиеся сельским хозяйством наряду с ремеслом [238, с. 41]. Здесь С.П. Писарев допускал распространенную в то время ошибку, связывая термин «соха» с обязательным занятием земледелием, на что указывал С.Б. Веселовский: «Живущие сохи, выти и обжи суть условные величины... Приравнивание того или иного числа дворов этим величинам было одним из приемов установления этих условных величин» [147, т. I, с. 13].

Термин «веденец» означает «переселенец» [264, вып. 2, с. 44]. Вероятно, основным контингентом ее населения были выходцы из других земель. Из грамоты 1497 г. великого литовского князя Александру епископу Солтану видно, что выходцы из Твери и Москвы были привлечены на земли епископа при образовании Архиепископской слободы на Рачевке, следовательно, Веденецкую сотню следует искать, как и полагал С.П. Писарев, на Рачевке. К востоку от р. Малой Рачевки и к югу от Архиепископской слободы еще в XIX в. существовала деревня Новоселки [166, план]. Возможно, что Веденецкая сотня (полусоха) конца XVI начала XVII вв. находилась именно в этом месте.

2. Везовенская сотня [94, с. 134; 42, т. 2, с. 310, № 259; 81, с. 144, 145, № 229; с. 156, 157, № 232; с. 163, 164, № 235; с. 212, 213, № 248; с. 215, № 250; с. 244, № 264]. Дореволюционные исследователи Смоленска связывали это название с существованием в районе р. Чуриловки особой слободы возчиков, которые занимались перевозкой товаров от Смядынской пристани в город. Впервые эта мысль была высказана И.М. Красноперовым [198, с. 92], а затем поддержана С.П. Писаревым [238, с. 41, 154], П.В. Голубовским [161, с. 142, прим. 3] и И.И. Орловским [232, с. 219]. Этой точки зрения придерживается и ряд современных исследователей [281, с. 232; 158, с. 149]. Но если бы название сотни происходило от слова «возить, везти», то оно должно было упоминаться в источниках только как «Везовенская», тогда как документы знают и другое написание — «Вязовенская». Один из правобережных притоков Днепра, впадающий в него напротив Архиепископской слободы на Рачевке, называется Вя/е/зовенька или Вя/е/зовна. Впервые он упомянут в 1456 г., есть сведения о нем и позднее (1610 г.). В первом случае название притока имеет написание «Вязовна» [70, с. 65], во втором — «Везовна» [81, с. 44, № 74], что отразилось и в двух вариантах написания наименования сотни. Если принять во внимание, что до начала XX в. здесь располагалась деревня Вязовенька, которая позднее вошла в городскую черту, то можно полагать, что в этом месте и находилась Везовенская сотня.

3. Воровская сотня или полусоха [94, с. 139; 42, т. 2, с. 308, 309, № 259; 81, с. 146, № 229; с. 212, № 248; с. 244, № 264]. Помещается исследователями к вос-

току от Авраамиевского монастыря в верховьях оврага, по которому протекает русло р. Большой Рачевки в районе совр. улицы Твардовского, бывш. Запольной [238, с. 41; 281, с. 234]. Наименование сотни происходит от словосочетания «ворву». Никаких данных, позволяющих судить о составе и местонахождении ее, источники не приводят.

4. Воскресенская сотня [42, т. 2, с. 309, 310, № 259; 81, с. 127, № 220; с. 142–144, № 229; с. 155, 156, № 232; с. 159, 162, 163, № 234; с. 212, 213, № 248; с. 215, 216, № 250]. Локализуется в районе Воскресенской горы, находящейся внутри каменной крепости. Судя по документам начала XVII в., на ее территории находились Воскресенская, Ильинская, Богородицы Гончарской церкви и Пятницкий монастырь. Таким образом, территория сотни не ограничивалась исключительно Воскресенской горой, а простиралась к югу от нее, где располагались Ильинская церковь и Пятницкий монастырь, а также захватывала часть Казанской (Отцовской) горы с церковью Богородицы Гончарской. Примечательно, что эта сотня почти полностью входила в пределы Пятницкого конца.

5. Городенская сотня [42, т. 2, с. 308, № 259; 81, с. 151–153, № 232; с. 212, 213, № 248; с. 215, № 250]. Локализуется в Заднепровье в междуречье Городянки и Ильинки [238, с. 38; 281, с. 234]. Видимо, находилась на территории «Городенского» конца.

6. Крылошевская сотня или полусоха [94, с. 136; 42, т. 2, с. 309, № 259; 81, с. 146, № 229; с. 154, № 232; с. 213, № 248; с. 216, № 250]. Скорее всего, находилась в Крылошевском конце. Более подробных сведений о ней не сохранилось.

7. Пятницкая сотня. Впервые упомянута в смоленской крестоприводной книге [94, с. 136]. В документах смоленской Приказной избы отмечена всего один раз [81, с. 214, № 250]. Находилась, вероятно, на территории Пятницкого конца. Других сведений не обнаружено.

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ (рис. 41)

1. Борисоглебский монастырь на Смядыни. Основан в самом начале XII в., возможно, одновременно с постройкой в городе каменного кафедрального собора [158, с. 37–39]. В 1145 г. Ростислав Мстиславич закладывает здесь каменный Борисоглебский собор [77, с. 27]. Монастырь неоднократно упоминается в документах XVI–XVII вв. [93, с. 29; 42, т. 2, с. 174, № 148; с. 276, № 233; с. 291, № 245 и др.; 81, с. 79, № 136].

2. Петровский монастырь. Располагался в Заднепровье, на правом берегу р. Городянки. Возник на месте загородного двора смоленского князя, где в середине XII в. возводится каменный храм во имя апостолов Петра и Павла. В конце XII в. церковь переходит в обладание городской сотенной организации и, видимо, вскоре превращается в монастырский собор [158, с. 64–90]. Петровский монастырь многократно упоминается в документах смоленской Приказной избы начала XVII в. и иностранных источниках этого времени [42, т. 2, с. 318, № 266; 51, с. 6; 81, с. 17, № 13; с. 79, № 136; с. 158, № 233].

3. Михаило-Архангельский монастырь. Расположен на Смядыни. Церковь Михаила Архангела была построена в годы княжения Давида Ростиславича (1180–1197), как загородный княжеский храм [62, с. 703, 704; 158, с. 163–195]. Время превращения его в монастырский собор неизвестно. В документах XVI–XVII вв. упоминается как Архангельский, или Михайловский монастырь [93, с. 30; 42, т. 2, с. 318, № 266; 45, с. 6; 81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 136].

4. Троицкий монастырь на р. Кловке. Расположен примерно на километр западнее Смядыни. Дата постройки монастырского собора – 90-е гг. XII в. [158, с. 196–220]. Упоминается в источниках XVI–XVII вв. [42, т. 2, с. 318, № 266; 44, с. 370, № 224; 51, с. 6; 81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233].

5. Спасский монастырь у бывшей деревни Чернушки. Время постройки монастырского собора – рубеж XII–XIII вв. [158, с. 254–273]. Известен по документам начала XVII в. [42, т. 2, с. 318, № 266; 45, с. 6; 81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233].

6. Еленский монастырь. Упоминается в документах смоленской Приказной избы начала XVII в. [81, с. 13, № 17]. Возникновение его, видимо, надо отнести к домонгольскому времени. К востоку от Архиепископской слободы на Рачевке, в юго-восточном углу совр. Окопного кладбища был раскопан храм конца XII – начала XIII вв. [158, с. 287–299]. В литературе его не без основания отождествляют с храмом Константина и Елены. В этом месте находилось село, которым владела великая княгиня Елена, дочь Ивана III и жена литовского великого князя Александра [138, с. 131; 238, с. 172]. Село известно с конца XV в. [44, с. 167, № 144]. Возможно, что раскопанная церковь была собором Еленского монастыря.

7. Ризоположенский монастырь. Известен из Жития Авраамия Смоленского. Церковь во имя «Положения риз Богородицы» была основана епископом Игнатием в начале XIII в. [91, с. 154]. Возможно, что огромный храм конца XII — начала XIII вв., раскопанный в восточной части Рачевского предместья, и был собором этого монастыря. Начало разрушения собора относится, возможно, уже к XIII в. В XIV—XV вв., на его месте функционирует кладбище. Однако, сам монастырь мог существовать здесь еще какое-то время [158, с. 300—329]. Впрочем, эти развалины могли принадлежать и другому монастырю, имя которого неизвестно. Для удобства изложения в дальнейшем он будет условно именоваться Ризоположенским.

8. Авраамиевский монастырь. Впервые «пречистая Авраамиевская» упоминается в 1513 г. в связи со вторым походом Василия III на Смоленск [61, с. 193]. Можно полагать, что монастырь возник вскоре после канонизации Авраамия, то есть в первой половине XIII в. С ним связывают монастырь, основанный епископом Игнатием закладкой Ризоположенской церкви [91, с. 15; 176, с. 269, 270; 238, с. 113—114, 137]. Постройки Авраамиевского монастыря, правда, уже XVIII в., сохранились до настоящего времени в восточной части крепости. Еще в 1838 г. в Смоленске бытовало устное предание о древней деревянной Богородицкой церкви. Скорее всего, монастырь находился на этом месте с самого начала. Известен источникам конца XVI — начала XVII вв. [93, с. 30; 42, т. 2, с. 313, № 260; 81, с. 13, № 17; с. 132, № 224; с. 158, № 233].

9. Покровский монастырь. Располагался в Заднепровье на Покровской горе. Известен с конца XVI в. [93, с. 30]. Неоднократно упоминается в документах смоленской Приказной избы [42, т. 2, с. 318, № 265; 81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; с. 158, № 233]. Скорее всего, существовал и ранее. В описания паводка 1443 г. упоминается Покровская гора, наименование которой и дал, вероятно, находившийся здесь монастырь [67, с. 29].

10. Печерский монастырь. Упоминается в источниках начала XVII в. [42, т. 2, с. 318, № 265; 81, с. 79, № 136]. Исследователями локализуется юго-восточнее Гурьевского кладбища, у подножия Печерской горы в Заднепровье [137, с. 92; 238, с. 177—179]. Возможно, существовал и в более раннее время. Одна из редакций «Повести о Меркурии Смоленском» сообщает, что Меркурий был призван на подвиг из Печерского монастыря, который «вне града бысть близ за Непр рекою» [50, с. 55].

11. Крестовоздвиженский монастырь. Известен из Жития Авраамия Смоленского [91, с. 137]. В этом монастыре Авраамий начинал свою проповедническую деятельность. Следовательно, монастырь существовал уже в конце XII в. Находился в Заднепровье. Исследователи локализовали его у юго-западного угла Гурьевского кладбища. Поздним источникам неизвестен [223, с. 515; 229, с. 44; 237, с. 12, 13; 238, с. 177, 178; 137, с. 92].

12. Пятницкий монастырь. Упоминается исключительно в документах начала XVII в. [81, с. 55, 57, № 101; с. 122, № 206]. Видимо, существовал задолго до этого, так как располагался в пределах Пятницкого конца. Локализуется на месте

пересечения улиц Большая Вознесенская (совр. Пржевальского) и Николаевской (совр. Ногина) [232, с. 242; 205, № 9, с. 275].

13. Духов монастырь. Самые ранние сведения о нем относятся к началу XVI в. [42, т. I, с. 313, № 260]. Позднее Духов монастырь несколько раз упомянут при описании событий начала XVII в., связанных с осадой города [81, с. 13, № 17; с. 79, № 136; 206, с. 27]. Располагался на левом берегу Днепра при впадении безымянного ручья около деревни Шейновки. Раскопанный монастырский собор датируется концом XVI в. [253]. Возможно, что ранее здесь был деревянный монастырь.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ

1. Церковь Богородицы Гончарской. Время ее возведения неизвестно. Возможно, что другое название ее — церковь Казанской Богоматери [205, № 9, с. 273, 274]. Если это так, то строительство ее следует отнести ко второй половине XVI в. Находилась на Казанской горе, недалеко от места Шеиновской башни, в районе современной улицы Бакунина. Церковь стояла на территории Воскресенской сотни [81, с. 162, № 234]. Само название ее указывает, что это был приходской храм гончарной ремесленной организации. Ему принадлежали три двора на территории Воскресенской сотни, жители которых были заняты в различных промыслах.

2. Церковь Богородицы. Время построения церкви и ее точное местонахождение неизвестно. Возведена на земле Воскресенской сотни. Ей здесь принадлежал один двор [81, с. 159, № 234]. Возможно, что в данном случае источники подразумевают ту же церковь Богородицы Гончарской, о которой говорилось выше. Если это так, то последней принадлежало не три, а четыре двора.

3. Благовещенская церковь. Дата постройки неизвестна. Стояла на земле Воскресенской сотни. Здесь же имела один двор, на котором жил «портной мастер, да шурин ево» [81, с. 159, № 234].

4. Церковь во имя Ярославских чудотворцев. Из названия ее видно, что церковь возникла не ранее второй половины XV в. [190, с. 171, 172]. Местонахождение ее неизвестно. Ориентировочно она локализуется на территории Пятницкого конца, в пределах каменной крепости, в районе места бывших Пятницких водяных ворот [205, № 8, с. 242, 243]. В этом же месте, видимо, находился двор, принадлежавший церкви [81, с. 167, № 238].

Комментарии к работе Н.В. Сапожникова (И.Н. Ершов, В.С. Курмановский)

с. 16 — «Эта группа источников представлена всего одним видом Смоленска на иконе Смоленских чудотворцев Авраамия и Меркурия, икона происходит из церкви села Сверчково под Смоленском». Фактически аналогичная икона Св. Авраамия и Меркурия, в публикации датированная 1723–1728 гг. и вывезенная в 1920 г. из Успенской церкви с. Бастеновичи Могилевской обл., находится в собрании Государственного художественного музея Белоруссии (*Жываніс Беларусі*, 1980. Кат. № 68.). Изображение Смоленска имеется также на т.н. «Кутузовской» иконе Богоматери Одигитрии, поднесенной М.И. Кутузову представителями смоленских купцов и мещан в ноябре 1812 г. (Пуцко, 2000. С. 107–112)

с. 24 — «К этому же времени относится нижний слой поселения на Соборной горе, которое вторично заселяется уже в древнерусское время». В 2014–2015 гг. работами Смоленской экспедиции ИА РАН на Соборной горе были обнаружены следы поселения культуры смоленско-полоцких длинных курганов к. VIII — нач. X вв.

с. 34 — «Восточнее него находится Мавринский овраг с протекающей по его дну речкой Малой Рачевкой. Далее отмечается Шейновский овраг. Между двумя последними оврагами лежит обширная Бабья гора». «Чертов ров» — лишь восточный отросток Рачевского оврага, где находятся т.н. Марголинские источники; Мавринский овраг — восточнее М. Рачевки, в районе Окопного кладбища, а гора за Шейновским оврагом Девичья — Бабья гора — отмечена Л.Я. Лавровским в Заднепровье, где последовательно с запада на восток им перечислены Покровская, Бабья, Лысая, Печерская, Молодецкая горы (*Полесский-Щепилло*, 1870. С. 172; Орловский, 1905. С. 41. Карта; Лавровский, 1914. С. 4).

с. 37 — «В литературе по истории Смоленска сложилось мнение о том, что территория, прилегающая к Соборной горе, является местом окольного города... В связи с тем, что пока мы не в состоянии с уверенностью определить место первоначального поселения города, то понятие «Окольный город» для Смоленска является преждевременным». Это замечание до сих пор актуально, хотя и можно гипотетически предполагать, что этот термин может относиться к древним отложениям культурного слоя XI–XIII вв. к югу от Соборной горы — древнейшего ядра города.

с. 41 — «Д.А. Авдусин доказал существование здесь уже в начале XII в. крепостных ворот». Д.А. Авдусин (Авдусин, 1952. Отчет № 702) лишь предположил нали-

чие ворот по косвенным данным (направление мостовой с юго-востока на северо-запад в раскопе УС-3 на ул. Соболева).

с. 42–45 — Н.В. Сапожников датировал построение «Нового большого города» 1530-ми гг., т.е. существенно раньше, чем твердо обоснованная сейчас после раскопок Г.Н. Пронина в 2010–2011 гг. на площади Победы (*Пронин, Соболев*, 2012) дата — 1570–80-е гг.; далее в тексте он сам приводит первое упоминание «нового города» в документе 1580-го года. Кроме того, анализируя сообщения нач. XVII в. об остатках дерево-земляного оборонительного сооружения вдоль берега Днепра внутри каменной стены, Н.В. Сапожников, кажется, не допускает возможности того, что это не остатки «Старого деревянного города» (возможно, существенно более раннего), а «Нового», построенного, как уже было упомянуто, в 1570–80-х гг.

с. 43 — *«Днепровские, или Фроловские ворота новой крепости являлись главными воротами Смоленска»*. «Днепрские ворота» в Смоленске упомянуты уже в документе 1497 г. из 6-й книги записей Литовской Метрики: «двор с клетками кн(я) зя Михайлов Дмитриевича Вяземского в Смоленску на Торговищи подле Днепрских ворот». (*Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 1 (6). 2012. № 238. С. 165).

с. 46–47 — о находке на усадьбе Станиславского на ул. Ногина вятического комплекса женских украшений сер. XII в. нужно сказать, что в настоящее время очевидно, что эта территория была в XII в. довольно плотно заселена. Маловероятно сооружение кургана вятического типа рядом с церквями на городской территории.

с. 47 — *«Здесь находился и двор князя Романа Ростиславича со стоящей на нем церковью Иоанна Богослова»*. Никаких археологических доказательств наличия в Пятницком конце двора князя Романа Ростиславича пока нет.

с. 56 — *«В этом месте в XV–XVII вв. начиналась дорога на Москву. В Переписных книгах 1659 г. она именно так и называлась — Московской [237, с. 221, 222]»*. Здесь Н.В. Сапожников ссылается на С.П. Писарева, тот, в свою очередь, ссылался на листы документа, который он видел в Смоленском музее. Очевидно, что документ пропал в годы войны. Список с переписной книги Ямской слободы Смоленска 30 марта 1659 г. сохранился в составе сборника писцовых, межевых и переписных книг ямских слобод в РГАДА (*Описания городов...*, 2005. С. 220). Тезис С.П. Писарева о прохождении старой дороги на Москву по левому берегу Днепра нуждается в проверке.

с. 57 — *«Несмотря на то, что поселение в Заднепровье существовало, по мнению исследователей, уже с XII в.»*. По данным раскопок О.М. Олейникова 2005 г. на ул. Ново-Ленинградская, д. 11 (*Олейников*, 2005. Отчет № 31696), в Заднепровье могли существовать поселения уже в к. IX–X вв., а в XI в. могла существовать и усадебная застройка городского типа. В этой части города к настоящему времени раскопано около 1000 м², однако, замечание Н.В. Сапожникова о недостаточности исследований по-прежнему актуально.

с. 58–59 — *«Наблюдение над культурным слоем Смоленска в Заднепровье во время*

земляных работ и данные геобурения показали наличие здесь культурных напластований толщиной от 2 до 5 и более метров». В раскопах Н.И. Асташовой 1985–90-х гг. у Нижне-Никольской церкви на ул. Беляева мощность культурного слоя составила 6 м.

с. 60 — «...численность воинов-профессионалов, участвовавших в защите лево-бережной крепости, составляла всего 9,4 % от общей численности ее гарнизона, состав которого складывался из представителей дворян, крестьян и посадских». Принадлежность смоленских дворян, а также «иностранцев» (взязмичей и дорогобужан), под которыми понимались не выходцы из данных городов вообще, а представители соответствующих служилых корпораций, к категории воинов-«непрофессионалов» не соответствует современным представлениям о вооруженных силах Русского государства XVI–XVII вв. (Малов, 2006. С. 13–14; Курбатов, 2011. С. 89–90).

с. 61 — «В одной из грамот Сигизмунда III так прямо и сказано: «уничтожить на посадах крепости, а распространять оныя в городе». Возможно, здесь имеет место неточный перевод документа в приложении к труду Н.А. Мурзакевича. Распоряжения правительства Сигизмунда III запрещали организацию каких-либо поселений за крепостной стеной. Так, например, бывшая архиепископская слобода, располагавшаяся у церкви Петра и Павла, была сведена за крепостные стены (Привилей короля... Литовская Метрика. Кн. 101. Л. 208–213 об.).

с. 61 — «В этом смысле особый интерес представляет вид Смоленска 1610 г., исполненный Г. Келлером и известный в трех вариантах». Достоверность гравюры Г. Келлера как источника для реконструкции облика Смоленска начала XVII в. вызывает большие сомнения. Изображение города отличается высокой степенью условности. С реальным городом ее роднит фактически лишь расположение на двух берегах Днепра и наличие каменных стен с башнями. Весьма характерно, что на гравюре, в отличие от изображений 1627 и 1632–1634 гг., не показано ни одного сооружения, сколько-нибудь напоминающего православный храм. Вероятно, автор гравюры, не видевший Смоленска «живьем», мог руководствоваться при ее создании словесными описаниями очевидцев. Вообще, европейские изображения русских городов и крепостей XVI в., очевидно, достаточно условны и напоминают «стандартные типографские клише» (Филюшкин, 2015. С. 126–127).

с. 63 — «Следовательно, поминание в источниках «Большого каменного города» за десять лет до строительства крепости может косвенно свидетельствовать о правильности наших выводов, то есть, что какие-то каменные укрепления в Заднепровье существовали ранее постройки знаменитой смоленской крепости». Никаких археологических данных о существовании каменных оборонительных сооружений в Заднепровье пока не получено.

с. 64 — «Наблюдение за культурным слоем в этом месте показало, что толщина его не превышает 50 см. Столь незначительная мощность слоя может говорить о позднем освоении этой территории». К югу и востоку от церкви Петра и Павла культурный слой в раскопах 2004–2006 гг. О.М. Олейникова (Олейников, 2005–

2006. Отчет) и В.В. Миненко (Миненко, 2005. Отчеты) достигал 3 м и содержал отдельные находки XI в., что противоречит предположению автора о позднем освоении данного участка.

с. 65 — «...что лишний раз подтверждает, что в этом месте существовало укрепление». Такое раннее появление в Заднепровье укреплений пока археологически не зафиксировано, однако, мысль о появлении названия ручья Городянки-Городни в связи со строительством укреплений в начале XV в. после присоединения Смоленска к Литве важна — иначе трудно толковать этимологию названия ручья: ведь обычно так назывались речки по расположенным на их берегах древним городищам, а в долине Городянки городища неизвестны.

с. 72 — «Таким образом, рассматриваемое сооружение возникает, скорее всего, после возвращения Смоленска Московскому государству и не ранее 30-х гг. XVI в., когда был устроен «Большой новый город». О времени строительства башнеобразного сооружения близ Вознесенского монастыря на территории Государева двора нет никаких археологических данных. Н.В. Сапожников датирует его 1530 гг., хотя сейчас установлено, что, вероятнее всего, эта территория в 1530-х гг. все еще была за чертой городских укреплений.

с. 75 — «Местом сосредоточения общественной жизни Смоленска являлся Большой городской торг». На место расположения городского торгового центра в Смоленске прямо указывает сообщение уже цитированного документа 1497 г. о «Торговищи подле Днепрских ворот» (см. Примечание 8).

с. 80 — «...огород с капустником на Соборной горе... Огороды существовали не только на территории города, но и за его укреплениями». Огородные участки под такую культуру, как капуста, никогда на Руси не отводились на возвышенных местах, а всегда базировались на пойменных участках с соответствующей для этой культуры почвой. С другой стороны, «огород» в то время мог обозначать не только участок под овощными культурами, как справедливо уточняет далее и Н.В. Сапожников.

с. 81 — «Остатки одного из таких захоронений курганного типа начала — середины XII в. были обнаружены в 1890 г. на Безымянной улице [139]. Это пока единичная находка места погребений курганного типа». Определение этой находки как остатков погребения в кургане в свете современных знаний весьма сомнительна, т.к. данный участок в это время находился на городской территории в окружении недалеко стоявших церквей (см. примечание к стр. 55).

с. 85 — «В начале XX столетия Г.К. Бугославский, ссылаясь на грамоту литовского князя Александра 1497 г., высказал ничем не аргументированное предположение о наличии в городе пяти концов». Вряд ли предположение Г.К. Бугославского можно назвать абсолютно неаргументированным: в документе перечислены четыре части города, в которых были поселены люди епископа: Пятницкий и Крынешовский (Крылошевский) концы, Васильевская гора и «За Днепром». «Петровское сто» в Смоленске упомянуто в «Слове о Меркурии Смоленском» (Слово о Меркурии Смоленском, 1997. С. 204). Таким образом, можно говорить о них как об

особых «районах» средневекового города. Однако эти части города, кроме Пятницкого и Крылошевского концов, нигде не названы концами.

с. 87 — «В грамоте 1497 г. великого литовского князя Александра смоленскому епископу Иосифу есть сведения, по которым северную часть Васильевской (позднее — Вознесенской) горы следует включить в пределы территории Пятницкого конца». Таких сведений нет. Напротив, в грамоте Васильевская гора упомянута наряду с Пятницким и Крылошевским концами и Заднепровьем как отдельная часть города (см. предыдущее примечание).

с. 88 — «...обнаружена одна из древнейших (первая половина XII в.) церквей». Имеется в виду церковь в Перекопном переулке, исследованная Д.А. Авдусиным в 1955 г. и датируемая сер. XII в. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 115).

с. 91 — «Топоним «Пятницкий» возникает не ранее 1013 г. — официальной даты крещения Смоленской земли, а «Крылошевский», вероятно, появился в еще более позднее время и связан с учреждением в 1136 г. в Смоленске местной епископии и расселением представителей церковного причта в этой части города». Здесь Н.В. Сапожников излишне категоричен в отношении столь раннего появления названий концов: очевидно, Пятницкая церковь не была построена именно в год крещения Смоленска, и поэтому сам термин «Пятницкий конец» не мог возникнуть в это время; также и название другого конца вряд ли могло появиться в 1136 году, т.к. клир кафедральной церкви не мог мгновенно заселить все окрестности Соборной горы. Скорее всего, эти названия появились существенно позже, в XIII—XIV вв., а после потери значения кончанских структур (начиная с мероприятий Василия Иоанновича по выселению бояр и купцов) постепенно превратились фактически в топографические указатели, в качестве чего и фигурировали в документах XVII в.

с. 94 — «По одним данным она (Смядынь) была в это время еще пустынной и глухой: здесь пасли скот, купеческие же суда проходили мимо без остановок [76, т. 9, с. 73]; по другим — это место «стройно» [268, с. 359]. Видимо, нужно отдать предпочтение первому варианту...». Окрестности близ устья речки Смядынь, судя по новейшим археологическим данным, видимо, были заселены уже в начале XI в. (Ершов, 2014. Отчет), однако о наличии здесь княжеской резиденции говорить пока нет никаких оснований.

с. 96 — «В шурфах между Борисоглебским собором и ц. Василия, где в прошлом веке было найдено несколько вислых печатей [238, с. 16]». Имеются в виду шурфы Д.А. Авдусина 1959 года; по поводу находок вислых печатей автором дается ссылка на сообщение С.П. Писарева о нахождении одной печати князя Вячеслава Ярославича (?) в районе церкви на Б. Краснофлотской у домов №№ 41—43. Кроме того, сейчас известны находки около десяти вислых печатей в Смоленске: в руинах Борисоглебского собора в 1908 г., на ул. Беляева в котловане строительства моста в 1920-х гг., в раскопе Д.А. Авдусина на ул. Студенческой, в раскопе Студ-4 в 1954 г., печать неизвестного местонахождения и неизвестного хранения (найдена до 1908 г.) и др. (обзор см.: Ершов, Кренке и др., 2016. В печати). На этом

основании можно говорить о повсеместном нахождении вислых печатей в центре Смоленска, а не только на Смядыни.

с. 96 — «Керамика XII–XIV вв. у Свирской церкви...». При тщательном анализе керамического материала из шурфов Д.А. Авдусина 1959 года выяснилось, что район вокруг церкви Архангела Михаила был заселен уже в XI веке: в коллекции массового материала, хранящейся в Смоленском музее-заповеднике, имеются венчики круговых сосудов этого времени.

с. 105 — «В жалованной грамоте 1497 г. упомянуто «место церковное звечное» у пристани на Днепре, которая, как считается, располагалась на песчаной косе к северо-востоку от Крылошевских ворот крепости начала XVII в. [241, с. 2, № 27]. Примерно в 250 м к югу от нее в 1929 г. при земляных работах обнаружены руины церкви, как полагал И.М. Хозеров, первой половины XII в. [158, с. 335]». Имеются в виду руины т.н. Духовской церкви, покоящиеся, предположительно, во дворе школы № 1 (д. 24 по ул. Соболева).

с. 106 — «Кроме даты постройки собора — конец XII — начало XIII вв. — за это говорит сделанная на стене южной галереи запись-граффити о «врагах-игуменах», связанная, может быть, с гонениями на Авраамия (Смоленского) в первые годы XIII в. [158, с. 327; 254, с. 179]». Дискуссия о толковании текстов граффити на стенах Собора на Протоке (а речь идет о нем) еще не закончена. См. Гиппиус, Михеев, 2013. С. 175–183.

с. 108 — «Далее он простирался за р. М. Рачевку «до двора где Воля сидит нашое великое княгини Олены». Современное прочтение этого фрагмента: «до Вору, где воля сидит нашое великое княгини Олены» (АЗР, Т. 1 (6). № 214. С. 149).

с. 108 — «Упоминание «Чуриловичей на горах» подразумевает, что поселение распространялось и на низинную часть, вплоть до берега Днепра. Таким образом, уже в конце XV в. Чуриловская слобода занимала пространство от истоков р. Чуриловки до ее устья». По новым данным археологии, и в устье Чуриловки, и в средней части течения речки (в районе совр. стадиона «Спартак») выявлены находки XI в. и более поздние (однако эти ареалы находок могут отражать существование совершенно разных, независимых друг от друга пригородных поселений). Вообще, эти упоминания топонимов «Чуриловичи» и «Чурилово» в документе вряд ли могут быть однозначно отождествлены с названием смоленской речки и позднейшей слободы Чуриловки. Упоминание конфликтов с соседними землевладельцами князьями Горскими и Шишевскими (ветви князей Друцких) и определение «на Горах» позволяет предположить, что речь идет о местности близ родовых имений последних Горы и Шишево в современном Горецком районе Могилевской области Белоруссии, где имеется селение Чурилово. Упоминаемая в деле о конфликте с князьями Шишевскими река Пропать, по-видимому, вариант названия протекающей здесь же р. Проня. Здесь же названо имение епископа «на Сове», идентифицируемое с населенным пунктом Сава на р. Проня в том же районе (АЗР. Т. 1(6) № 217, 293, 294. С. 151–152, 201–204).

с. 109 — *«имя Чурило идентично имени Кирилл. Таким образом, поселение названо именем какого-то Чурилы-Кирилла или его детей. Все это свидетельствует о большой древности Чуриловской слободы. Исследователи полагают, что на наименовании реки перешло название церкви конца XII — первой половины XIII вв., раскопанной в устье р. Чуриловки, а затем на само поселение [158, с. 238]. Оно существовало здесь еще до постройки церкви, на что указывает наличие культурного слоя XII в., предшествующего закладке храма»*. Имя Чурило могло быть и дохристианским в форме Чурило-Джурило и не иметь никакой связи с названием церкви в честь Кирилла, а переход названия церкви на речку и далее на село-деревню практически крайне редок по законам топонимистики, тем более, что эти поселения, судя по находкам керамики XI в. на ул. Пушкина в районе домов 47–53 (Олейников, 2005. Отчет №31669), возникли существенно раньше церкви в устье Чуриловки (лет на 100).

с. 109 — *«Можно полагать, что эта церковь фигурирует в поздних источниках под названием Богоматеринской [44, с. 170, № 145 П; 93, с. 31]»*. Руины храма не выявлены до сих пор, хотя и несомненно, что они присутствуют именно в районе ул. Пушкина где-то вблизи домов № 47–53.

с. 111 — *«Однако, по инерции сам И.И. Орловский и другие исследователи продолжали связывать эти руины с Козьмодемьянским монастырем»*. По-видимому, данные развалины, связываемые традицией с Козьмодемьянским монастырем, могут быть остатками приходской церкви св. Козьмы и Дамиана, упоминание о существовании которой в этом районе встречено в документе 1634 г. (Курмановский, 2014. С. 3–5).

с. 112 — *«Таким образом, достоверно можно говорить о существовании в городе и вокруг него 13 монастырей, причем все они, скорее всего, существовали и в домонгольский период»*. Это утверждение о раннем существовании монастырей слабо аргументировано: никак не может быть доказано существование в домонгольское время Петровского (с церковью Петра и Павла), Михаило-Архангельского, Еленского, Пятницкого монастырей.

с. 113 — *«В связи с затронутой проблемой следует особо остановиться на характеристике еще одного монастыря — Вознесенского, который, как считают, был основан Василием III в 1515 г.»*. Весьма вероятно, что данные об основании Вознесенского монастыря при Василии III являются легендарными. В сохранившихся письменных источниках XVI — начала XVII вв. (документы Смоленской приказной избы, Роспись руги) какие-либо упоминания монастыря отсутствуют.

с. 114 — *«Можно также предположить, что одна из слобод Еленского монастыря располагалась на месте села, принадлежавшего в XV в. княгине Елене Ивановне»*. Данное поселение в цитированном выше документе 1497 г. названо термином «воля», очевидно, тождественным более распространенному термину «слобода».

с. 117 — *«Но данные его топографии не в состоянии прояснить вопросы ранней истории города, в частности, местоположения первоначального поселения и времени его возникновения»*. В настоящее время археологические данные уже позволяют говорить о первоначальном ядре города на Соборной горе и ряде мелких

поселений вокруг горы, возникших в IX — начале X вв. (Ершов, Кренке и др., 2016. В печати).

с. 173–174 — *«Резницкая улица находилась на территории древнейшей части Смоленска в пределах «Старого города». В срединной ее части, напротив Успенского собора, в XIX в. наблюдались руины храма домонгольского времени».* Л.Я. Лавровский ссылался на указание Н.В. Трофимовского (Лавровский, 1914. С. 23–25) о выходах плинф в Смолиговом овраге не напротив собора, а напротив здания епископских палат, т.е. несколько южнее, где-то в районе д. 15–17 по ул. Коненкова или д. 4 по ул. Парижской коммуны.

с. 175 — *«Таким образом, и существовавшая здесь прежде улица стала именоваться так не ранее второй половины XVI в.».* Учитывая отсутствие упоминания церкви Казанской Богоматери в актах начала XVII в. и невозможность существования действующих православных храмов в период нахождения Смоленска в составе Речи Посполитой, более вероятным представляется возникновение Казанской церкви во второй половине XVII–XVIII вв.

с. 176 — *«Есть основания полагать, что здесь и в более раннее время существовала Спасская церковь, развалины которой обнаружены при земляных работах и датированы по клеймам на плинфе 40-ми годами XII в. Под руинами храма выявлен культурный слой, отнесенный И.М.Хозеровым к IX–XI вв. [282, с. 24]. Вполне вероятно, что улица в этой части города существовала уже в XI–XII вв.».* Действительно, в 2014 г. по адресу ул. Реввоенсовета, 2 была найдена лепная керамика IX–X вв. (Ершов, 2014. Отчет); однако руины церкви до сих пор не выявлены.

с. 178 — *«Но если бы название сотни происходило от слова «возить, везти», то оно должно было упоминаться в источниках только как «Везовенская», тогда как документы знают и другое написание — «Вязовенская».* Учитывая наличие в смоленском говоре начала XVII в. яканья, отчетливо прослеживаемого в документах Смоленской приказной избы, такое написание совершенно не противоречит подобной этимологии, которая, однако, вряд ли бесспорна.

с. 179 — *«Наименование сотни происходит от словосочетания «во рву».* Топоним «Вор» в этой местности упоминается уже в 1497 г. (см. Примечание к с. 147).

с. 181–182 — *«Пятницкий монастырь... Локализуется на месте пересечения улиц Большая Вознесенская (совр. Пржевальского) и Николаевской (совр. Ногина)».* Вопрос о локализации Пятницкого монастыря, соотношении между собой Пятницкого монастыря и Пятницкой церкви и количестве Пятницких церквей в средневековом Смоленске имеет довольно значительную историографию и на данный момент не может считаться решенным (Гиршевич, 2013. С. 55–57. Курмановский, 2016).

Список архивных материалов и литературы к комментариям

1. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездове // Архив ИА РАН. — Ф-1. — № 702, 1952.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1841. — Т. 2.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России (АЗР). Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика 1494—1506 гг. Шестая книга записей Литовской Метрики. — М.-СПб.: Нестор-История, 2012. — 664 с.
4. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. — М.: Наука, 1979. — 413 с.
5. Гиппиус А.А., Михеев С.М. Надписи-граффити смоленского Собора на Протоке из фондов Новгородского музея // Вопросы эпиграфики. — М.: Университет Дм. Пожарского, 2013. — Вып. VII. Ч. 2. — С. 175—183.
6. Гиршевич М.А. О локализации Пятницкой церкви и границах Пятницкого конца Смоленска // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — М., 2013. — № 4 (54). — С. 55—57.
7. Ершов И.Н. Отчет об археологических исследованиях в Смоленске в 2014 г. // Архив ИА РАН. — Ф-1. — Б/н, 2014.
8. Ершов И.Н., Кренке Н.А., Муренцева Т.Ю., Олейников О.М., Раева В.А. Источниковая база по археологии Смоленска: данные о поселении/городе VIII—XIII вв. // Российская археология. — В печати. — 2016.
9. Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном историческом музее. — М., 2011. — Вып. 2. — С. 58—91.
10. Курмановский В.С. О Пятницком конце и Пятницкой церкви средневекового Смоленска // Математическая морфология. Электронный математический и медико-биологический журнал. — 2016. — Т. 15. — Вып. 1. <http://www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-49—html/kurmanovskiy/kurmanovskiy.htm>.
11. Курмановский В.С. К вопросу о Козьмодемьянском монастыре в Смоленске // Край Смоленский. — Смоленск, 2014. — № 5. — С. 3—5.
12. Лавровский Л.Я. Новые данные для топографии г. Смоленска в начале XVII в., по документам Смоленской Приказной избы, при воеводе боярине М.Б. Шелине (1608—1611 г.) // Отдельные оттиски из №№ 8 и 9 Смоленских Епархиальных Ведомостей за 1914 год. — Типография П.А. Силина, 1914. — С. 229—243.
13. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. — М.: Древлехранилище, 2006. — 624 с.
14. Миненко В.В. Отчёт о проведении охранных археологических раскопок на участке строительства комплекса рыночной торговли в г. Смоленске по ул. Желябова-Кашена, д. 11а в 2004 г. // Архив ИА РАН. — Ф-1. — №30280—30282, 2005.

15. Олейников О.М. Отчёт о проведении охранных археологических исследований в Смоленске по адресу: ул. Новоленинградская, 11 в 2005 г. // Архив ИА РАН. — Ф-1. — № 31696, 2005.

16. Олейников О.М. Отчёт о проведении охранных археологических исследований в Смоленске по адресу: ул. Пушкина, 53 в 2005 г. // Архив ИА РАН. — Ф-1. — № 31669, 2005.

17. Олейников О.М. Отчёт о проведении охранных археологических исследований в Смоленске на объекте строительства пригородного вокзального комплекса на станции Смоленск Центральный в 2005–06 гг., ул. Кашена 14 // Архив ИА РАН. — Ф-1. — № 33406–33408.

18. Описания городов европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг. — М.: Древлехранилище, 2005. — 316 с.

19. Орловский И.И. Достопамятности Смоленска. — Типография П.А. Или-на, 1905. — 81 с.

20. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. Под ред. и с пред. Ю.В. Готье // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. — М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. — Вып. 6. — XVII. — 282 с.

21. Полесский-Щепилло М.П. Раскопки развалин древняго храма Св. Великомученицы Екатерины, в восточном предместьи г. Смоленска // Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г. Издана Смоленским губернским статкомитетом. — Смоленск: Губернская типография, 1870. — 172 с. (Отд. нумерация страниц: С.1–37 и Изъяснения: С. 1–5).

22. Привилей короля и великого князя Сигизмунда III на организацию униатской архиепископии в Смоленске. — РГАДА. — Ф. 389. — Литовская Метрика. — Кн. 101.

23. Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI–XVII вв. у Молоховских ворот. — Смоленск: Свиток, 2012. — 120 с.

24. Пуцко В.Г. Кутузовская икона в Смоленске // Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и российской провинции. Сб. статей. — Малоярославец, 2000.

25. Роспись выдаваемой от царицы Александры Федоровны руги смоленским церквам и монастырям из Рославльских житниц (Документ из архива Масловых 1598 г.) 1911 // Смоленская старина. — Вып. 1. — Ч. II. — Смоленск. — С. 29–34

26. Слово о Меркурии Смоленском // Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 5. — XIII в. — СПб, 1997. — С. 204–209.

27. Филюшкин А.И. «Образ крепости»: символы и образы в изображениях крепостей периода Ливонской войны в Лицевом летописном своде и европейских гравюрах // Тезисы докладов участников VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (61). Институт славяноведения РАН. — Изд-во Индрик, 2015. — С. 126–127.

28. Жывапіс Беларусі XII–XVIII ст.: Фрэска. Абраз. Партрэт. — Мн., 1980.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА – Академия архитектуры СССР.
АИЗ – Археологические известия и заметки.
БГУ – Белорусский государственный университет, Минск.
ВАН – Вестник Академии наук СССР.
ВМУ – Вестник Московского университета.
ВУА – Военно-ученый архив, Москва.
ГИМ – Государственный исторический музей, Москва.
ГЭ – Государственный Эрмитаж, Ленинград.
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ИА – Институт археологии АН СССР, Москва.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии, СПб.
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, Москва.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет им. А.А.Жданова.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАР – Материалы по археологии России.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, М.-Л.
МИСО – Материалы по изучению Смоленской области, Смоленск.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Русский архив.
РИБ – Русская историческая библиотека.
СА – Советская археология.
СВ – Смоленский вестник.
СГПИ – Смоленский государственный педагогический институт им. Карла Маркса.
СГУ – Смоленский государственный университет.
СЕВ – Смоленские епархиальные ведомости.
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР.
СОМ – Смоленский областной краеведческий музей, ныне – Смоленский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
ТГУ – Тартуский государственный университет.
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы / Пушкинский дом / АН СССР.
ЦГА ВМФ – Центральный государственный архив Военно-морского флота, Ленинград.
ЦГВИА – Центральный государственный Военно-исторический архив, Москва.
ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.